

Сетевой научный журнал

Научный результат

Том 1
№3 2015

Research result

Сетевой научный рецензируемый журнал
Online scholarly peer-reviewed journal

*Социальные и
гуманитарные
исследования*

ISSN 2408-932X

9 772408 932009

Сайт журнала:
<http://rr.bsu.edu.ru>

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.

Включен в библиографическую базу данных
научных публикаций российских ученых РИНЦ

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2013 г., ежеквартально
ISSN 2408-932X

Том 1. №3(5), 2015

Учредитель:

ФГАОУ ВПО «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Ольхов П. А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Волкова О. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:

Мотовникова Е. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ:

Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

RESEARCH RESULT

SERIES «SOCIAL
STUDIES AND HUMANITIES»

Mass media registration certificate
El. № FS 77-55674 of October 28, 2013

Included into bibliographic database of scientific publications of
Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2013.
Frequency of publications: quarterly
ISSN 2408-932X

Volume 1. №3(5), 2015

Founded by:

Belgorod State University

EDITOR-IN-CHIEF:

PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

DEPUTY CHIEF:

OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

DEPUTY CHIEF – MAKE-UP EDITOR:

ELENA N. MOTOVNIKOVA, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

ENGLISH TEXT EDITOR:

IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

EXECUTIVE SECRETARY:

ELENA N. MUSAE LYAN, Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Pedagogical Institute, National Research University “Belgorod State University”

MEMBERS OF EDITORIAL BOARD:

MIKHAIL S. ZHIROV, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Dean of the Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”, Honored Worker of Culture of the Russian Federation

TAMARA I. LIPICH, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

Пенской В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Денисова И.В., кандидат исторических наук, директор музея Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданская И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Носова Т.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия - *председатель*

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Буксикова О.Б., доктор искусствоведения, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винцигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

Иванова И.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета, Республика Кыргызстан

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капицын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожмякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета

Латина С.В., доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь

ANDREY D. MAIDANSKY, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Deputy Dean for Research and International Activities, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

VITALY V. PENSKOY, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

IRINA V. DENISOVA, Ph.D. in History, Associate Professor, Director of the University Museum, National Research University “Belgorod State University”

IRINA A. MAIDANSKY, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

TATIANA V. NOSOVA, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University “Belgorod State University”

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

BORIS I. PRUZHININ, Doctor of Philosophy, Professor, editor-in-chief of “Voprosy Filosofii”, Russia – *Chairman*
ARKADY A. ARONOV, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of civilization and Museum management studies department, Institute of Cultural Studies and Museum management studies of Moscow State University of Arts and Humanities

SINIŠA ATLAGIĆ, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

OLGA B. BUKSIKOVA, Doctor of Art study, head of the department of theory and methodology of choreography, producing, dramatics and choreography faculty of Belgorod State Institute of Arts and Humanities

SERGEY B. BYSTRYANTSEV, Doctor of Sociology, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics

SARAH WENDT, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

NIKOLAI N. VERESOV, Doctor of philosophy, Professor, The Monash University, Australia

LORENZO VINCIGUERRA, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d’Esthétique à l’Université de Picardie Jules Verne d’Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

IRINA I. IVANOVA, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

ILYA F. ISAEV, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of National Research University “Belgorod State University”

VLADIMIR M. KAPITSYN, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University

EUGENE A. KOZHEMYAKIN, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, National Research University “Belgorod State University”

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, профессор кафедры административно-правых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Малай В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Центр Балканских исследований, государственный Нишский университет, Республика Сербия

Ойттинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального Исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса в г. Орле, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, профессор Паневропейского университета, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Щедрина Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

ALEXANDER P. KOROCHENSKY, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism, National Research University “Belgorod State University”

SVETLANA V. LAPINA, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

VASILY V. LIPICH, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, National Research University “Belgorod State University”

KONSTANTIN N. LOBANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

GORAN MAKSIMOVIĆ, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

VERA V. MALAI, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research University “Belgorod State University”

DEJAN MARKOVIĆ, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

LYUDMILA A. MIKESHINA, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University

LJUBIŠA MITROVIĆ, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

VESA OITTINEN, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

ELENA A. OKLADNIKOVA, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg

VLADIMIR N. PORUS, Doctor of Philosophy, Professor, head of the School of Philosophy, a leading researcher of the Laboratory of research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University “Higher School of Economics”, Russia

ANNA P. ROMANOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University

KONSTANTIN V. STAROSTENKO, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol

HARRI TALIGA, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia.

VERA K. KHARCHENKO, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University

ZHU TSZYANGAN, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, the People’s Republic of China, Jiangsu Province

BRANIMIR ČOVIĆ, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

TATIANA G. SHCHEDRINA, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

ANNETT JUBARA, Dr. Phil., Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

ОТ РЕДАКЦИИ

Ольхов П.А.

Власть контекста.....6

ИССЛЕДОВАНИЯ

Монастырская И. А.

Философия диалога О. Розенштока-Хюсси в контексте проблем современного образования..... 8

Бардыкова И. В.

«Преступление и наказание» Ф. Достоевского и «Американская трагедия» Т. Драйзера: опыт интертекстуального анализа.....18

Иванов О. И.

Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения.....29

Кардинская С. В.

Национально-культурные объединения (НКО) в современном российском обществе (на примере Удмуртии).....35

Короченский А. П.

К вопросу о специфике жанровой системы испаноязычной периодики.....42

Меринов В. Ю.

Советская журналистика 30-х – начала 50-х годов как искусство соцреализма. Положительный герой.....55

АРХИВ

Московкин В. М.

К истории харьковского музыкального образования. Опыт систематического исследования (1910–1940 гг.).....67

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ,
ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ**Газнюк Л. М.**

Экзистенциально-антропологический статус человека в мегаполисе.....93

Бейлин М. В.

Ценностные основания научных исследований в констелляциях постнеклассики.....102

Пенской В. В.

Святой или “Erbfeind gantzer Christenheit”? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность.....110

FROM THE EDITOR

Olkhov P.A.

Under the power of contexts: warranties and gifts.....6

RESEARCHES

Monastyrskaya I. A.

Philosophy of dialogue of Eugen Rosenstock-Huessy and contemporary education.....8

Bardykova I. V.

“Crime and Punishment” by F. Dostoevsky and “An American Tragedy” by T. Dreiser: intertextual analysis.....18

Ivanov O. I.

Social space as a scientific concept and the object of empirical study.....29

Kardinskaya S. V.

Ethnic cultural organizations (ECO) in the contemporary Russian society (an example of the Udmurt Republic).....35

Korochensky A. P.

Revisiting the specific system of genres in Hispanic periodicals.....42

Merinov V. Yu.

The Soviet journalism of the years 30s–50s as the art of socialist realism. Positive character.....55

ARCHIVE

Moskovkin V.M.

Publications about the Incunabula in the Open Internet Access.....67

MISCELLANEOUS: MESSAGES,
DISCUSSIONS, REVIEWS**Vitaly V. Penskoj**

The existential and anthropological individual status in the city.....93

Chistyakova E. Yu.

The valuable bases of studies in the constellation of the postnonclassical science.....102

Penskoj V. V.

Saint or “Erbfeind gantzer Christenheit”? Ivan the Terrible and his era: character and reality110

ОТ РЕДАКЦИИ

Павел Ольхов, главный редактор

ВЛАСТЬ КОНТЕКСТА

Материалы междисциплинарных исследований, которые представлены в очередном номере журнала, чаще всего контекстуально ориентированы. Контекстуальные установки здесь способствуют выявлению новых предметных смыслов в известных, прежде теоретически освоенных, «понятных» областях социальной или гуманитарной реальности – позволяют переуточнить или понять иначе уже понятое.

В статье И.А. Монастырской, открывающей номер, – «Философия диалога О. Розенштока-Хюсси в контексте проблем современного образования», – указывается на возможность контекстной актуализации весьма нетривиального, диалогического опыта социального мышления середины XX столетия. Как возможен социальный исход из ситуации современного образования, которое почти повсеместно утратило свою диалогическую определенность? Повсюду почти утратилась вера в образование, его просветительский, спасающий потенциал – утрачено доверие не только к некоторым его конфессиональным формам, но и самой его социальности, «народности», как об этом мыслилось еще в конце XIX-го и начале XX вв., в эпоху народных школ, училищ и университетов, которые так успешно возникали и развивались в Германии и Австрии, охотно принимались и становились уважаемыми в России и всей европейски ориентированной образовательной культуре. Как возможна новая консолидация образования, не сводимая, разумеется, к его технологическим формам и практикам? Неприемлема мультипликация образовательных парадигм, их умозрительное приумножение или специализация; тем более нельзя представить некие универсальные теоретические перспективы для образования XXI в. Вчитываясь в диалогическое наследие О. Розенштока-Хюсси из теперешнего контекстуального образовательного избытка мы рискуем вольно обратиться с его историческими смыслами; однако, этот риск «чрезмерной интерпретации» (как сказал бы У. Эко) граничит с удачей открытия новых возможных областей социального мышления, которое стремится к новой исторической конкретности.

Риски контекстуального понимания продуктивно сказываются в статье И.В. Бардыковой – опыте перепрочтения «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского и «Американской трагедии» Т. Драйзера, – в интертекстуальном структурировании социальных и литературно-герменевтических смыслов обоих романов, практиках понимания их возможной взаимности.

Вполне рискованно и продуктивно, на мой взгляд, контекстуально возвратное понимание концепта социального пространства в статье О.И. Иванова – обстоятельное исследование эпистемологических возможностей этого концепта в

неявном контексте «научного миропонимания» 10-20-х гг. XX в., – как научного понятия и объекта эмпирического изучения. Эмпиризм, которому всегда сопутствовал интерес к теоретико-познавательным проблемам социального знания, возможности их научно-антропологического прочтения, не является завершенным проектом социального знания; его сохранение и применение как исторически выверенного эпистемологического стиля социального мышления ничуть не менее актуально, чем наблюдения за текучестью или беспорядком в социальных науках.

С некоторой эмпирической пространностью и продуктивностью устанавливаются контекстуальные границы в статье С.В. Кардинской о национально-культурных объединениях Удмуртии: анализ исследовательских материалов погружен в административно-юридические и макросоциальные концептуальные среды (интерпретация распределяется в некотором контекстуально-смысловом интервале между концептами «национально-культурного объединения» и «современного российского общества»).

Подобным образом – вплоть до некоторого касталийского розыгрыша всерьез – выполнены и публикуются авторские размышления В.В. Пенского «Святой или “Erbfeind gantzer Christenheit”? Иван Грозный и его эпоха: образ и реальность» и обстоятельные работы дебютантов журнала, авторов контекстуально виртуозных, на мой взгляд, материалов, – Л.М. Газнюк («Экзистенциально-антропологический статус человека в мегаполисе») и М.В. Бейлина («Ценностные основания научных исследований в констелляциях постнеклассики»).

В отношении невольного взаимного прояснения – монографическая, новаторская в эмпирическом отношении статья А.П. Короченского «К вопросу о специфике жанровой системы испаноязычной периодики» и статья – дидактический концепт В.Ю. Меринова «Советская журналистика 30-х – начала 50-х годов как искусство соцреализма. Положительный герой». Обе они насыщены концептуальными смыслами вполне знакомой философии журналистики и философии литературы; тем самым обе сплочены в некоторое контекстуальное единство продуктивного эмпирического понимания. В архивном отделе номера публикуется объемистая, эмпирически новаторская статья В.М. Московкина «К истории харьковского музыкального образования. Опыт систематического исследования (1910–1940 гг.)»; ее контекстные, академические концепты вполне согласуются с теми, которые проявляются в работах А.П. Короченского и В.Ю. Меринова.

Материалы в новом номере подобраны так, что контекстуальная их ориентация нигде не дает себя знать с некоторой филологической буквальностью; власть контекста, с которой соглашаются и на которую успешно опираются авторы номера, есть власть метафорическая, власть переходного периода в социальном и гуманитарном знании. Контекст – когнитивная метафора, вольное или невольное обращение к которой позволяет усматривать новую предметную реальность в рамках устоявшихся концептуально-речевых схем и актуализировать то, что устоялось, как забытое новое, от которого уже возможно отстраниться и которое нельзя устранить.

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 141

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-8-17

Монастырская И.А.

ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА

О. РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Монастырская Ирина Александровна*кандидат философских наук, доцент*

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия

E-mail: Mirina70@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Идея опережающего образования, соответствующего современному технотронному обществу рисков, отражает позицию, при которой учитель и обучающиеся осуществляют совокупное действие по пониманию (познанию) мира и себя в мире. Большое значение в связи с этим приобретает изучение, практическое осмысление диалогической философии, которая может рассматриваться как парадигма современного образования. В статье анализируется с позиции философии диалога концепция современного образования как образования на всю жизнь, основные принципы которого утверждены Болонской декларацией (1993) и рекомендованы для реформ систем образования в мире. Исследование обращено к философии диалога Ойгена Розенштока-Хюсси (1888-1973), немецко-американского мыслителя, ученого, педагога, теолога. Его концепция диалогического мышления как «речевого мышления» по сравнению с другими мыслителями-диалогистами (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, М. Бахтин, С. Франк) остается недостаточно изученной в отечественной философии и науке.

Диалогический метод, разработанный О. Розенштоком-Хюсси, позволяет рассматривать образование «в качестве большой модели всякой жизни, происходящей во времени», управляющей силой которого выступает опережающее сознание. Готовность к новому, потребность в этом новом представляет собой проблему для многих современных учащихся. Методологией и методикой обучения и развития творческого потенциала личности выступает разработанный О. Розенштоком-Хюсси, «грамматический метод» (диалогический), выраженный в «речевом мышлении» как единстве четырех ориентаций речи: императивной, субъективной, траекторной и аналитической (объективной). В такой исторической и возрастной последовательности образуется (воспитывается) личность и человеческое сообщество в диалоговом пространстве от «Ты» и «Я» к «Мы» и «Они».

Ключевые слова: диалог; философия диалога; непрерывное образование; опережающее сознание; «живое знание»; «речевое мышление».

RESEARCHES

UDC 141

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-8-17

Irina A. Monastyrskaya

PHILOSOPHY OF DIALOGUE OF EUGEN ROSENSTOCK-HUESSY AND CONTEMPORARY EDUCATION

Monastyrskaya Irina Alexandrovna*PhD in Philosophy, Associate Professor*

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia

E-mail: Mirina70@yandex.ru

Abstract

The idea of advanced education, corresponding to the modern technotronic community of risks, reflects the position of the teacher and students in the understanding (cognition) of the world and themselves in the world. In this connection, the great importance is acquired by learning, practical understanding of philosophy of dialogue that can be seen as a paradigm of modern education. The article analyzes the modern concept of education as education for life, the basic principles of which are approved by the Bologna Declaration (1993) and are recommended for reforms in the systems of education in the world. The study examines the philosophy of dialogue of Eugen Rosenstock-Huessy (1888-1973), a German-American philosopher, scientist, educator, and theologian. His concept of dialogical thinking as «verbal thinking» compared with other thinkers such as M. Buber, F. Rosenzweig, M. Bakhtin, S. Frank, remains understudied in national philosophy and science.

The dialogical method developed by Eugen Rosenstock-Huessy considers education “as a great model of life taking place in time”, and here advanced consciousness acts as a driving force. Readiness for the new, the need for this new is a challenge for many of today’s learners. “Grammatical method” (dialogic) of Eugen Rosenstock-Huessy which is expressed in “verbal thinking” as the unity of four orientations of speech- imperative, subjective, trajectory and analytical (objective) acts as methodology and methods of teaching and development of the individual. In this age and historical sequence the person and the human community are formed in the dialogue area from “You” and “I” to “We” and “They”..

Keywords: dialog; philosophy of dialogue; continuing education; advanced consciousness; «live knowledge»; «verbal thinking».

На рубеже XX-XXI вв. происходит серьезная «переоценка ценностей», техногенная цивилизация переживает системный кризис, выраженный в «бегстве от мышления» (М. Хайдеггер), в разрушении экзистенциальных предельных оснований бытия человека. Выходом из кризиса становится осмысление альтернатив технократизма, поиска новых моделей мышления и рождения новой ценностной доминанты в мышлении, которая может противостоять односторонности, частичности, жесткости прагматического рационализма и обеднению человеческого бытия. Итог исканий – это конституирование целостного мира культуры, построенного на диалоге человека с природным миром, социальным, божественным.

До конца XX в. общество не ставило перед образованием задачу «опережающего развития», образование в целом было консервативным, но чтобы удовлетворить новые запросы общества как «общества знаний» [3], современное образование должно не только соответствовать настоящим реалиям, но и быть способным определять вектор будущего развития. Основными принципами образования в XXI веке должны стать: фундаментализация образования, научно-исследовательская деятельность, эффективность (практическая направленность). Вместе с тем необходимо понимать, что образование как социокультурный институт не ограничивается передачей специальных знаний, а выполняет целый ряд важных социальных функций, участвуя в воспитании личности, способной ориентироваться в сложном, непредсказуемо меняющемся мире. Образование не только социализирует человека, но и закладывает аксиологический фундамент личности, который позволяет сформировать нравственный императив и не может быть создан проективно, за короткое время.

С нашей точки зрения, это значит, что современная концепция образования должна трактоваться весьма широко, как концепция непрерывного образования или образования через всю жизнь, построенного на диалоге, гармонии и взаимопонимании субъектов познания, а не только на учебных программах (в школах, вузах). И в сущности своей должна выстраиваться как интегративная система,

включающая в себя разные подходы, такие как, например, личностно-развивающий, диалогический, компетентностный, традиционный, инновационный и др.

В настоящее время идет интенсивный поиск новой парадигмы образования, которая соответствовала бы целям будущей цивилизации. Такая парадигма, на наш взгляд, может быть теоретически рассмотрена, исходя из идеи опережающего образования (в контексте непрерывного образования), опирающегося на принцип Болонской декларации, чтобы «каждый научился учиться». Опережающее образование ориентирует человека на «живое знание», построенное самими субъектами обучения. Именно такое «живое знание» способно существенно ограничить привычку к использованию заданных педагогами готовых «знаний-шаблонов» (и компетенций, которые в последнее время все более становятся определяющими в системе образования), ориентирующих человека только в определенных стандартных условиях. Образование в сущности своей намного шире, гуманнее, так как ставит своей целью развитие личности, побуждение ее к самостоятельной творческой мыслительности.

Необходимо отметить, что еще в XIX веке русские философы-славянофилы (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский) ввели понятие о «живом знании» [2; 15], которое строится как живой образ, живое слово, живое действие, – ибо образование в целом является живым процессом, который нельзя полностью стандартизировать и формализовать. Это понятие отражает позицию, при которой учитель и обучающиеся осуществляют совместное действие по пониманию. Именно в диалоговом, живом общении учителя и ученика возможно «живое знание» о мире и о себе. «Живое» знание способствует рождению личности, «человека в человеке» (М.М. Бахтин), «его поведенческого текста» [1], где автором выступает личность, которая «пишет самоё себя».

Большое значение в связи с этим приобретает теоретическое осмысление диалогической философии, которая может рассматриваться как методология гуманитарных наук, как парадигма современного образования. Диалогическая философия, возникшая в 20-30 гг. XX

века в Германии и России, выступила в качестве альтернативы позитивистской философии. Немецкие и русские ученые фактически одновременно стали разрабатывать новый метод – «диалогический» в России (М.М. Бахтин, С.Л. Франк, А.Ф. Лосев), «грамматический» в Германии (М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси).

Предметом нашего рассмотрения выбрана философия диалога Ойгена Розенштока-Хюсси, немецко-американского мыслителя, ученого, педагога, теолога. Это обусловлено, прежде всего, тем, что его концепция диалогического мышления как «речевого мышления», по сравнению с другими мыслителями-диалогистами, остается недостаточно изученной в отечественной философии и науке. Необходимость введения идей О. Розенштока-Хюсси в научный оборот обусловлена масштабом его теоретических построений. Его «грамматический метод» – это не только метод познания, но и начало жизни, выраженное в слове для любого человека; его «метаномика» – целостная теория общества; «история», с его точки зрения, есть живая человеческая история, выстраданная во времени и сохраненная в памяти народа через связь поколений; его педагогика – «социальная педагогика наук», без знания которых плодотворная работа в контексте современного философского дискурса не представляется полной. С нашей точки зрения, разработанная Розенштоком-Хюсси новая методология научного знания, построенного на диалоге знания и веры, науки и образования, образования и воспитания личности имеет отношение и к более общей проблематике, затрагивающей вопросы о специфике научного знания, о месте и перспективах гуманитарного мышления в свете тенденций развития современной культуры. Предметом исследования является диалогическая философия как философия образования и воспитания личности, преемственности поколений в истории и культуре, рассмотренная с позиции сущностного анализа.

Данная методология основывается на идее Логоса или Слова, рождающегося в живом речевом общении как диалоге людей; Слова, представленного в тексте; в Языке как

диалоге поколений, эпох и культур. Диалог как «взаимодействие и взаимопонимание» выступает сущностной характеристикой общения, так как несет в себе определенную систему ценностей. Именно поэтому О. Розеншток-Хюсси рассматривал общение как фундаментальный феномен бытия. Общение, приобщение к «бытию-событию» (М.М. Бахтин) возможно только через язык. «Действительный язык означает свободу между двумя людьми варьировать, дополнять взаимобразными путями одно и то же слово, идею, тему или языковой материал, – пишет Розеншток-Хюсси, – никакая часть ни одного диалога на свете не имеет смысла, если она не воспринимается как вариация чего-то общего, что разделяется говорящим и его слушающими, и в то же время как такая вариация, посредством которой говорящий устремляет людей в новое будущее» [10, с. 53].

Язык является не просто средством передачи знаний от поколения к поколению, но он – важнейшее условие осмысленного и совместного существования людей, та постоянная, как бы незримо присутствующая в нашей жизни специфическая среда, передающая совокупный опыт человечества. Язык активен, образуя «речевую цепь», он выстраивает целостное произведение человеческого сознания, включенное в диалоговое общение. При этом мышление понимается Розенштоком-Хюсси не как нечто отдельное, а как «подлинное мышление», которое полагает «поиск точек соприкосновения» во взаимодействии с Другим (другими), в языковой среде [9, с. 135]. Благодаря этой своей специфике, язык как «речевое мышление» постоянно обновляет человека, делая его надприродным, то есть культурным существом, и потому создает сообщество людей в их историческом движении, о чем свидетельствует наша память. «Благодаря языку, – пишет Розеншток-Хюсси, – каждый член группы усваивает все то, о чем когда-либо говорилось среди членов этой группы <...>. Воспоминания оседают в нем. Он становится носителем образов памяти своего народа...» [12, с. 150]. Память нации, как своеобразный «генетический код», воспроизводит, сохраняет и транслирует жизненный (культурный) опыт, пережитый многими поколениями.

**ФИЛОСОФИЯ ДИАЛОГА О. РОЗЕНШТОКА-ХЮССИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

«Осознанно пережитая жизнь, erlebtes Leben... – это больше, чем жизнь, – пишет Розеншток-Хюсси. – Она открывает более сложную, богатую и высокую действительность в простом событии...» [11, с. 560].

Историческая память народа, культурный опыт, всякий человеческий опыт, любое человеческое свершение, любая проблема, по Розенштоку-Хюсси, могут быть рассмотрены и поняты только в речевом мышлении, как единстве четырех ориентаций речи. В направлении императива, дающего начало событию, когда формируется человеческое «Ты»; в интериоризации познания на субъективной стадии в процессе развития личностного «Я»; в социализации и институализации поступка, когда возникает человеческое сообщество, «Мы»; и наконец, в относительной завершенности данного явления как части действительности в качестве «Он», «Она», «Они» [5, с. 90].

Рассмотрение всех четырех форм речевого мышления в их взаимосвязи и хронологической последовательности отличает диалогический метод О. Розенштока-Хюсси, с одной стороны, от близких ему по духу концепций и подходов, а с другой стороны – от картезианского: «Cogito ergo sum». Ойген Розеншток-Хюсси критически переосмысливает методологию познания Рене Декарта, благодаря которой более трехсот лет назад были заложены рациональные основы современной науки. И именно тогда были сформированы основополагающие мировоззренческие принципы будущего технократизма как программы технического и «научного завоевания природы человеком», которые лежат в основе современных университетских программ и стандартов [7, с. 139]. Эти принципы, признающие только «чистую истину» (истина «чиста и может быть установлена научно», т. е. доказана математически) были противопоставлены истине верующего сердца: «Credo ut intelligam», как утверждение, что «Истина божественна» [7, с. 139]. О. Розеншток-Хюсси полагает, что «истина жизненно важна и должна быть представлена в обществе – «Respondeo etsi mutabor» («Отвечаю, хотя и должен буду измениться»)» [7, с. 139]. Ибо ни одно научное доказательство,

«ни один закон, ни одна книга не в состоянии выразить истину настолько близко. Истину нельзя сохранить и уложить в ящики. Ни одна школа не способна научить «самому лучшему» [12, с. 154], и только «внутреннее участие отдельного человека» в событии, в жизни общества делает нас ответственными и свободными перед собой, другими и Богом.

Недостаток картезианского метода познания Розеншток-Хюсси видит в том, что «чистое», абстрактное мышление пронизывает все социальные науки, в основании которых лежит «принцип жизни», т. е. понимание живой ткани общества, человеческой жизни во времени, со всеми ее страданиями, горестями и радостями. Методы точных наук, таким образом, переносятся на процесс познания социальных явлений, живой материи, экзистенциальной сущности человека. Общество понимается, как нечто механизированное, а «мышление, способное разделить мир на субъект и объект, дух и материю, не только равнодушно воспримет истолкование человека в качестве колесика в машине, но еще меньше испугается холодного скепсиса интеллектуалов» [7, с. 141]. Утверждение Розенштока-Хюсси: «Я – не чистый мыслитель» близко по сути своей утверждению другого немецкого философа И. Канта: «Я стремлюсь подчинить вещь себе, а не себя вещи». Именно поэтому вещные отношения должны завершать действия человека, результаты его деятельности, а не обезличивать его, не представлять как нечто абстрактное в качестве «Оно». Розеншток-Хюсси предлагает кардинальный выход, который заключается в смене технократического миропонимания гуманистическим мировоззрением, в основе которого лежит понимание и уважение Другого (человека, группы, нации, культуры): «всякий раз, когда человечество приближается к тому пути развития, на котором один из его членов, класс, нация <...> раса поработаются и превращаются в «Оно», либо, когда этот член человечества освобождается в качестве группы или класса, представляющих собой не что иное, как тираническое «Я», должна разразиться революция и уничтожить эти крайности» [7, с. 141]. Но Я – это ведь и Он (Они), однако абстрактное мышление не хо-

чет понимать «взаимной зависимости этих видов бытия», что собственно и является проблемой всех социальных наук.

Мыслитель-диалогист делает вывод: «Сознание не является центром личности <...>. Мы живем не потому, что мы мыслим...» [7, с. 141], а потому, что верим. «Человек – сын Бога, и он приходит в мир не с помощью мышления. Мы призваны в человеческую общность серьезным обращением: «Что ты есть, человек...»? Задолго до того как наш рассудок сможет помочь нам, вновь родившиеся выдерживают жгучую остроту этого вопроса лишь благодаря наивной вере в любовь к нам наших родителей» [7, с. 141].

Таким образом, именно с императивной, побудительной формы речи начинается жизненный путь человека. Диалогизм как метод предполагает, что все четыре ориентации речи равноправны и взаимосвязаны, но в определенной хронологии: «В своей жизни человек весьма долго получает приказания извне, и лишь затем он получает возможность свободно распоряжаться своим Я. Прежде чем мы оказываемся в состоянии говорить или думать, императив все время направлен на нас. <...> Первая и неизменная форма, в которой человек понимает себя и единство своего существования – это императив. Нас называют людьми и зовут по имени задолго до того, как мы осознаем самих себя в качестве Я» [7, с. 142]. О. Розеншток-Хюсси объясняет первичность императивной речи: смысл побудительной речевой ориентации – в обращенном к нам слове, в поле которого складываются наши убеждения, идеалы, ценности, интересы (профессиональные) и, наконец, призвание. Слово-зов (вызов) пробуждает в нас активность, толкает к действию. Такое слово воспитывает и образует человека (семья, школа, университет), но оно может быть услышано нами от любого авторитетного для нас лица, слово того, кого мы хотим услышать, понять и принять; слово того, к кому мы хотим обратиться на «Ты». И если у М. Бубера такой диалог между «Я» и «Ты» складывается в узких интимных рамках личности, задевает только внутренний мир человека, то у О. Розенштока-Хюсси, как и у С.Л. Франка и М.М. Бахтина, такой диалог неизбежно пере-

растает свои внутренние границы, превращаясь в «большой диалог» (М.М. Бахтин). Человек, не слышащий обращенного к нему слова, не в состоянии понять «кто он», чего он хочет, к чему стремится, и потому не в состоянии осознать свои собственные императивы. Декаданс культуры – это неспособность одного поколения передать императивы следующему поколению – это неспособность «отцов» сказать нечто важное «детям» и неспособность «детей» услышать «отцов». Без нашей внутренней готовности услышать и принять обращенное к нам слово не возможна никакая система воспитания и образования.

О. Розеншток-Хюсси понимал образование предельно широко, универсально. Ибо жизнь любого человека, да и общества в целом, начинается с обучения. Человеческий опыт, передаваемый из поколения в поколение, обеспечивающий связь прошлого и будущего времени, возможен только в процессе обучения и воспитания. «Всякое обучение основано на нашей способности создавать последовательность времен с помощью некоего переноса знаний» [8, с. 47]. Знание, накопленное и транслируемое в культуре, представляется как продукт совместной деятельности людей, генезис и развитие которого осуществляется в общении. Отличительной чертой общения является конструктивный и продуктивный диалог. В таком розенштоковском контексте образование можно рассматривать «в качестве большой модели всякой жизни, происходящей во времени». В таком случае обучение оказывается не неудобным дополнением к навыкам и знаниям, а необходимым условием жизни любого человека, любой общественной структуры, любой культуры. И если «отцы, сыновья..., зодчие имеют учеников», то тогда происходит обучение, а значит и передача опыта, традиций, знаний последующим поколениям. Вот почему всякое образование и воспитание (если только они не ограничены специальными, узкими задачами) видят цель в создании и отстаивании императивов. Таким образом, речь, созидающая будущее, предшествует всему и все определяет, так как без опыта, без обращенного к нам слова мы не в состоянии начать что-то новое в своей жизни.

Особая роль слушающего в процессе обучения вызывает интерес к позиции слушающего в ситуации общения – все это актуализировано не только проблемами методологического характера, но и практического, а именно, дидактическими проблемами [6, с. 175-177]. Поэтому главная проблема в процессе обучения, с точки зрения немецкого мыслителя, – как пробудить в ученике ожидание, «как сделать, чтобы студенты почувствовали настоящий духовный голод еще до того, как мы начнем учить их серьезным вещам» [10, с. 154]. Это ожидание относится одновременно и к миру чужой речи, и к своему внутреннему миру: «Бесполезно учить тех, кто не ожидает изменений в себе», – утверждал О. Розеншток-Хюсси, потому что слушающий должен оказаться равным говорящему не по объему знаний, а по силе намерения [10, с. 154]. Исходной точкой диалога между учителем и учеником является «центр внимания» к «чужому», которое в процессе понимания становится «своим». Без этого интереса, без готовности искать новое в чужом (опыте, знании), в то же время без уверенности в возможности понимания этого другого, ни один читатель не обратится к источнику. И тогда восприятие становится не пассивным актом усвоения, «зубрежки» уроков наставника – учителя, а соучастием, уникальным, пережитым событием, где акт чтения есть «жизненный акт» [4, с. 127].

Культура – это текст, который можно читать как книгу, осмысливая прочитанное и принимая (или не принимая) эти смыслы как внутренний личностный опыт. Именно «...чтение служит средством достижения основной цели традиции: она дает время на размышление...» [11, с. 594]. Не случайно О. Розеншток-Хюсси особенно подчеркивал внутреннюю диалогичность слова – слова-говoreния и слова-слушания. «Слушающий должен засвидетельствовать истину говорящего, говорящий – слушающего» [13]. Ибо диалог совершается не только как речевой акт, но и как текстопонимание: «Язык... – это полный кругооборот от слова к звуку, от звука к восприятию, от восприятия к пониманию, от понимания к чувству, памяти, поступку и обратно к слову о поступке, который мы таким образом осознали как совершившийся в дей-

ствительности» [10, с. 153]. Между тем, в ситуации обучения (в школе или в вузе) мы неоднократно заставляем ученика брать в руки текст, интерес к которому зачастую определяется лишь прагматическими целями: пересказать, сдать экзамен и тому подобное. Современный ученик нуждается в системе развивающего обучения, предполагающей, что каждый новый этап в обучении, а значит, и обращение к новым текстам, подготовлены предшествующим развитием ученика. При этом ученик сам формулирует вопрос, на который пытается ответить, чтобы двигаться дальше. Готовность к новому, потребность в этом новом представляет собой проблему для многих современных учащихся.

В противоположность императивной речи, которая ориентирует нас во «внешнем пространстве», субъективная речь обращает человека к самому себе, ориентируя его во «внутреннем пространстве» своего «Я», которое возникает в ответ на призыв (зов), приказ «внешнего мира». Именно в поле субъективной речи возникает и развивается самосознание и личная ответственность за то, как человек отвечает на вопросы, поставленные самой жизнью. Эта действительность открывается в живой, непосредственной речи, в наших подлинных голосах. И если в императивной речевой форме все «другие» – это те, кто обращается к нам как «Ты», то в субъективной речи человек сам начинает говорить, но слушателем, «Другим» выступает преимущественно его собственное «Я». У М. Хайдеггера, в его концепции, эта ориентация человеческого «Я» на себя распространяется и на весь мир, где определяющим центром все-таки остается «Я», и в таком случае речь выступает скорее в монологической форме, чем в диалогической. С его точки зрения, современное человечество пока не готово к диалогу, потому что западная и восточная культуры не понимают друг друга, «языки здесь и там не просто различны, но исходят в корне из разного существа» [14, с. 275]. В концепции Розенштока-Хюсси, речь (язык) диалогична уже по самой своей природе, сама ее сущность представляет собой диалог, в том числе и в субъективной форме, когда человек вопрошающий пытается дать ответ самому

себе на поставленный вопрос: «Что я есть?». Интенция говорящего, таким образом, выявляет грань между «его» и «чужим» словом, являясь гарантом не случайности сделанного выбора. Конкретное слово или знак возникает только в процессе взаимодействия между индивидуальными сознаниями, т. е. в общении, в диалоге. У О. Розенштока-Хюсси такой диалог неизбежно перерастает свои внутренние границы, превращаясь в другую речевую форму: от «Я» и «Ты» – к «Мы».

В третьей, повествовательной форме, которую О. Розеншток-Хюсси называет «переносящей» или «траекторной», человек отвечает уже не самому себе, а миру других людей. Через себя мы пропускаем (принимаем или отрицаем) «внешний мир», то есть живем и мыслим в действительном мире речевого доверия – «мы». «Мы» – это общинная (общественная) речевая ориентация человека в культуре, в национальной культуре и всемирной. Ибо каждый человек рождается в своей культуре с присущими только ей традициями, обычаями, ценностями, ментальностью, и в то же время каждый человек опирается на богатейший общечеловеческий опыт всех предшествующих поколений, зачастую даже не осознавая этого. То есть «...человек, говорящий на языке, всегда должен восприниматься не как индивидуум, а как представитель сообщества» [12, с. 155]. Таким образом, повествовательная или «траекторная» речь, казалось бы, обращая человека к прошлому, на самом деле движет вперед, соединяет прошлое с будущим в нашем настоящем.

Таким образом, жизнь предстает перед нами в трех речевых формах, которые как бы обобщают весь наш «жизненный опыт». Но мы не можем сами оценить этот опыт, в таком случае это будет субъективная оценка. Вот почему четвертой (завершающей, обобщающей) речевой ориентацией выступает аналитическая, объективная речь. Именно она помогает нам изжить устаревший «жизненный опыт» и подняться на новую ступень познания мира. Объективная ориентация речевого мышления так же важна, как и первые три формы. Но она не является первичной и единственно необходимой в процессе познания. О. Розеншток-Хюсси утверждает,

что объективная, аналитическая речевая ориентация является лишь заключительной стадией всего нашего жизненного опыта, делающей для нас очевидным (доказанным) и доступным то, что уже произошло на предыдущих речевых стадиях. Объективная речь присуща не только научному сознанию, она возникает и в повседневной жизни тогда, когда мы анализируем собственный или чужой опыт, находим ошибки с целью их не повторять в будущем.

Продолжая тем самым диалог со своими оппонентами, мыслитель-диалогист не исключает картезианский принцип, но определяет его место в речевой ориентации, которое ему по праву принадлежит. «Академический» подход с его «холодной» объективностью, вполне допустимый в естествознании и точных науках, утверждает Розеншток-Хюсси, в гуманитаристике «не работает». Таким образом, О. Розеншток-Хюсси раскрывает значение речи (языка) как универсального человеческого (вселенского) феномена, творящего, созидающего и завершающего все, что мы сознаем и делаем. Так все четыре формы речи ориентируют человека на протяжении всей его жизни, начиная с воспитания в семье и продолжая обучением в школе, колледже, университете и далее. Не случайно императивная или побудительная речь всегда выступает в жизни любого человека в качестве самой первой формы, ибо ориентирует человека на будущее, задает как бы перспективу развития. Новое поколение должно жить по-новому, по своим законам, ценностям, идеалам, в то же время, опираясь на положительный опыт старших поколений.

Так О. Розеншток-Хюсси формулирует диалогический принцип понимания человека, общества, культуры в речевом (языковом) пространстве-времени. И это совсем иной континуум, не физический мир, а осмысленный, человеческий, пространственно-временной мир культуры, вопрошающий и отвечающий во всех речевых ориентациях на главные экзистенциальные вопросы человеческого бытия. «Мы вырастаем в человеческую общность» благодаря исторической памяти, передаваемой из поколения в поколение в процессе образования и воспитания личности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е. изд. М.: Советская Россия, 1979. 320 с.
2. Киреевский, И.В. Критика и эстетика. М.: Мысль, 1998. 276 с.
3. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО: Изд-во Юнеско, Париж, 2005. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 15.06.2015).
4. Мамардашвили, М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. Монастырская, И.А. «Грамматический метод» О. Розенштока-Хюсси как методология гуманитарных наук // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию проф. М. С. Кагана / Материалы международ. научно-практ. конф., 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. № 12. СПб, 2001. С. 87-92. URL: <http://anthropology.ru/ru/person/monastyrskaya-ia/text/grammaticheskiy-metod-o-rozenshtoka-hyussi-kak-metodologiya> (дата обращения: 15.06.2015).
6. Монастырская, И.А. Проблема востребованности текста в диалогической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси // Культура. Политика. Понимание: материалы II Междунар. науч. конф., 24-26 апреля 2014 г. Белгород: ООО «Эпицентр», 2014. С. 175-177.
7. Розеншток-Хюсси О. Прощание с Декартом // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 139-147.
8. Розеншток-Хюсси, О. Рабочие учат слишком мало, а учителя слишком много: разгадка Августином загадки времени // Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 36-76.
9. Розеншток-Хюсси, О. Назад, к риску языка (Папирус, который мог бы быть найден) // Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить / Составл., пер. с нем. и англ., послесл. и коммент. А.И. Пигалева. М.: Канон +, 1997. С. 134-176.
10. Розеншток-Хюсси, О. Речь и действительность / Пер. А. Хараша, переработ. В. Махлиным. М.: Лабиринт, 1994. 213 с.
11. Розеншток-Хюсси, О. Великие революции. Автобиография западного человека / Пер. с англ. яз. В. Махлина, О. Осовского, А. Пигалева и др. М.: Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, 2002. 648 с.
12. Rosenstock, Eugen. Soziologie I: Die Kräfte der Gemeinschaft / Eugen Rosenstock. Berlin-Leipzig: Georg Reimer, 1925. 264 s.
13. Розеншток-Хюсси, О. «Идет дождь», или язык стоит на голове // Философские науки. 1994. № 4-6.
14. Хайдеггер, М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 273-312.
15. Хомяков, А.С. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Работы по богословию. М.: «Медиум», 1994. 478 с.

REFERENCES:

1. Bakhtin, M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1979. 320 p.
2. Kireevsky, I. V. *Criticism and Aesthetics*. Moscow: Mysl', 1998. 276 p.
3. *Towards Knowledge Societies*. UNESCO World Report. Paris, 2005. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (date of access: June 15, 2015).
4. Mamardashvili, M. *How I Understand The Philosophy*. Moscow: Progress, 1990. 368 p.
5. Monastyrskaya, I. A. «The Grammatical Method» of Eugen Rosenstock-Huessy as a Methodology of the Humanities. *The Methodology of the Humanities in the Perspective of The XXI Century. On the 80th Anniversary of Prof. M. S. Kagan*. Series «Symposium». 2001. Iss. 12. St. Petersburg. Pp. 87-92. URL: <http://anthropology.ru/ru/person/monastyrskaya-ia/text/grammaticheskiy-metod-o-rozenshtoka-hyussi-kak-metodologiya> (date of access: June 15, 2015).
6. Monastyrskaya, I. A. The Problem of Demand for Text in the Dialogic Conception of Eugen Rosenstock-Huessy. *Culture. Policy. Understanding*. Belgorod: LTD «Epitsentr», 2014. Pp. 175-177.
7. Rosenstock-Huessy, E. Farewell to Descartes. *Voprosy filosofii*. 1997. № 8. Pp. 139-147.
8. Rosenstock-Huessy, E. Workers Are Taught Too Little, and Teachers Teach Too Many: The Solution by Augustine to The Riddle of Time. *The Language of the Human Race*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. Pp. 36-76.
9. Rosenstock-Huessy, E. Back to the Risk of Language (Papyrus, Which Could Be Found). *God Causes Us to Talk*. Moscow: Kanon +, 1997. Pp. 134-176.
10. Rosenstock-Huessy, E. *Speech and Reality*. Moscow: Labirint, 1994. 213 p.
11. Rosenstock-Huessy, E. *Great Revolutions. Autobiography of a Western Man*. Moscow: Biblical Theological Institute of St. Apostle Andrew, 2002. 648 p.
12. Rosenstock, Eugen. *Soziologie I: Die Kräfte der Gemeinschaft*. Berlin-Leipzig: Georg Reimer, 1925. 264 s.
13. Rosenstock-Huessy, E. "Es regnet" oder die Sprache steht auf dem Kopf. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 1994. № 4-6.
14. Heidegger, M. From the Dialogue of Language. Between Japanese and Asking. *Time and Being*. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 273-312.
15. Khomyakov, A.S. *The Works on Theology*. The Works in 2 vols. Vol. 2. Moscow: «Medium», 1994. 478 p.

УДК 82.09 (2=Рус): 82.09 (7Сое)

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-18-28

Бардыкова И.В.**«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
Ф. ДОСТОЕВСКОГО И «АМЕРИКАНСКАЯ
ТРАГЕДИЯ» Т. ДРАЙЗЕРА: ОПЫТ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА****Бардыкова Ирина Викторовна***кандидат философских наук, доцент,*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

Статья включается в контекст актуальной литературоведческой дискуссии по проблеме интертекстуальности как смыслопорождения литературных текстов и обновления их интерпретации. В фокусе внимания – вопросы интертекстуальной поэтики, решаемые путем анализа романов Достоевского и Драйзера. Интертекстуальные связи выявляются на формальном и содержательном уровнях. Текст романа Ф.М. Достоевского по праву может рассматриваться как текст-предшественник, текст-источник, «претекст», присутствующий в «Американской трагедии» Т. Драйзера на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах. Определение форм этого присутствия в «младшем» тексте Драйзера, выявление «чужого» текста и его функций в составе анализируемого произведения является ключевой задачей данной статьи. При этом мы исходим из того, что интертекстуальное пространство включает в себя как собственно тексты литературных сочинений, так и устойчивые жанровые формы, сюжетные схемы, архетипические образы и образные формулы, а также «чужие» высказывания, связанные с тем или иным культурным кодом. Таким образом, предметом исследования предстают следующие интертекстуальные знаки: заглавия, отсылающие к другому произведению, эпиграфы, цитаты, аллюзии, реминисценции, переработки тем и сюжетов, т.е. те интертекстуальные «ссылки», которые сообщают о культурно-семиотических кодах, а также интенциях автора и включают данный текст в явные или скрытые диалогические коммуникации с другими текстами.

Ключевые слова: Достоевский; Драйзер; цитата; аллюзия; реминисценция; парафраз; интертекст.

UDC 82.09 (2=Рус): 82.09 (7Coe)

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-18-28

*Irina V. Bardykova***“CRIME AND PUNISHMENT”
BY F. DOSTOEVSKY AND “AN AMERICAN
TRAGEDY” BY T. DREISER: THE
INTERTEXTUAL ANALYSIS****Бардыкова Ирина Викторовна***кандидат философских наук, доцент,*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: IBardykova@bsu.edu.ru

Abstract

The problem of intertextuality is comparatively new for literary Russian studies. The article dwells upon different elements of intertextual poetics. Intertextuality determines meaning-generation that broadens the context of interpretations. We want to speak about the most topical aspects of Dostoevsky's legacy in comparison to Dreiser's "An American Tragedy". Intertextual elements are represented both semantically and structurally on the different levels of Dreiser's novel. Dostoevsky's text is considered as "pre-text", a source and parent of "elder" text. The main problem of the article is to identify the main forms of presence of Dostoevsky in Dreiser's novel and to determine their functions. It is possible through a special approach. We adhere to the position that the intertextual area includes different elements: settled forms of representative (genre form, plot elements, archetype constructions and images), and slice of other messages pertaining to cultural code and partaking to author. Moreover, there are many intertextual signals like titles, epigraphs, quotations, allusions, reminiscences, referring to cultural and semeiotic code and author intentions. Thus, it includes this manifest text in implicit and explicit dialog communication with another text.

Key words: Dostoevsky; Dreiser; quotation; allusion; reminiscence; paraphrase; intertext.

Проблема интертекстуальности – одна из самых приоритетных и дискуссионных в современных гуманитарных исследованиях. Существует довольно много подходов к феномену интертекстуальности, которые предложены различными исследователями, базирующимися на разных философских основаниях и фундаментальных концептах (Ю. Кристева, Р. Барт, Р. Лахманн, Ж. Лакан, М. Риффатерр, Ж. Женетт, Ж. Старобински, К. Stierle и др.). Нет единства взглядов и на терминологию, связанную с типами межтекстовых контактов и отношений. Не случайно Р. Лахманн констатирует, что «дисциплинировать понятие “интертекстуальность” чрезвычайно затруднительно, его поливалентность, кажется, не поддается редукции» [9, с. 59]. Так, например, Карлхайнц Штирле убежден, что «под интертекстуальностью не следует понимать лишнюю значения и интенции отсылку к другому тексту» [11, s. 15]. С его точки зрения, интертекстуальность – это процесс ассимиляции, транспозиции и трансформации чужих знаков. Данную позицию разделяет и Жива Бен-Порат [8, p. 105-128] Перечисляя приемы внедрения чужого текста в манифестный текст (цитата, аллюзия, реплика, вариация, реминисценция), определяя их как «важную методическую предпосылку интертекстуального анализа», он привлекает особое внимание к исследованию «установленных с их помощью специфических отношений между текстами, т.е. текстуальной интерференции» [8, p. 106]. Другой теоретик, Паризье Плотель, разделяя интерпретацию межтекстовых связей в работах М.М. Бахтина и его идею о том, что «текст живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом)», заметил: «Каждый текст отражает бесконечное эхо других текстов, участвуя в создании текстовой ткани самой культуры» [10, p. XV].

Большинство исследователей, однако, сходятся во мнении, что интертекстуальность подразумевает установку на «моделирование адресата как носителя общей с адресантом памяти» [6, с. 69], а любой текст воспринимается как интертекст, что стимулирует фи-

лологов к поиску претекстов, выходящих из истории в область «большого времени». По замечанию Н.А. Николиной, «художественное произведение приобретает необходимую смысловую полноту только благодаря его соотнесенности и взаимодействию с другими в общем межтекстовом (интертекстуальном) пространстве культуры» [5, с. 223], в котором текст оказывается «мозаикой цитат» (Ю. Кристева), «эхокамерой» (Р. Барт), сохраняющей «чужие звуки», «палимпсестом» (Ж. Женетт), где новые строки появляются поверх существовавших.

Текст романа Ф.М. Достоевского по праву может рассматриваться как текст-предшественник, текст-источник, «претекст», присутствующий в «Американской трагедии» Т. Драйзера на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах. Определение форм этого присутствия в «младшем» тексте Драйзера, выявление «чужого» текста и его функций в составе анализируемого произведения является ключевой задачей данной статьи. При этом мы исходим из того, что интертекстуальное пространство включает в себя как собственно тексты литературных сочинений, так и «устойчивые жанровые формы, сюжетные схемы, архетипические образы и образные формулы, «чужие» высказывания, связанные с тем или иным культурным кодом» [3, с. 225]. Таким образом, предметом исследования предстают следующие интертекстуальные знаки: заглавия, отсылающие к другому произведению, эпиграфы, цитаты, аллюзии, реминисценции, переработки тем и сюжетов, т.е. те интертекстуальные ссылки, которые сообщают о культурно-семиотических ориентирах и интенциях автора и включают данный текст в явные или скрытые диалогические коммуникации с другими текстами.

Как уже отмечалось, интертекстуальные соответствия обнаруживаются в структурной технике произведений, способах конструирования целостной композиции. Такой тип межтекстового взаимодействия Н.А. Фатеева называет «интертекстуальным заимствованием приема» [7, с. 156], а Н.А. Кузьмина,

И.П. Смирнов, А.К. Жолковский – «структурной цитатой», «структурной цитацией». Межтекстовые аналогии и параллели на структурном уровне романов Достоевского и Драйзера проявляются в их рамочных конструкциях, в обязательности/факультативности компонентов, придающих произведениям характер завершенности и усиливающих их внутреннее единство.

Так, в заголовочном комплексе каждого романа отсутствуют подзаголовки, посвящение и эпитафия (как правило, являющийся цитатой). Тексты произведений не снабжены предисловиями, создающими «горизонт ожидания», послесловиями и примечаниями. Но оба романа разделяются на части, главы которых не имеют конкретных названий, их заменяет нумерация; а внутри каждой части они располагаются по мере нарастания напряженности страданий персонажей. Роман Достоевского завершается «Эпилогом», в роли которого у Драйзера функционирует финальная глава «Воспоминание» – единственная в «Американской трагедии» имеющая авторское обозначение. Существенен и тот факт, что вслед за Достоевским Драйзер выбрал для своей книги не внешне нейтральное, «техническое» заглавие, а ориентирующее читателя в проблематике произведения и авторской оценке происходящего.

Интертекстуальность, «структурная цитация» проявляет себя как в «соприсутствии» однородных (инвариантных) фабульных элементов, сюжетных ходов, схем, коллизий, так и в сходных композиционных мотивах-функциях, в конструировании системы персонажей вокруг главного героя. Соотнесение рассматриваемых романов порождает «двойников» как на уровне сюжета, так и на уровне «текст–текст». «Двойникам» Родиона (Лужину и Свидригайлову) соответствуют «двойники» Клайда, в которых он отражается многократно: двоюродный брат Гилберт, продавец Уолтер Диллард, владелец магазина Орин Шорт, отчасти и Роберта Олден. В структуре романа Драйзера образ отца-неудачника Эйсы Гриффитса проецируется на Семена Мармеладова, а матери Клайда

Эльвиры – на образ Пульхерии Александровны Раскольниковой. Своеобразным «двойником» Лужина выступает богатый дядя Клайда, Сэмюэл Гриффитс.

Уже само заглавие романа Достоевского, концептуально соотносимое с романом Драйзера, стало импульсом развертывания драйзеровского текста. Исходный текст задал американскому писателю доминантную для межтекстового взаимодействия проблематику. Развертывание нового смыслового измерения найденной предшественником проблемы заявило о себе рядом интерверсий, инвариантных тем и сюжетных ситуаций. Если заглавие романа Достоевского с полным основанием может быть отнесено и к роману Драйзера, то роман Достоевского можно озаглавить «Русская трагедия». Трагедия драйзеровского Клайда Гриффитса представляет собой путь от преступления к наказанию, но путь специфически американский, связанный с особенностями национальной идеологии, психологии, менталитета: это путь от мифологемы «американской мечты» к «американской трагедии».

В отличие от Раскольникова Клайд не является героем-идеологом, но он – законное и естественное порождение «мечты», без которой нельзя осознать его трагедию как типично американскую. Как показал Драйзер, просветительская идеологема «американской мечты» выхолостилась к концу XIX века до понятий, ставших синонимическими: «деньги», «успех», «желание», «власть». Вся питаемая «мечтой» социальная мифология о «земле обетованной», о равных возможностях для всех американцев прочно утеснилась в сознании протагониста.

Преступлениями стали не только совершенные убийства, но и раскольниковская теория «крови по совести», и «американская мечта» Гриффитса, подчиненные ложным целям. В связи с этим отнюдь не случайна перекличка «американской мечты» Клайда с мечтой «русского мальчика», глубина и степень приращения смысла которой раскрывается по мере разрешения одной из центральных оппозиций: Россия – Америка, вы-

ходящей далеко за рамки «топографической поэтики». (Вспомним фразу Лужина «прогуляться в Сибирь» (6, 228) как метафорическую замену «отправиться на каторгу»). У Раскольникова, совершившего убийства, зреет идея побега в дальнюю и свободную «страну мечты»: «Лучше совсем бежать... далеко в Америку» (6, 100). Этот же совет дает ему и Свидригайлов (6, 373), ранее предлагавший Дуне совместное бегство в Америку (6, 215). Но когда Свидригайлов говорит Соне: «...в Америку уеду», то оказывается, что на разных значениях одного слова строится «игра», в которой главным становится «код иносказания» – метафора самоубийства, помещенная в «американский» контекст. Две метафоры пространственной ориентации сближаются как эквивалентные словообразы, указывающие не на движение к географической цели, а на движение к отрицательному ориентиру – на каторгу и смерть.

Раскольников, человек мощного интеллекта и личного подполья, оказался способен (хотя и поздно) увидеть гибельную сущность своей «мечты»: испытать себя, «перешагнув через труп, через кровь» (6, 200), потому и оценивает ее как «безобразную» и «проклятую». Мечтами живут в художественном мире «Преступления и наказания» и другие персонажи (Семен Мармеладов, Катерина Ивановна), в понимании которых «мечта» – это «мираж» (6, 206), «сказка» (6, 364), «чары, колдовство, наваждение» (6, 50). «Все мираж», – заявит Родион приставу следственных дел.

Мотив сказки (как синонима мечты) станет сквозным в романе Драйзера и получит конкретное уточнение: сказки из сборника «Тысяча и одна ночь», прочитанного Клайдом в тюрьме. Как и Раскольников, дважды упомянувший во время «психологической дуэли» с Порфирием Петровичем о «находке клада» (6, 195), герой Драйзера мечтает о чуде – собственном джине, «возникающем в виде дыма от таинственного кувшина при случайном прикосновении к лампе Аладдина» (9, 53) и обеспечивающем появление клада – «внезапного сказочного богатства»

(9, 11). А «воплощением сказочной мести» (9, 439) должна стать богатая Сондра Финчли. (Адвокат Джефсон квалифицирует данную ситуацию: «Сказка Шехерезады – чаровница и очарованный – 9, 301).

Функция рассматриваемой ситуации состоит в установлении отношения контраста с предшественником. Раскольников не очарован богатством, не грезит о нем, более того, намеревался жениться на «хворой дурнушке» (6, 177), «экзальтированной бесприданнице» (6, 166). Воображение же Клайда питается сказочными сюжетами, и постоянное использование сказочного мотива подчеркивает инфантилизм Гриффитса, его низкий интеллектуальный уровень, нежелание и неготовность идти по пути духовного совершенствования. Он (как и Родион) отверг Бога и глух к его увещаниям. Находясь в тюрьме, сын проповедников начинает задумываться о Боге как «сверхъестественной личности» (9, 425), о вере и бессмертии души, о том метафизическом невидимом мире высших первоначал, который не оберег его, неверующего, от содеянного зла. По сути, он задает себе раскольниковские вопросы: «Кто он, в конце концов? Что он, в сущности, собой представляет?» (8, 204). «Правда ли, что есть жизнь за гробом? Верно ли, что он спасен?» (9, 451). Но бесспорно то, что в рассуждениях Клайда о запредельном, сверхфизическом мире, гарантирующем бессмертие души, о Христе, сознательно и свободно взошедшем на Голгофу, превалируют однозначно-линейные объяснительные схемы.

Рассудочному сознанию Гриффитса, находящемуся в плену у самых плоских мировоззренческих стереотипов, не под силу постичь метафизические смыслы. Для него собственное преступление не является таковым, это нечто загадочное, таинственное, непроницаемое для осмысления и анализа. Мысль о несостоявшейся «метафизической робинзонаде» Клайда подтверждается книгой Д. Дефо, подаренной ему адвокатом Николсоном, приговоренным к смерти за отравление богатого старика. Ее заглавие «Робинзон Крузо» функционирует в качестве одной из многих

«точечных цитат» (термин М.Ю. Беляковой).

В тюремных главах романа Драйзера появляются мотивы дьявольского искушения, неодолимой силы, толкающей на преступление, наличествующие и в романе русского писателя. Обращаясь к Соне, Раскольников вопрошал: «...это ведь дьявол смущал меня? а? <...> и сам знаю, что меня черт тащил <...> А старушонку эту черт убил, а не я». Соглашаясь с ним, «вечная Сонечка» отвечала: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал» (6, 321, 322). Этот же мотив дьявольского замысла подразумевается и в словах Порфирия Петровича: «Тут дело фантастическое, мрачное <...> на преступление словно не своими ногами пришел (6, 348).

Мотив «коварного и страшного соблазна» (9, 29) возникает в сцене обдумывания Клайдом будущего убийства, когда он слышит чей-то тихий голос, подсказывающий ему способ избавления от беременной возлюбленной: «...в его мозгу внезапно возникла мысль (что это – дьявольский шепот? Коварное внушение злого духа? <...> он и Роберта плывут в лодке, и лодка опрокидывается <...> вот и выход! Как просто разрешилась бы эта головоломная, мучительная задача!» (9, 27). Здесь скрытая реминисценция на слова Раскольникова «Не рассудок, так бес» (6, 60), которого подталкивала к дворницкой, где лежал топор, такая же «невидимая, неведомая сила». Клайд и Раскольников прислушались не к воззваниям Христа, а к коварному зову искусителя, духа разрушения и гибели.

Тема энергии разрушения как производного от дьявола («таинственного некто» – 9, 56) становится лейтмотивом в описаниях сложного психологического состояния обоих персонажей перед преступлением. Их внутренняя, интроспективная характеристика ассоциируется с метаниями, сомнениями, периодическими отказами от принятого решения. «Перед ним вдруг предстал некий коварный, дьявольский замысел, таившийся в его душе, чудовищный, но властный, коварный, но манящий, дружелюбный, но жестокий; он предоставлял Клайду выбор между злом, грозившим ему гибелью (несмотря на

его сильнейшее сопротивление), и другим злом, которое хотя и наполняло его душу отвращением и жгучим ужасом, но все же обещало впереди свободу, успех и любовь» (9, 53). Думается, что это парафраз цитат из романа Достоевского, построенных на мотиве наваждения, отмеченного печатью демонического соблазна.

Как и Родион, Клайд пытается размышлять по поводу «таинственных и страшных желаний», сил зла, вырывающихся из темных глубин человеческой природы. Неожиданно он обнаруживает в себе «какую-то темную, первобытную часть своего “я”, от которой не в силах ни отречься, ни бежать...» (9, 53). В словаре Достоевского эта «часть своего “я”» именуется подпольем. В тезаурусе Драйзера это понятие отсутствует, но говоря о «худшем и слабейшем “я”» (9, 53), о «втором, темном “я”» (9, 62) своего героя, американский писатель создает образ «огромного зала», ассоциирующегося не с природно-социальным континуумом, а с подсознанием Клайда: «Фу, какая трусость! Какое малодушие! <...> Ты должен сделать выбор! И потом – действовать. Ты должен! Должен! Должен! Так закончил голос, глухо раздававшийся откуда-то из дальнего угла огромного зала» (9, 56).

Драйзер (как и Достоевский) соотносит убийство с «приступом темного безумия» (9, 83). Осознав (наряду с Раскольниковым) «паралич воли и мужества», Клайд «погружается в глубины собственного “я”» (9, 81), чтобы обрести в них «дьявольскую, неугомонную и все же подавленную жажду действовать – действовать – действовать» (9, 83). Таким образом, преступление осознается Драйзером в русле его интерпретации Достоевским как акт «люциферического» самоутверждения.

Идея «темного безумия» усиливается в романе Драйзера природным образом птицы как вестника смерти и лейтмотивом крика этой «зловещей, таинственной, дьявольской птицы» (9, 85), постоянно преследовавшей Клайда. Это, на наш взгляд, своего рода парафраз ситуации с фантомным «подземным

человеком», «призраком, явившимся из-под земли» (6, 254), который едва не свел Раскольникова с ума. Звуковой образ «странно кричащей, неведомой, окаянной птицы» (9, 82), перелетающей от одного мертвого дерева к другому, выполняет несколько важных функций. Он служит предупреждением герою по поводу его «злосчастного замысла» (9, 82), как бы демонстрирует протест самой природы против содеянного им и предвещает смертный приговор. Возникает цепочка эпитетов, характеризующих крик: «резкие», «холодные», «пронзительные», «металлические», «презрительные», «бьющие по нервам», «потусторонние» звуки пугали Клайда: «Никогда в жизни он не слышал, чтобы так кричала птица <...> Но другие ее не слышали» (9, 46-47). Описание крика птицы, которую никто, кроме Клайда, не слышал, корреспондирует с галлюцинациями Родиона, которому в бредовом состоянии кажется, что его разбудили «ужасные крики» якобы избиваемой хозяйки.

О «сетях дьявола» Клайда неоднократно предупреждала мать, о «Люцифере – дьяволе с адской злобой» (9, 416) говорил с ним преподобный Мак-Миллан. Тема дьявола вторгается в повествование и в сцене суда, в выступлении следователя Хейта: «По правде говоря, я еще не видел случая, который бы так походил на дьявольское преступление» (9, 98). Однако своей кульминации она достигает в сцене перемещения Клайда из суда в тюрьму. Здесь «дьявол» отождествляется с самим Гриффитсом. Какой-то молодой лесоруб из «шумной, злобно-насмешливой, угрожающей» толпы громко крикнул ему: «Ну, погоди, дьявол, ты еще закачаешься на веревке» (9, 172). Данный эпизод – парафраз сцены на перекрестке, куда Раскольников явился для публичного покаяния, но толпа встретила его «насмешливо-издевательскими криками» (6, 405).

Симптоматично, что оба произведения спроецированы на античную и библейскую

традиции. И Достоевский, и Драйзер используют (в целях сравнения и уподобления) имена мифологических, античных, библейских героев. Эти имена функционируют как «точечные цитаты», усиливающие семантическую емкость образов и символов. При этом круг имен у Достоевского уже, чем у Драйзера. У Достоевского – Ахиллес, Ликург, Солон, Христос, Иоанн, Лазарь, Соломон, Авраам, Магомет. У Драйзера – Гомер, Ликург, Приам, Немезида, Афродита, Вакх, Крез, Ева, Адам, Христос, Авессалом, святые Бернар, Симеон, Петр Отшельник. Драйзер транспонирует в свой текст только два имени: Христос и Ликург, меняя значение и функцию последнего. Ликург у Достоевского – имя легендарного законодателя Спарты, а у Драйзера – вымышленное название реального городка Кортленд в штате Нью-Йорк. (Кроме того, названия целого ряда других городов являются топонимами античного происхождения: Сиракузы, Гомер, Итака, Утика, Троя). Степень концентрации библейских цитат у Драйзера выше, библейский цитатный слой плотнее. В самом тексте романа цитаты либо атрибутируются, либо нет. Преобладают цитаты (явные и неявные, точные и неточные) из Псалтыри, парафраз строк псалмов и апостольских Посланий. В XXXI главе даже создана «мозаика цитат», состоящая из восемнадцати прямых цитат, источником которых служит Библия. Взятые вместе, они создают особое семантическое поле: молитва – исповедь – грех – страдание – покаяние.

Говорить о цитатности как интертекстуальном знаке межтекстовых взаимодействий можно и в связи с описаниями поведения, состояния драйзеровского героя до, во время и после убийства. Здесь мы имеем дело с реминисцентными схемами «живого трупа» («жизни после смерти») и «сумасшедшего» («бесноватого»), которые сопровождаются цитатами и аллюзиями на «Преступление и наказание».

Раскольников	Гриффитс
«...ум его как бы померкал мгновениями, а тела своего он почти и не чувствовал на себе» (6, 61) «Мучительная, темная мысль поднималась в нем, - мысль, что он сумасшествует...» (6, 96) «он смотрел как совсем сумасшедший» (6, 246)	«...мысли об убийстве потрясли и едва не расстроили его не слишком устойчивый рассудок» (9, 30) «Взгляд его стал напряженным, почти безумным <...> это был взгляд человека, стоящего на грани помешательства» (9, 38) «безумный замысел» (9, 33) «он находился в состоянии почти полного умственного расстройства» (9, 122)
«нет у него более воли» (6, 52) «упадок воли и рассудка» (6, 58)	«болезненная слабость своей шаткой и крайне изменчивой воли» (9, 56) «...его постиг внезапный паралич воли и мужества» (9, 83)
«слишком уж ослабели нервы» (6, 8) «Он дрожал как лист» (6, 50) «Нервная дрожь его перешла в какую-то лихорадочную; он чувствовал даже озноб» (6, 45) «с замиранием сердца и нервною дрожью» (6, 7)	«Нервы Клайда были натянуты до предела» (9, 93) «Но почему так дрожат колени» (9, 68) «Только бы колени и руки не дрожали так» (9, 65) «И вдруг он задрожал всем телом» (9, 81) «...по всему телу волной пробежала холодная нервная дрожь» (9, 50)
«...на такой жаре ему становилось холодно» (6, 45) «как будто мороз прошел по спине его» (6, 52) «на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло» (6, 209) «страшный холод обхватил его» (6, 71)	«его пронизало ледяным холодом» (9, 81) «Эта мысль пронизывала его, как порыв ледяного ветра» (9, 33) «...и ледяной холодок пробежал у него по спине, проникая в сердце и в мозг» (9, 159) «у Клайда все холодеет внутри» (9, 170)
«смутно и темно на душе» (6, 49)	«приступ темного безумия» (9, 83) «Душевное оцепенение означало столбняк или судорогу» (9, 83) «В глубине его души холодный мрак» (9, 133)
«...меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило» (6, 50)	«испытывал болезненную слабость и тошноту» (9, 340) «подавлен безмерным ужасом» (9, 173)
«страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его» (6, 91)	«Все в нем окоченело, застыло: и душа, и тело» (9, 137)
«дрожа, как загнанная лошадь» (6, 90)	«прислушивался, как загнанное животное» (9, 150)
«панический страх» (6, 120)	«приступы паники» (9, 146)
«воспаленный взгляд» (6, 171) «помертвевшие глаза» (6, 209)	«измученные, несчастные, воспаленные глаза» (9, 171) «глаза остекленели» (9, 137)

Как видим, описывая «душевный модус» и психологическое состояние преступника, Драйзер интегрирует в художественное пространство своего произведения так называемые «неполные», «осколочные», «косвенные» цитаты, или «микрочитаты» (Н. Фатеева), которые образуют единое интертекстуальное поле данных глав. Аллюзии и реминисценции тоже «сохраняют память» о «чужом тексте», которая коррелирует с культурно-языковой компетенцией автора и читателя.

Большинство аллюзий в «Американской трагедии» – сюжетообразующие, тематически значимые элементы, выступающие в качестве интертекстуальных включений. С их помощью вводятся кардинальные темы преступления, страдания, раскаяния, наказания, «живого трупа», болезни, психической неустойчивости, паралича воли, «душевной пытки», искушения, которые организуют смысловое содержание романа. Но есть и целый ряд фрагментарно значимых аллюзий, важных для определенного участка текста и образующих второстепенные мотивы («мертвого холода», «мертвящей тоски», «панического страха», «душевного столбняка», «безмерного отчаяния», трусости, «слабеющего мужества»). Они порождают в романе Драйзера новые ассоциативно-семантические микроструктуры.

Обратимся к интересному примеру интертекстуальной трансформации, связанной с водой – древним универсальным символом чистоты, плодородия, источника самой жизни. Тема воды – одна из доминантных в проблемно-тематическом комплексе романа Достоевского. Но вода – это и сквозной образ, соотносимый с «Северной Венецией» (как городом, стоящим на воде и окруженным ею), и с образами Раскольникова, Свидригайлова, Марфы Петровны.

Данную образную цепочку составляют: кухонное ведро воды, в котором «убивец» вымыл руки и «бесовский топор», канал с грязной водой и несостоявшимися утопленниками Афросиньюшкой и Родионом, «черная» Нева как способ «поквитаться с жиз-

нью» для Сони, купальня, ставшая возможной причиной смерти Марфы Петровны, две девочки из предсмертного сна Свидригайлова: четырнадцатилетняя «оскверненная» утопленница и пятилетняя «камелия», пострадавшая во время наводнения, кровь, льющаяся, «как водопад» (6, 400). Во всех этих случаях вода – сила разрушительная.

Позитивный смысл образа раскрывается в красочном сне-грезе, в котором странствующий с караваном Раскольников утоляет жажду «чудесной-чудесной» водой холодного ключа. Мотив воды как символа «живой жизни» и способа исцеления звучит и в сценах допросов Родиона («Водицы бы вам, голубчик, испить» – 6, 264). Позднее он сопрягается с мотивом воздуха-свободы («Вам теперь только воздуху надо, воздуху» – 6, 351). Аллюзией на это заявление Порфирия звучит совет Николсона Клайду: «Старайтесь побольше наглотаться свежего воздуха» (9, 406). Таким образом, тематическая линия «дыхания-воздуха» сопутствует образам обоих героев, а концептуальный «метатроп» (Н.А. Фатеева) «вода – жизнь – воздух – дыхание» соединяет художественные миры Драйзера и Достоевского.

У Драйзера главной топографической реалией стал озерный край. Прогулки на озера, бухты, заливы, тихие заводи, ставшие любимым местом отдыха – местная традиция. Но для Роберты Олден поездка на озеро Большая Выпь обернулась трагедией. Так, благодаря интертекстуальной трансформации само словосочетание «прогуляться на озера» (также как «прогуляться в Сибирь», «уехать в Америку») обрело негативную коннотацию.

Примером межтекстового взаимодействия является и мотив нераскаянности, интегрирующийся в роман Драйзера. Мрачная нераскаянность Раскольникова интертекстуально проявляется в мотиве нераскаянности Клайда. Но если раскаяние все-таки наступает Родиона на каторге, где он сумел осознать преступление как иноформу смерти и предельную степень греха, то Гриффитс даже в предсмерт-

ном письме не написал ни слова о раскаянии, считая, что электрический стул – слишком суровое наказание, значительно превышающее масштабы «несчастливого случая». В результате в одном семантическом ряду оказываются: преступление – «Дом смерти» («каземат убийц» в Оберне) – камера – страшная «Та дверь» – нераскаянность – «Тот стул» – шлем на голове, через который пропускают ток, – смерть-наказание.

Маркерами интертекстуальности являются также реминисценции, связанные с эмблематикой смерти. Самые обыденные предметы, став орудиями преступления, обретают у Драйзера (как и у Достоевского) символическую отмеченность. Топор убивает двух женщин и неродившегося ребенка Лизаветы, а также «раскалывает» сознание антигероя. Удар фотоаппаратом – причина смерти беременной Роберты и ее ребенка. Электрический стул оказывается голгофой для Клайда. Реминисценции сигнализируют здесь о сходном для обоих романистов христианском представлении о грехе как синониме бесплодности, неспособности рождать жизнь, бессилии.

Таким образом, проанализированные приемы интертекстуальной поэтики убеждают в том, что роман Драйзера обладает «памятью текста» (Ю.М. Лотман) и между двумя произведениями возникают диалогические отношения, побуждающие находить закономерные и случайные межтекстовые скрещения.

Проделанный нами анализ показал, что говорить о полной художественной реализации (на сюжетно-композиционном и образном уровнях драйзеровского романа) «кода» Достоевского – явное преувеличение. Слишком разными были мировоззренческие парадигмы авторов. Однако есть все основания утверждать, что установка на интертекстуальность выявляется, интертекстуальная связь между обоими романами существует, и анализ факторов межтекстового взаимодействия обоснован.

«Преступление и наказание» – базовый текст, с опорой на который создавался текст «Американской трагедии», не снимавший авторитетности претекста. Драйзер выбрал

ракурс углубления исходной перспективы текста-источника, задавая при этом национально обусловленный угол смещения культурной проекции. Моделирование собственного художественного мира осуществлялось им с помощью сложной системы идентификаций, оппозиций, трансформаций и маскировки текста Достоевского.

Между романами установились отношения эквивалентности по разным параметрам их организации: структуре сюжетных ситуаций, проблемно-тематическим слагаемым, композиционным принципам, «мотивному каркасу». Интертекстуальное сближение основывается на присутствии в них образов-двойников, образов-мотивов, активно участвующих в маркировке интертекстуального поля, образов-символов, аккумулирующих в себе смысловой потенциал «младшего» текста.

Для воплощения своего художественного задания Драйзер инкорпорирует в свой текст-реципиент цитаты (явные, скрытые, полные, усеченные), аллюзии, реминисценции, инвариантные сюжетные ситуации и мотивы. «Американской трагедии» свойственна «конструктивная интертекстуальность» (И.П. Смирнов), высокая аллюзивная нагруженность, отсылающая к роману Достоевского. При этом такие индикаторы «старшего» текста, как цитаты, аллюзии и реминисценции в подавляющем большинстве реализуются в авторской речи и в гораздо меньшей степени в речи персонажей (их диалогах и внутренних монологах).

Оба романа относятся к корпусу сильных, «ядерных» [4, с. 53] текстов. Испытанные временем, имеющие непреходящее значение, они закономерно стали центрами «интертекстуального излучения» не только для своей национальной культуры, но и для всей мировой литературы.

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ «Интертекстуальная поэтика русской художественной прозы XIX–XXI веков и теоретические основы интертекстологии» № 15-34-01013.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Л.: Наука, 1972-1991. Т. 6. Все цитаты приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
2. Драйзер, Т. Американская трагедия // Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 тт. М.: Правда, 1973. Т. 8. Т. 9. Все цитаты приводятся по данному изданию с указанием в круглых скобках тома и страницы.
3. Жолковский, А.К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Восточная литература, 1998. 428 с.
4. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 272 с.
5. Николина, Н.А. Филологический анализ текста. М.: ИЦ Академия, 2003. 256 с.
6. Смирнов, И.П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 191 с.
7. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
8. Ben-Porat, Ziva. The Poetics of Literary allusion // Journal of Descriptive Poetics and Theory of Literature. 1976. № 1. Pp. 105-128.
9. Lachmann, R. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism. Univ. of Minnesota Press, 1997. 470 p.
10. Plottel, Parisier. Introduction // Intertextuality – New Perspectives in Criticism. N.Y., Literary Forum, 1978. Pp. XI-XX.
11. Stierle, Karlheinz. Werk und Intertextualität // Dialog der Texte. Wien, 1983. S. 7-26.

REFERENCES:

1. Dostoevsky, F.M. *Crime and Punishment*. Leningrad: Science, 1972-1990, Vol. 6. All quotations are from this publication, with volume and page in brackets.
2. Dreiser, T. *An American Tragedy*. Moscow: Pravda, 1973, Vols.8 and 9. All quotations are from this publication, with volume and page in brackets.
3. Zholkovsky, A.K. *Wandering Dreams, and Another Works*. Moscow: Nauka: Vostochnaya literatura. 1994. 428 p.
4. Kuzmina, N.A. *Intertext and its Role in the Processes of Evolution of Poetic Language*. Moscow: LIBROKOM, 2009. 272 p.
5. Nikolina, N.A. *Philological Textual Analysis*. Moscow: Academia, 2003. 256 p.
6. Smirnov, I.P. *Production of Intertext: the Elements of Intertextual Analysis with Examples from Pasternak's Work*. St. Petersburg, Linguistic Center of SPSU, 1995. 191 p.
7. Fateeva, N.A. *Counterpoint of Intertextuality, or Intertext in the World of Texts*. Moscow: Agar, 2000. 280 p.
8. Ben-Porat, Ziva. The Poetics of Literary Allusion. *Journal of Descriptive Poetics and Theory of Literature*. № 1. 1976. Pp. 105-128.
9. Lachmann, R. *Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism*. Univ. of Minnesota Press, 1997. 470 p.
10. Plottel, Parisier. Introduction. *Intertextuality – New Perspectives in Criticism*. N.Y., Literary Forum, 1978. P. XI-XX.
11. Stierle, Karlheinz. Werk und Intertextualität. *Dialog der Texte*. Wien 1983, S. 7-26.

УДК 338.242:331.526:304.3

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-29-34

Иванов А.И.

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК
НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ И КАК ОБЪЕКТ
ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Иванов Олег Иванович, доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Смольного, 1/3, Санкт-Петербург, 193060, Россия
E-mail: oliv2002@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

В статье характеризуются некоторые особенности использования пространственной терминологии в работах современных исследователей. Автор предлагает свою трактовку категории социального пространства, определяет его состав и структуру, обосновывает возможности и границы целенаправленных интервенций в его свойства и компоненты. Автор определяет социальное пространство как ансамбль социальных позиций, на которых взаимодействуют социальные акторы, производя и воспроизводя разнообразные продукты. В социальном пространстве автор выделяет семь слоев: 1) социальные позиции в нем; 2) соответствующие паттерны деятельности и паттерны поведения и мышления; 3) субъекты деятельности; 4) нормы-правила (социальные институты), регламентирующие в данном поле взаимодействия социальных деятелей; 5) различные социальные процессы: организации и дезорганизации полей, их интеграции и дезинтеграции; процессы насыщения и обеднения полей определенными компонентами, процессы жизнеобеспечения и процессы формирования и использования человеческого потенциала; процессы, способствующие или препятствующие развитию поля и другие; 6) материальные продукты и услуги реализованных паттернов; 7) духовные продукты и нематериальные услуги реализованных паттернов. Созданные в полях материальные продукты и услуги, духовные продукты и нематериальные услуги создают материальную и духовную основу функционирования в полях социальных акторов. Предложены новые направления его исследований, включая изучение образующих его полей.

Ключевые слова: социальное пространство; поля социального пространства; элементы социального пространства; слои социального пространства; структура социального пространства; социальные акторы; трансформация социального пространства.

UDC 338.242:331.526:304.3

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-29-34

*Oleg I. Ivanov***SOCIAL SPACE AS A SCIENTIFIC
CONCEPT AND THE OBJECT
OF EMPIRICAL STUDY**

Ivanov Oleg Ivanovich, *Doctor of Philosophy, Professor,*
St. Petersburg State University,
1/3 Smolny St., St. Petersburg, 193060, Russia
E-mail: oliv2002@rambler.ru

Abstract

The article presents some characteristics of spatial terminology and the way they are used in the works of social scientists. The author suggests his own interpretation of the category of social space, defines its composition and structure, and proves opportunities to intervene in its properties and components. The author defines social space as a set of social environment where social participants interact, making and reproducing various products. In social space, the author allocates seven layers: 1) social environment in it; 2) corresponding patterns of activity and patterns of behavior and thinking; 3) subjects of activity; 4) norms and rules (social institutions) that regulate the interaction of social participants; 5) social process: arrangement and disarrangement of the fields, their integration and disintegration; the process of saturation and impoverishment of the fields, 6) material products and services of the effected patterns; 7) cultural products and non-material services of the effected patterns. The material products and services, cultural products and non-material services make a material and spiritual basis for functioning for social participants.

Key words: social space; fields of social space; components of social space; layers of social space; structure of social space; social actors; transformation of social space.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ
И КАК ОБЪЕКТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Некоторые особенности использования пространственной терминологии в работах современных обществоведов. Сегодня во многих сочинениях социальное пространство или его поля – это *пространство бытования неких явлений* (культуры, политики, науки), или это та *среда*, в которой, координируясь, существуют и развиваются специфические явления, или это некие социальные *процессы* (культурные, образовательные и прочее). Или вместо определения пространства дается перечисление входящих в него компонент. Для других социальное пространство – это некое *вместилище* определенных явлений или насыщенная *территория*, включающая эти явления и т.п.

Представляется, что приведенных примеров достаточно для того, чтобы понять, сколь разнообразны и несовместимы образы, онтологические представления социального пространства и его полей в разных направлениях научной мысли, у разных авторов, и к каким последствиям в методологическом плане могут (осознанно или неосознанно) привести эти представления.

Социальное пространство как метафора. На наш взгляд, определение любого социального пространства или поля должно опираться на основные положения общей теории социального пространства. Но, поскольку общая теория социального пространства пока не создана, а ее основные положения нередко рассматриваются как спорные, многие исследователи продолжают размышлять о различных пространствах, не используя пространственную терминологию, тем самым не развивая свое пространственное мышление. Часто продолжают использовать образы, метафоры, спорные аналогии и т.п. Например, Анн-Мари Мол и Джон Ло использовали три метафоры пространства или социальных топологий: регионы, сети и текучие среды [11]. Вслед за ними применил эти метафоры и британский социолог Джон Урри [9]. Между тем еще в 2008 году один из отечественных основателей социологии пространства отмечал, что в ближайшие годы необходимо выработать позицию по различным метафорам, или образам пространства, включая и метафору «пространство-контейнер» [10, с. 265]. Тем не менее, этот процесс так и не пошел. Конечно, в общественных науках практики использования метафор и образов могут оказываться полезными, особенно на начальных этапах научного поиска. Но в дальнейшем необходимо переходить к мыш-

лению на основе системы научных понятий. В этой связи возникает вопрос: всегда ли понятия-образы, понятия-метафоры остаются или могут оставаться образами и метафорами или некоторые из них можно и нужно использовать в качестве научных понятий, которые обозначают реально существующие явления или их некоторые свойства? Полагаем, что понятия «регион», «сеть», «текучие среды» и многие другие «пространственные» понятия обозначают реальные явления, и каждое из этих понятий можно подвергнуть операционализации, что открывает дорогу к эмпирическому изучению социального пространства и его полей. Так, например, в соответствии с Мол, Ло и Урри, «любую текучую среду можно отличить от других на основании скорости потока, вязкости, глубины, консистенции и степени локализации» [11; 8].

Как известно, одной из важных предпосылок научного изучения любого объекта является разработка системы ключевых понятий. В науке пока не создана общепринятая система таких понятий для описания и анализа социального пространства. Ранее мы предложили такую систему понятий (см. нашу работу [4, с. 56-57]) Важнейшими предпосылками эмпирического изучения социального пространства являются вопросы о формах его существования, его компонентах, составе, структуре. Ответы на эти вопросы определяют направления и методологию его изучения. Здесь мы опираемся на отдельные положения концепций социального пространства Бурдье, Кастельса, Урри [1; 2; 6; 9] и предлагаем авторскую трактовку онтологии социального пространства и новые направления его изучения.

Исходные представления о социальном пространстве. Мы используем понятие «социальное пространство» в широком и узком значении. В *широком значении* социальное пространство – наиболее общая форма и способ организации совместной жизнедеятельности множества людей, упорядоченное множество социально-экономических позиций, особенности и содержание которых обусловлены исторически сложившимся общественным разделением труда; социальные дистанции и взаимное расположение индивидуальных и коллективных субъектов общественной жизнедеятельности на этих объективно существующих позициях относительно друг друга в зависимости от удельного веса их экономи-

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ
И КАК ОБЪЕКТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

ческого и других капиталов, а также от уровня развития их человеческих потенциалов.

Полагаем, что в социальном мире существует одно, единое социальное пространство, в котором объединены множество социальных полей (экономическое, культурное, информационное, политическое, образовательное, научное и другие). Социальное поле – главный компонент социального пространства, а отношения между ними создают его каркас, базовую структуру. Каждое социальное поле состоит из семи основных компонент. Базовая компонента поля – иерархически упорядоченное множество социальных позиций в нем. Это упорядоченное множество социальных позиций – исторически сложившаяся и самая стабильная структура в пространстве. В каждую социальную позицию инкрустированы соответствующие паттерны деятельности и паттерны поведения и мышления. Третий компонент – реальные и действующие на соответствующих позициях субъекты, которые и реализуют необходимые паттерны. Четвертый компонент – нормы-правила (социальные институты), регламентирующие в данном поле взаимодействия социальных деятелей. Пятый компонент – различные социальные процессы. Шестой компонент – материальные продукты и услуги реализованных паттернов. Седьмой компонент – духовные продукты и нематериальные услуги реализованных паттернов. Материальные продукты и услуги, духовные продукты и нематериальные услуги реализованных паттернов со временем могут переходить из одного поля в другие поля социального пространства.

Положение об иерархической организации социального пространства разделяют не все социологи. Некоторые авторы полагают, что социальное пространство является плоским и состоит из разнообразных связей между определенными компонентами. Интересно в этом плане рассмотреть некоторые положения теории социального мира французского социолога Бруно Латура [8]. Он один из создателей *акторно-сетевой теории* (англ. *ANT – Actor-Network Theory*). Одно из основных понятий Латура – «гетерогенная сеть». Это сеть, которая состоит из многих разнородных элементов. Эти одинаковые по отношению друг к другу сети содержат в себе как социальные, так и технические элементы. Латур полагает, что общество не существует, а существуют только акторы – существа, выполняющие действия, которые влияют на других существ. Актором может быть лицо, организация, а также объект, такой

как вирус гриппа в публичном пространстве, который непосредственно влияет на поведение людей. По Латуру, эти акторы создают не иерархию, а плоскую динамическую сеть, которая определяет их взаимные отношения. Латур утверждает, что любой актор, будь то персона, объект (включая компьютерные программы, «железо» и технические стандарты) или организация, одинаково важны для социальной сети. С последним положением Латура вряд ли можно согласиться. По нашему мнению, правы те исследователи (и их большинство), которые различают физическое и социальное пространства и которые в последнем отмечают иерархическую организованность. В каждом социальном поле мы выделяем семь слоев: 1) слой социальных позиций в нем; 2) слой соответствующих паттернов деятельности и паттернов поведения и мышления; 3) субъектов деятельности; 4) норм-правил (социальных институтов), регламентирующих в данном поле взаимодействия социальных деятелей; 5) различные социальные процессы: организации и дезорганизации полей, их интеграции и дезинтеграции; процессы насыщения и обеднения полей определенными компонентами, процессы жизнеобеспечения и процессы формирования и использования человеческого потенциала; процессы, способствующие или препятствующие развитию поля и другие; 6) слой материальных продуктов и услуг реализованных паттернов; 7) слой духовных продуктов и нематериальных услуг реализованных паттернов. Созданные в полях материальные продукты и услуги, духовные продукты и нематериальные услуги создают материальную и духовную основу функционирования в полях социальных акторов. В каждом поле один и тот же состав компонент и одна и та же структура. Но содержание отдельных компонент особенное. В каждом поле могут существовать различные зоны, сферы, сектора, подполя.

В узком значении социальное пространство мы определяем как упорядоченное множество социальных позиций, на которых действуют и взаимодействуют социальные акторы, производя, воспроизводя и потребляя разнообразные продукты и услуги, предназначенные для обеспечения материальных и духовных основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, а также для формирования, развития, укрепления и сохранения их человеческого потенциала. Проблематика формирования,

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК НАУЧНОЕ ПОНЯТИЕ
И КАК ОБЪЕКТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

развития, укрепления и сохранения человеческого потенциала в социальном пространстве рассмотрена в нашей монографии [5]. Социальное пространство в узком значении мы будем называть *пространством обеспечения основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, пространством формирования, развития, укрепления и сохранения их человеческого потенциала. Это пространство можно трактовать и как одно из полей единого социального пространства и назвать социальным полем.*

В этом пространстве или в этом социальном поле располагается *все множество позиций*, на которых производятся и потребляются продукты и услуги, обеспечивающие основы жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, формирование, развитие, укрепление и сохранение их человеческого потенциала. В этом пространстве находится *все множество социальных деятелей*, производящих и потребляющих продукты и услуги, обеспечивающие основы жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, формирование, развитие, укрепление и сохранение их человеческого потенциала. В этом пространстве осуществляются *все виды социальных действий и взаимодействий*, которые обеспечивают основы жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, формирование, развитие, укрепление и сохранение их человеческого потенциала.

В структуре пространства обеспечения основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, пространства формирования, развития, укрепления и сохранения их человеческого потенциала мы выделяем *специфические зоны или сферы*: здравоохранения, медицины, образования, культуры, жилищно-коммунального строительства (в аспекте жилищного и дачного строительства), страхования, пенсионного обслуживания, социальной защиты и другие.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что мы сформировали новый взгляд на социальное пространство и его онтологию, и, соответственно, новый объект и предмет исследования.

Сегодня актуальным объектом исследования становится социальное пространство отдельных стран и отдельных регионов как пространство обеспечения основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, пространство формирования, развития, укрепле-

ния и сохранения их человеческого потенциала.

А в качестве нового предмета эмпирического исследования мы определяем основные свойства социального пространства как пространства обеспечения основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, как пространства формирования, развития, укрепления и сохранения их человеческого потенциала. Предметом эмпирического исследования является и динамика основных свойств социального пространства в процессе трансформации, тенденции и закономерности его трансформации.

Традиционно социальное пространство и его поля изучались в основном на теоретическом уровне. И лишь в последние десятилетия предпринимаются попытки обоснования методологии его эмпирического изучения. Так, например, ряд западноевропейских ученых, опираясь на творческое наследие французского социолога Пьера Бурдьё, с девяностых годов прошлого века активно обсуждают проблематику *empirical investigation of social space*. Следует отметить, что западноевропейские социологи уже провели ряд эмпирических исследований различных полей социального пространства: личного, группового, виртуального и других. В современной России также имеется опыт проведения эмпирических исследований социального пространства. Но, конечно, анализ ситуации в этой области должен стать предметом специального изучения.

Принятая нами онтология социального пространства и его концептуализация по существу определяют направления научного поиска и постановку специфических исследовательских задач, в том числе тех, которые не могут и не ставятся при иной концептуализации. Назовем некоторые из этих задач: анализ связей между отдельными социальными полями; установление влияния свойств полей и (или) их компонент на обеспечение материальных и духовных основ жизнедеятельности индивидов и социальных общностей, на формирование, развитие, укрепление и сохранение их человеческого потенциала. В каждом поле должны рассматриваться специфические упорядоченные множества социальных позиций; обеспеченность этих позиций ресурсами; связи между позициями; положение и результаты деятельности социальных акторов на этих позициях; взаимодействия акторов, включая их кооперацию и (или) борьбу за ресурсы, статусы, капиталы и т.д.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурдьё, П. Начала. М.: Изд-во Socio-Logos, 1994. 288 с.
2. Бурдьё, П. Социология политики. М.: Изд-во Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Бурдьё, П. Социальное пространство и генезис классов // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 14–49.
4. Иванов, О.И. Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 2. С. 49–64.
5. Иванов, О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование). СПб.: Скифия-принт, 2013. 336 с.
6. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.
7. Кастельс, М. Социальная теория пространства и теория пространства потоков // Информационное общество: экономика, власть, культура. Том II. Хрестоматия. Новосибирск, 2004. С. 267–278.
8. Латур, Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшая школа экономики, 2014. 356 с.
9. Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: ГУ-ВШЭ, 2012. 300 с.
10. Филиппов, А.Ф. Социология пространства. СПб.: «Владимир Даль», 2008. 285 с.
11. Mol, A. and Law, J. Regions, Networks and Fluids: Anemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. No. 24. P. 641–671.

REFERENCES:

1. Bourdieu, P. *Beginnings*. Moscow: Publishing House Socio-Logos, 1994. 288 p.
2. Bourdieu, P. *Sociology of Politics*. Moscow: Publishing House Socio-Logos, 1993. 336 p.
3. Bourdieu, P. Social Space and the Genesis of Classes. *Sociology of Social Space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007. Pp. 14–49.
4. Ivanov, O. I. Social Space as an Object of Scientific Study and the Controlled Transformation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 2, 2013. Pp. 49–64.
5. Ivanov, O. I. *Human Potential: Formation, Development, Usage*. St. Petersburg: Skifia-print, 2013. 336 p.
6. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: The HSE, 2000. 608 p.
7. Castells, M. Social Theory of Space and the Theory of the Space of Flows. *Information Society: the Economy, Power, Culture*. Vol. II. Chrestomathy. Novosibirsk, 2004. Pp. 267–278.
8. Latour, B. *Rebuilding the Social. An Introduction to Actor-network Theory*. Moscow: Publishing House High School of Economics, 2014. 356 p.
9. Urry, J. *Sociology beyond Societies. Types of Mobility for the Twenty-first Century*. Moscow: GU-VSHE, 2012. 300 p.
10. Filippov, A. F. *Sociology of Space*. St. Petersburg: “Vladimir Dahl”, 2008. 285 p.
11. Mol, A. and Law, J. Regions, Networks and Fluids: Anemia and Social Topology. *Social Studies of Science*. No. 24. 1994. Pp. 641–671.

UDC 316.3:39.001.66(=511.131) (045)

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-35-41

*Svetlana V. Kardinskaya***ETHNIC CULTURAL ORGANIZATIONS
(ECO) IN THE CONTEMPORARY
RUSSIAN SOCIETY
(AN EXAMPLE OF THE UDMURT
REPUBLIC)****Kardinskaya Svetlana Vladlenovna,***Doctor of Philosophy, Professor*

St. Petersburg State University of Technology and Design,

18, Bolshaya Morskaya St., 191186, Russia.

E-mail: kard16@mail.ru

Abstract

The main problem to be solved within the research project is the issue of the sense and social importance of ethnic cultural organizations (ECO) in the contemporary Russian society and in the Udmurt Republic in particular. What is the purpose of creating volunteer organizations based on ethnicity? Do these organizations make any contribution to the building of the civil society in Russia? What are their prospects?

The study includes the content-analysis of the newspapers published by the youth ethnic cultural organizations (ECO): Jugendheim (the association of Russian Germans, a newspaper *The Juhei*); Shundy (the Udmurt youth association, a newspaper *The Gerd*); the biographic and expert interviews with representatives of the above-mentioned associations; the theoretical interpretation of the results of the content – analysis and interviews with the object of revealing specific mechanisms of ethnic identification; the use of specialized vocabulary: the clarification of the notions “ethnicity”, “identity”, “multiculturalism”; the construction of the author’s model of ethnic identity.

The research constituted a basis for the development of an analytical conception of ethnic identity. This conception allows one to consider ethnic identity as a process of constructing models and concepts of ethnicity within the theoretical and political discourse. Such constructing occurs when there is a “lack” of ethnicity in “the present” which has to be met through the constructs of “ethnic history” (the past) and ethnic “projects” (the future). The ways of constructing the Udmurt ethnicity as a part of “the Finno-Ugric world” were determined, as well as the ways of constructing “the German ethnicity” that shapes the image of German “Youth’s Home”.

Further research on ECOs involves revealing major concepts underlying the discourse of these organizations, as well as clarifying the role of ECOs in ethnic policy pursued in the Udmurt Republic.

Ключевые слова: ethnic-cultural organizations (ECOs); ethnicity; identity; multiculturalism.

УДК 316.3:39.001.66(=511.131) (045)

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-35-41

*Кардинская С.В.***НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ (НКО)
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТИИ)****Кардинская Светлана Владленовна,***Доктор философских наук, профессор*

Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна,

ул. Большая Морская, д. 18, 191186, Россия.

*E-mail: kard16@mail.ru***АННОТАЦИЯ**

Основной проблемой, которую необходимо было решить в процессе исследования, является проблема смысла и социальной значимости национально-культурных объединений (НКО) в современном российском обществе, в частности, в Удмуртской Республике. С какой целью создавались общественные организации по этническому принципу, есть ли у них перспективы в будущем? Можно ли считать такие объединения способствующими построению гражданского общества в России? Исследование предполагает: проведение контент-анализа прессы молодежных национально-культурных объединений (НКО) «Югендхайм» (организация российских немцев, газета “Yu hei”), «Шунды» (удмуртская молодежная организация, газета «Герд») в 2014-2015 гг.; проведение 27 биографических и экспертных интервью с представителями этих организаций; теоретическую интерпретацию результатов контент-анализа и интервью с целью выявления специфических механизмов этнической идентификации; работу с категориальным аппаратом: прояснение понятий «этнос», «идентичность», «мультикультурализм»; конструирование авторской модели этнической идентичности.

Исследование послужило основой для разработки аналитической концепции этнической идентичности. Последняя позволяет рассматривать этническую идентичность как процесс конструирования моделей и концептов этничности в процессе теоретического и политического дискурса. Такое конструирование происходит в ситуации «нехватки» этничности в «настоящем» и восполнение этой «нехватки» посредством конструкторов «этнической истории» (прошлого) и этнических «проектов» (будущего). Были определены способы конструирования удмуртской этничности как входящей в «финно-угорский мир», а также немецкой этничности, формирующей образ немецкого «молодежного дома».

Дальнейшее изучение НКО предполагает выявление концептов, находящихся в основании дискурса этих организаций, а также прояснение роли НКО в этнополитике Удмуртской Республики.

Key words: национально-культурные организации (НКО); этничность; идентичность; мультикультурализм.

**ETHNIC CULTURAL ORGANIZATIONS (ECO) IN THE CONTEMPORARY
RUSSIAN SOCIETY (AN EXAMPLE OF THE UDMURT REPUBLIC)**

In Russia, the issue of ethnicity became a focus of popular interest and academic inquiry in 1990, when the definition of social reality in terms of class struggle lost its validity. As for the state, in the globalizing world it turns, according to Z. Bauman [2; 3; 4], into “the security service of megacorporations” [3, p. 47]. The dissolution of the Soviet Union, of its constituent ethnic territorial units created under the Soviet rule, has led to the emergence of a new social space, which has to be comprehended.

Internationalism and multiculturalism, seemingly opposite, are both ideological constructs based on the discourse of power [1; 5]. Whereas internationalism in Russia implied the existence of “the Soviet people” as above-ethnic community whose needs and interests were the concern of governmental and party elites, multiculturalism implies existence of a great number of distinctive ethnicities whose ethnic cultures can vary so widely that it necessitates creation of a certain above (over)-ethnic level of authority for regulating “inter-ethnic relations” and developing programs for tolerant interaction of peoples. In both cases naturalization of power occurs, which means that an ideological construct acquires the semblance of “natural” social order [6, p. 136]. Thus, the discourse of multiculturalism suggests that there are many diverse ethnic cultures whose distinctions are determined by “natural causes”.

“Ethnicities” are likened to “collective individuals” acting on the social stage, with their distinctive psychology, character and history [9, p. 96]. Designating “ethnicities” constrained in their distinctiveness, the discourse of multiculturalism realizes itself on the border between them, within the distance determined by the discourse itself. The rhetoric of multiculturalism proves to be that very level of authority, that very discourse of power, which rules the process of incorporating “ethnic minorities” into social integrity [10, p. 134].

The discourse of multiculturalism that realizes itself in creation of ECOs is directed primarily at the regulation of various ethnic manifestations [7, 8]. The formation of numerous ECOs has helped to ease tension that is caused by debates about “sovereignty” of the Udmurt Republic.

As a result of the study in 2014-2015 (27 interviews and the content-analysis of the mass media), the ways and principles of constructing the ethnicity space have been identified. For illustra-

tive purposes there have been used concrete examples of Udmurt ECOs: “*Udmurt Kenesh*” (“Udmurt community”), “*Shundy*” (“Sun”), and the association of Russian Germans “*Jugendheim*”.

The construction of “the Finno-Ugric World”. The content-analysis has revealed a distinct orientation of the organization Udmurt Kenesh presenting itself as a public association of all Udmurts (800,000 people) that has a specific place in “the Finno-Ugric” world rather than within the space of Russia.

The Gerd, which devotes a third of its materials to the topic of “the Finno-Ugric world” and gives quite a full coverage of local events, practically does not carry any items concerning the rest of the country.

The image of the Udmurt ethnicity created by the newspaper is mainly drawn on such events as folklore festivals, congresses of the Finno-Ugric peoples, and the like. Reading the newspaper publications one learns that representatives of the Udmurt ethnicity organize conferences of Finno-Ugric writers, publish books on history and literature, and enjoy favorable and even rapturous comments of Finnish and Hungarian experts. An attractive image of “the Finno-Ugric world” encourages young people to become familiar with the history of the Finno-Ugric peoples through participation in research expeditions, creative centers, ethno-futuristic festivals.

All this creates the model of a comfortable and propitious world, with which ethnic “minorities” link their future and whose origins they trace to “the past” which correlates with the concept of shared “original homeland” of the Finno-Ugric peoples. According to one of the publications, Udmurtia is situated exactly on the territory of the “original homeland”. Magna Hungaria (Great Hungary) “in the past” was situated nearby.

“The Finno-Ugric world” with natural “ties of relationship” between the Finno-Ugric peoples seems to have existed primordially. But, in fact, the history of “the Finno-Ugric world” does not date back before 1992 and has in its foundation the concept of affinity of the Finno-Ugric languages. The formation of “the Finno-Ugric world” was to a large extent facilitated by the Udmurt national movement (the nation-wide congress of the Finno-Ugric peoples was held in Izhevsk in 1992). Being a linguistic construct,

the concept of “the Finno-Ugric world” has become the basis for organization of ethnic “reality”. Imaginable community of “the Finno-Ugric world” assumes objective character in the documents of Finno-Ugric congresses, resolutions adopted by UNO, UNESCO, with which Finno-Ugric organizations are developing close contacts.

Finno-Ugric unity suggests the integration of “peoples” rather than individuals or the whole mankind. The concept of “a people” (“unique ethnic minority”) serves as a foundation for the Finno-Ugric idea. Quite a number of the newspaper publications concerning rural problems create an image of a “people” firmly established on “land”. Such a “people” is not corrupted by civilization; “land” and “community” are among their most important values. The image of a “people” created by these publications emphasizes the “collectivism” of Udmurts which implies that the “natural” state of the Udmurt ethnicity is a “communal solidarity”, vitally important in conditions of ethnic “minority”. The notions of “relationship”, “a people” underlying the idea of “native land”, promote its prevalence in the newspaper publications, which leads to creation of the rhetoric of an “indigenous people” inseparable from Udmurtia “land”. The development of this logic suggests that privatization and selling of “native land” will be regarded by such a “people” as a real “disaster”. Any sort of market relations might result in extinction of the ethnicity (some publications even used the word “genocide”). The concept of “a people” also promotes the creation of the model of “collective identity”, “community” claiming to special statehood and collective rights.

The newspaper publications create an image of “a people” who needs protection and special rights which could compensate the harm caused by “colonization” and “repression”. The newspaper representing the voluntary organization *Udmurt Kenesh* shapes the view of “typical” representatives of the ethnicity, of real “bearers” of ethnic culture. Items on personalities – representatives of the Udmurt people – account for 20 % of all the materials published in *The Gerd*. They refer the reader to the immediate ethnic reality, publishing portraits and “profiles” of exponents of “true nature of the people”. For designation of “typical” representatives various stereotyped formulas have been used, as in the case of profile-type stories (timed, as a rule, to jubilee celebrations).

In *The Gerd*, the Udmurts are depicted as bearers of distinctive cultural practices sustained over the course of the centuries. An Udmurt poet or writer is usually portrayed as a peasant by birth, who due to his education became famous and made a “contribution” to the development of the Udmurt culture. Although these publications carry no appraisal or allusion to ethnic “traits of character”, they tend to idealize “the past” through represented images. According to the newspaper articles, the present-day condition of the Udmurt ethnicity is the result of “the past” which must be cherished and preserved. Ethnicity appears as “memorial”; “the present” is always an appeal to “the past”, its reconstruction.

The voluntary organization creating the space of ethnoideology proves to be nothing other than “an ethnic enterprise” which enables its participants to get economic and political “dividends” such as the financing of various collective projects (either by the Russian government, or by the partners from Finland, Hungary, and Estonia), popularity gained through the mass media, and an opportunity to participate in important political events. Thus the activity of voluntary organizations becomes a “project”.

Projection of the form (stereotyped image) onto the content (events of “the past”) produces an effect of real existence of ethnicity, of its historical continuity, enabling one to fill a “vacant” space of “the present” with the phantom of “the past”.

Through generalization and systematization of stereotyped statements, the newspaper creates a space for realization of the form of ethnicity. But this space remains vacant, revealing “lack” of ethnicity which has to be met through persistent talk on the ethnicity issue.

The imaginary association of Russian Germans: constructing the “Youth’s Home”. According to the survey, *The Juhei* representing the organization *Jugendheim* carries items both on youth and ethnic issues. The items on the organization’s activities stand apart. Their analysis shows how realization of the collective (organized) identity of the Russian Germans occurs.

The reports on the organization *Jugendheim* account for 25 % of all the materials published in *The Juhei*. Such a big amount suggests that the newspaper aims to represent *Jugendheim* as the collective whole and serves for its self-presentation. *Jugendheim* is portrayed not only

as a youth association, but also as an organization aiming at preservation of cultural practices and traditions of the Russian Germans. There are stories describing “meeting of generations”, “joining the association”. *Jugendheim* presents itself as a “highly organized” society with effective mechanism of self-governing, evidence of which are reports on election meetings, working schedule, and the like. The organization seeks to preserve its own structure and increase its own effectiveness. This is supported by publications about youth’s activities and seminars conducted for the leaders of youth organizations. The articles on psychological or sociological subjects are designed to help understand the relationships within the organization.

It should be noted that the main focus of *The Juhei’s* attention is the way the members of *Jugendheim* spend their leisure time. In numerous articles their leisure pursuits are described as healthy (walking tours to the countryside as an example), and creative (dancing clubs, concerts and festivals). The newspaper stories on participation of *Jugendheim* members in various contests serve to emphasize the role of the organization in discovering and supporting talented young people.

A special importance is attached to the organization’s contribution to the spiritual and intellectual growth of young people, to the development and realization of their abilities. As an illustration, numerous poems, short stories, sketches written by the members of *Jugendheim* are published in the newspaper.

Thus, the newspaper creates an image of an integral, solidary community which assists young people in developing their abilities, promotes their intellectual and spiritual growth. The organization helps a young person to express him/herself, to discover his/her potentialities, to realize him/herself as an integral personality. However, the image of an “integral community” shaping an “integral personality” is created by *Jugendheim* members themselves. Constructing “collectivity”, “community”, “organization” occurs in the newspaper columns where the organization’s activities are represented from a specific standpoint determined by its name – *Jugendheim* (Youth’s Home). The type of the newspaper articles suggests a strong emphasis on the word “home”. They depict *Jugendheim* as a “big united family”, a “jolly crowd”. The atmosphere reigning within the

organization is described as “friendly”, “merry”, “cordial”, and “hospitable”. These descriptions create an impression of “home” with all its attributes – cosiness, comfort, warmth. *Jugendheim* is a circle of reliable and supportive friends. The image of “home” gives good reasons to construct the concept of “Germanness” as a set of positive qualities, such as kindness, artistry, originality, liveliness, activity, spirituality, sense of humour, energy, and respect for traditions.

An ethnic aspect of constructing “community” is covered in the newspaper articles describing the life of German people and the Russian Germans, in reports on occasions related to the German language and German and all-European public holidays. It should be noted, that items on ethnic problems make up 25 % of all the publications, which suggests that ethnicity, though important, is yet not the main issue for the youth organization *Jugendheim*.

Fairly often the information on the German language learning is found. The description of *Jugendheim’s* active participation in the work of linguistic centres, seminars and contests implies viewing a national language as one of the major factors of ethnicity which must be maintained. The German association provides an effective mechanism for drawing young Russian Germans into the German language space and keeping up good knowledge of the language. Activation of the German language intercourse occurs through publishing articles in German (32 % of all the newspaper stuff).

The members of *Jugendheim* tend not to base ethnic identity on shared descent or heritage. They are more likely to emphasize collective identity, relating to German “community” existing “here and now” among other ethnic organizations. 14 % of all the information on the activities of *Jugendheim* members deals with their participation in different festivals, contests and international centres. Among regular participants of these events are all ethnic societies of the Udmurt Republic, incorporated into the association of ethnic voluntary organizations “*Vmeste*” (Together). The specific content of ethnicity manifests in interaction with other ethnic communities: the members of the organization declare their distinctiveness through distinguishing between “us” and “them”.

The existence of any ethnic organization suggests a certain level of ethnic self-reflection aimed

at designation of ethnic unity, at constructing an image of an ethnicity. Such organization's newspaper is to be regarded as a space for constructing an identity of an ethnic association.

The ethnic unity of Russian Germans is designated as a "home" where members of *Jugendheim* can demonstrate their personality, reveal their best qualities. The "Home" is a community providing conditions for individual realization and allowing a person to express his/her "Germanness". The "Home" regulates "the individual – society" interaction through models of effective, useful and interesting activity. Participation in these activities serves to construct the image of "fulfilling", a "productive" life.

Thus, the image of ethnicity created by the newspaper is a constructed category. The newspaper shapes the reality rather than reflects it. The existence of "Germanness" in Udmurtia is disputable; ethnic reality appears to realize itself only in the process of distinguishing between "us" and "them". It is only the reality of distinguishing that reveals itself. However, distinguishing means establishing the distance between "us" and "them" at the moment of designating.

The name *Jugendheim* is a space for constructing a German identity considering life events from a position designated as a "community" ("home"). This position acts as structural principle of reality determining relations between individuals according to the rules of distinguishing between "Germans" and representatives of "other" communities. The rules consist in knowing the German language and German customs. *Jugendheim's* newspaper perpetuates the idea of existence of ethnicity in a "place" ("home"). The members of *Jugendheim* must only follow the rules of living in "the home" – to take an active part in "family" occasions, to practice a friendly and cooperative pattern of behavior.

Within the discourse of ethnic cultural organizations constructing ethnic models, ethnicity never appears as "the present", as something that "has taken place".

Ethnicity is always "future-oriented"; it is regarded as undermanifested in "the present". Therefore, it must be cultivated, "nurtured". It is no coincidence that all ethnic cultural associations include youth organizations. This cor-

relates with the concept of "revival" of ethnicity, the results of which are carried into "the future".

Thus, the activity of ECOs comes to shaping forms of ethnicity, or ethnic models. This is what is recognized as a process of identification within the discourse of ECO. However, identity is not viewed as free self-identification of an individual, but as a stereotyped pattern applicable to the whole ethnicity. From this standpoint an ethnicity is regarded as a typical "collective individual".

ECO manifests as an aspect of social reality revealing discrepancy of form and content. In its official form, ECO is an element of the "civil society" providing an individual with an opportunity of free self-identification. However, in its content, ECO suggests existence of ethnic substance inherent in certain individuals, thus implying essentiality of ethnicity, primordial stratification of society by ethnic origin.

This makes impossible free self-identification of an individual, as he/ she is perceived to be a born representative of a given ethnicity with assigned cultural distinctions.

In the course of the research, there were established the principles of realizing the ethnic identity through activities of ECOs, with *Udmurt Kenesh*, *Shundy* and *Jugendheim* as concrete examples. These principles consist in shaping the discourse model of ethnicity (imaginary community) creating a space for ethnic identification.

The research constituted a basis for the development of analytical conception of ethnic identity. This conception allows one to consider ethnic identity as a process of constructing models and concepts of ethnicity within the theoretical and political discourse. Such constructing occurs when there is a "lack" of ethnicity in "the present" which has to be met through the constructs of "ethnic history" (the past) and ethnic "projects" (the future).

The ways of constructing the Udmurt ethnicity as a part of "the Finno-Ugric world" were determined, as well as the ways of constructing the "German ethnicity" shaping the image of German "Youth's Home".

Further research on ECOs involves revealing major concepts underlying the discourse of these organizations, as well as clarifying the role of ECOs in ethnic policy pursued in the Udmurt Republic.

REFERENCES:

1. Armstrong, J. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill NC: University of North Carolina Press, 2006. 411 p.
2. Bauman, Z *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. 228 p.
3. Bauman, Z. *The individualised society*. Cambridge: Polity Press, 2001. 283 p.
4. Bauman, Z. and May, T. *Thinking Sociologically*. Oxford: Blackwall, 2001. 199 p.
5. Giddens, A. *The Consequences of Modernity*. Stanford: Sanford University Press, 1990. 343 p.
6. Luhman, N. *Die Realitat der Masenmedien*. Wiesbaden: GWV Fachverlage GmbH, 2004. 252 p.
7. *Multiculturalism. Roots and Realities*. Ed. by C. James Trotman. Indiana: University Press, 2002. 267 p.
8. *Multinational Democracies*. Ed. by Alan-G. Gagnon and James Tully. Cambridge: University Press, 2001. 407 p.
9. Robertson, R. Mapping the global condition: globalization as the central concept. *Global culture* . Ed. By M. Featherstone. London: Sage Publications, 1990. 243 p.
10. Sisk, T.D. Power Sharing in Multiethnic Societies: Principal Approaches and Practices. *Preventing Deadly Conflict. Strategies and Institutions*. Proceedings of a Conference in Moscow, Russian Federation. Ed. by Gail W. Lapidus with Svetlana Tsalik. NY.: Carnegie Corporation of New York, 1998. Pp. 34-67.

УДК 82.01/09:821.134

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-42-54

Короченский А.П.

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ
ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ
ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИКИ****Короченский Александр Петрович,**
доктор филологических наук, профессорБелгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: korochensky@bsu.edu.ru**АННОТАЦИЯ**

В статье представлена характеристика жанровой системы испаноязычной периодической печати, способствующая выявлению ее своеобразия. Автор исходил из наличия в жанровом комплексе прессы Испании и испаноязычных стран Латинской Америки как элементов тождества с аналогичными комплексами в периодике других государств, так и признаков существенного различия. Выявление своеобразия жанровой системы испаноязычной периодики осуществлялось на основе применения компаративного подхода, через сравнение классификаций жанров в работах представителей различных исследовательских школ, а также практического жанроприменения.

Ключевые слова: периодическая печать; жанровая система; Латинская Америка; Испания; национальные школы журналистики; колонка; сембланса; биография; тестимонио.

Продолжение. Начало см. в № 2(4) за 2015 г.

UDC 82.01/09:821.134

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-42-54

*Alexander P. Korochensky***FAMILY PORTRAIT:
EXISTENTIAL OUTLINES
AND THE CULTURAL MEANINGS**

Korochensky Alexander Petrovich,
Doctor of Philology, Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: korochensky@bsu.edu.ru

Abstract

The article presents the characteristics of Spanish-language periodicals genre which helps to identify its originality. The author proceeds from the presence of the elements of identity with similar complexes in other states periodicals, as well as characteristics of a significant difference in the press genre of Spain and Spanish-speaking countries of Latin America. In the study the revealing identity genre of Spanish-language periodicals is based on the search for its historical and cultural origins and the use of comparative approach to genre classifications in the works of the representatives of various research schools, as well as practical genre application.

Key words: periodicals; system of genres; Latin America; Spain; national traditions in journalism; column; semblansa; biography; testimonio.

Наименования и характеристики жанровых форм, наличествующих в классификациях авторов из испаноязычных стран и в практике прессы Испании и Латинской Америки, требуют изучения с целью соотнесения их с аналогичными жанровыми явлениями в журналистике других стран, прежде всего российской. Ввиду отсутствия в российских классификациях таких жанровых форм, как критика, сембланса, тестимонио, биография, они заслуживают особого рассмотрения – как и хроника, колонка – наименования, имеющие иные дефиниции в отечественной науке и журналистской практике [см.: 2; 3; 4; 17].

Критика и колонка как жанровые фантомы

Ряд авторов (Г. Мартин Вивальди, Х. Гаргуревич, Э. Тельерия Тока и др.) включают в число жанров испаноязычной периодики *критику* (*la crítica*). Является ли упоминание о критике еще одним подтверждением специфичности испаноязычной жанровой системы, в которой наличествует особенный критический жанр, – или в действительности речь идет о некоем жанровом фантоме?

Автор «Журналистского словаря» Э. Тельерия Тока отвечает на вопрос, является ли критика жанром журналистики, так: «Если мы посмотрим на деятельность человека, являющегося знатоком или экспертом в определенной области, который анализирует, вырабатывает суждения и оценивает что-либо в ней, и выполняет эту функцию более или менее регулярно, иногда даже публикуясь под постоянной рубрикой, тогда мы можем рассматривать это как жанр нашей профессии...» [24, р. 81].

Таким образом, исходя из того, что критика рассматривается как функция¹, с позиций характерного для «латинской модели» функционального подхода к теории жанров, любой журналистский текст с наличием критического разбора и оценивания может быть представлен как пример особого жанра – критики. Но критику, то есть оценочный разбор и интерпретацию чего-либо, может содержать любой жанр, любая тематическая область журналистики. Однако наличие кри-

тического элемента в журналистском тексте само по себе не может быть аргументом для отнесения этого текста к особому жанру.

В последние годы представления о критике как отдельном жанре вызывают все более скептическое отношение теоретиков и практиков испаноязычной журналистики. Так, например, Ф. Гарсия Нуньес отказывается критике в праве именоваться журналистским жанром [13, р. 24]. Характерно, что в классификациях, представленных в научных работах и учебниках журналистики 1990–2000-х гг. издания, упоминания о критике как самостоятельном жанре периодики встречаются все реже.

Колонка как самостоятельный жанр упоминается в большинстве работ теоретиков испаноязычной журналистики, где приводятся не только дефиниции, но и описания различных видов колонки.

К. Марин, хотя и рассматривает колонку в одном ряду с самостоятельными жанрами, более сдержан в ее дефиниции, делая смысловой упор на характеристику колонки как особого текста: «это текст, который появляется на постоянном месте и с одной и той же периодичностью, под постоянным наименованием, информируя вкратце о различных фактах, привлекающих общественный интерес и одновременно комментируя происходящие события». Хорошо распознаваемые читателем постоянное название и место нахождения на полосах, привычная периодичность, постоянный автор (авторы), одно и то же стабильное графическо-шрифтовое оформление, характерный стиль изложения и постоянство спектра освещаемых тем и проблем являются атрибутами колонки [19, р. 283–284].

Этот же автор выделяет три вида колонки, которые в свою очередь подразделяются на подвиды:

– *информационная колонка* (включая *разнотемную* колонку и *специализированную* по тематике). По описанию автора, этот вид колонки имеет жанровые признаки, весьма сходные с информационной заметкой – краткой либо расширенной [19, р. 287–292];

– *колонка-комментарий* «комментирует, выражает мнение, представляет в сатирическом свете ту информацию, которую предлагает». И в данном случае возникает вопрос,

1 В действительности критическая деятельность в журналистике реализует не одну функцию, а целый комплекс функций. См., напр.: [5, гл. 2].

на который нет ответа в тексте К. Марина: в чем же разница между комментарием как жанром – и колонкой-комментарием, кроме постоянных параметров размещения последней? В работе этого автора нет специального определения комментария, поскольку, очевидно, этот жанр не признается им в качестве самостоятельного. Это рождает следующий вопрос: неужели комментарий бытует в прессе только в форме колонки? Газетно-журнальная практика испаноязычных стран доказывает, что комментаторами становятся отнюдь не только колумнисты...

Ж. Бросса де Контес относит колонку к жанру, имеющему признаки статьи (что обнаруживается в свободном раскрытии темы, в выраженной авторской позиции, в структуре и стиле текста), но отмечает различие в размерах: колонка значительно короче статьи и появляется на газетных страницах периодически (ежедневно или еженедельно) на одном и том же фиксированном месте на полосе, обозначая постоянное место встречи колумниста со своими читателями [8]. Автор отмечает, что среди видных колумнистов преобладают люди с развитым литературным даром, способные оказывать существенное влияние на общественное мнение.

Примеры такой колумнистики представили видные литераторы Габриэль Гарсиа Маркес, Марио Варгас Льюса, Эдуардо Галеано, которые в течение длительного периода сотрудничали с редакциями крупнейших испаноязычных газет. Изучение их творчества позволяет заключить, что в их исполнении колонка может содержать эссе – например, это текст М. Варгаса Льюсы, опубликованный 31 июля 2011 г. в колонке испанской газеты «El País» под заголовком «Больше информации – меньше знаний» [27]. Вместе с тем в колонке могут появляться тексты с жанровыми признаками комментария – например, в работе Эдуардо Галеано, опубликованной в связи с избранием Барака Обамы президентом США [11].

Э. Тельерия Тока дает следующее определение колонки: «...в журналистике колонкой называется раздел, в котором регулярно публикуется постоянный автор – комментатор, хронист, иногда журналист, специализирующийся на написании статей... Публикации в колонках отличаются индивидуальным ав-

торским стилем, присущим колумнисту: иногда глубоким аналитическим, взвешенным, исполненным мудрости, порой – сатирическим, ироническим, насмешливым, юмористическим.... Но это не означает, что колонка – журналистский жанр, это всего лишь форма презентации различных жанров журналистики» [24, p. 58.].

Это мнение ветерана кубинской журналистики отражает действительное положение дел: колонка не является особым жанром, поскольку представляет собой форму постоянного, фиксированного по периодичности и пространственным признакам размещения разножанровых текстов постоянного колумниста – как правило, авторитетной личности, способной оказывать существенное влияние на общественное мнение.

Биография (la biografía) и сембланса (la semblanza)

в соотношении с российским жанровыми аналогами

В классификациях испаноязычных журналистских жанров существуют термины, отсутствующие в аналогичных российских классификациях. К их числу относятся биография (la biografía) и сембланса (la semblanza).

Термином «биография» в практике испаноязычной журналистики чаще всего обозначается жанровая форма, родственная биографической справке в российской журналистике. В биографии на первый план выходит деятельность человека, имеющая определенное социальное значение.

В ряде стран Латинской Америки (прежде всего в Аргентине) биография обозначается также как «история жизни» (la historia de vida) определенного человека. Вместе с тем некоторые исследователи делают различие между биографией и «историей жизни», отмечая, что последняя представляет собой текст, существенно расширенный в сравнении с биографией. По их мнению, «история жизни» должна включать такие подробности о человеке, как описание его внешнего облика и характера, манеры одеваться, сексуальной ориентации, отношения к алкоголю и наркотикам, эмоционального состояния, религиозных и политических убеждений, предпочтений в искусстве, его семьи и жилища, друзей и даже воспоминаний детства [14].

Жанровая форма, именуемая сембланса (*la semblanza*), определяется классиком испанской теории журналистики Г. Мартин Вивальди как неполная биография, которая не исчерпывает всю историю описываемой личности и воспроизводит только самые выдающиеся и значимые факты, характеризующие этого человека. Обозначая различие между семблансой и биографией, Г. Мартин Вивальди приводит образное сравнение: первая жанровая форма отличается от второй, как экспрессивный набросок портрета, сделанный углем, от портретной картины, написанной маслом. По мнению этого автора, всякая хорошая биография является также и семблансой – точно так же, как портрет маслом начинается с первоначальных набросков углем [21, р. 317]. М. Х. Сьерра применяет понятие «*semblanza*» к биографическим и портретным очеркам [23, р. 33].

Э. Тельериа Тока также обозначает термином «*biografía*» подробную биографическую справку о человеке – в отличие от «*semblanza biográfica*» – краткого биографического очерка, который представляет собой «неполную биографию, которая не охватывает всю историю индивидуума. В нее отбираются только самые выдающиеся и значительные факты, имеющие отношение к характеру человека...» [24, р. 29].

Согласно другим определениям, биографическая сембланса (*semblanza biográfica*) является живописным публицистическим портретом личности, основанном на воспроизведении черт его характера, физического облика и историй из его жизни. Таким образом, семблансу можно характеризовать как жанровую форму, аналогичную биографической или портретной зарисовке в российской классификации жанров.

Термин «этопея» (*la etopeya*), применяемый в испаноязычной журналистике для обозначения биографических описаний, происходит из терминологии риторики. Им обозначается одна из риторических фигур, состоящая в передаче внешних и внутренних характеристик персоны, ее моральных качеств. Этопея в литературе обозначает опи-

сание психологических или моральных качеств одного или нескольких персон, а также характера, добродетелей, привычек, стиля жизни, деятельности, эмоционального мира [7]. Аналогично предназначение этопеи в испаноязычной журналистике, что позволяет отнести ее к биографическим жанровым формам.

Хроника

в испаноязычной периодике

В наибольшей мере специфика жанровой системы испаноязычной публицистики нашла свое отражение в жанре хроники (*la crónica*).

Содержание понятия «хроника», употребляемого применительно к жанровым формам испаноязычной журналистики, требует особого изучения в том числе и ввиду несоответствия содержания этого понятия в отечественной теории журналистики и в теоретических трудах испаноязычных авторов, изучающих жанровую систему испанской и латиноамериканской периодической печати и публицистики. В то время как газетно-журнальная хроника (хроникальная заметка или подборка таких заметок) в российской журналистике однозначно принадлежит к группе информационных жанров, многие испаноязычные авторы характеризуют ее как один из самых богатых и сложных жанров высокого порядка.

Упомянутые при этом признаки хроники нередко весьма размыты. Отчасти это объясняется вульгаризацией отношения к хронике со стороны журналистов-практиков, в результате чего, как отмечает С.Л. Гонсалес Лонгория, в Испании и некоторых других странах термином «хроника» обозначается чуть ли не каждый жанр журналистики – точно так же, как в Мексике каждый более или менее пространственный текст именуется статьей [15, р. 92].

Хоакин Ортега отмечает как сходство, так и различия между жанрами хроники и репортажа, метафористически замечая при этом, что они являются «племянниками, а не братьями». Различия выявляются в результате развернутого сопоставления характеристик репортажа и хроники:

Репортаж	Хроника
В основе – произошедшее событие, базируется на фактах	В основе отбора материала для описания и осмысления – побуждения автора, который осуществляет подбор фактов, основываясь на своих размышлениях и чувствах
Факт имеет больше значения	В хронике факт – лишь отправная точка либо инструмент для автора. Опора на факты не является обязательной при написании хроники
Предусматривает живость в освещении событий	Хроника – это личная реакция журналиста на события
Репортаж более утилитарен, в нем нет или мало элементов авторской фантазии, вымысла, эстетического вдохновения	Хроника более поэтична, беллетристична. Журналист, пишущий хронику, как бы конструирует свой собственный мир. Но это не чистая фантазия, поскольку автор исходит из реалий окружающей действительности. При этом эстетическая сторона хроники помогает лучше понять и отобразить действительность.

Отмечая случаи, когда хронику ошибочно характеризуют как разновидность комментария, Х. Ортега акцентирует различия между этими жанрами [22]:

Комментарий	Хроника
Комментарий – ближе к новости, «привязан» к ней	Появление хроники не обязательно связано с откликом на актуальный факт, событие
Комментарий демонстрирует, объясняет, критикует	Хроника описывает, рассказывает, передает впечатления
Комментарий более объективен и рационален	В хронике большое значение имеют воображение, авторский вымысел, в нем есть простор идеям и даже мечтам автора. Она имеет свою магию
Комментарий относится к журналистике в большей степени, чем хроника	Хроника является более литературным жанром

Как свидетельствует изучение творческого наследия классиков испаноязычной журналистики, например, Хосе Марти, – исследователи нередко характеризуют как хронику некоторые тексты, имеющие жанровые признаки статьи. Как отмечает Г. Мартин Вивальди, хроника отличается от статьи тем, что в статье в связи с каким-либо актуальным фактом, явлением, получает развитие определенная идея, задача же хроники – сообщать, рассказать о происходящем.

Испанский исследователь Р. Йанес Меса, характеризующий хронику как явление «ли-

тературной журналистики», вместе с тем признает ее жанром, «равноудаленным» как от информирования, так и от интерпретации [28].

Г. Мартин Вивальди характеризует хронику как «амбивалентный жанр, который служит как для изложения фактов, относящихся к событию, так и для передачи суждения автора хроники о них». Он дает следующее определение этой жанровой формы: «Журналистская хроника является по своей сути интерпретирующим и оценочным сообщением о событиях – актуальных или актуализированных, в котором повествуется о

чем-либо, и в то же самое время содержится суждение об этом» [21].

По определению Г. Мартина Вивальди, Х. Гарсии Луиса, Х. Ортеги и ряда других исследователей системы жанров испаноязычной периодической печати, хроника обладает рядом устойчивых жанровых признаков, которые свидетельствуют о наличии в ней отчетливо выраженных очерковых элементов:

- хронике свойственна информативность и повествовательность. Ядром хроники являются факты, но ее написание требует не иерархически выстроенного их изложения по степени важности, а свободы композиции;

- приближаясь в экспозиции фактов к репортажу, хроника в то же время может содержать суждения и заключения автора об описываемых явлениях и событиях, что роднит ее со статьей и другими аналитическими и художественно-публицистическими жанрами (которые объединяются в общую группу «жанров мнений», в терминологии Х. Гарсия Луиса, Х.А. Бенитеса, Х. Гаргуревича и других латиноамериканских и европейских авторов);

- хроника отличается от интерпретирующего репортажа и от информационных жанров высокой степенью авторской персонализации в изложении фактов (вплоть до повествования от лица автора). В хронике личность автора находит яркое воплощение (Х. Ортега замечает: «хроника есть индивидуальная реакция журналиста на событие» [22]) Хроника вбирает личностные характеристики автора, присущие ему взгляды, чувства, переживания, индивидуальный стиль.

Кубинский исследователь Х. Луис Гарсия выделил комплекс основных жанровых признаков хроники, во многом совпадающих с признаками, упоминаемыми другими авторами:

- свободный стиль, основанный на взаимодополнении объективного и субъективного;

- ядром хроники являются факты;

- форма хроники является одновременно информативной и повествовательной, приближаясь к репортажу в экспозиции фактов и к статье – в суждениях автора об описываемых событиях;

- хронике не присуща иерархически выстроенная композиция, характерная для информационных заметок. Построение хроники, в отличие от структурной организации содержания заметки, не подчинено хроноло-

гическому принципу или логике перехода от основных фактов к менее важным, от главного в событии к его деталям. Этого требует, например, композиция новостной заметки, выстроенной по принципу «перевернутой пирамиды» (*la pyramide invertida*), когда вначале излагаются самые значительные факты события (*datos esenciales*), затем – важные подробности о нем (*datos importantes*), и после этого – сопутствующая информация второстепенной важности (*datos secundarios*). В хронике же порядок изложения свободный, повествование подчинено индивидуальному авторскому замыслу;

- повествование в хронике требует определенной грации, доли воображения (вплоть до использования вымысла), детализации и колорита. Хотя в хронике используются факты, их передача не является ее главной задачей. В отличие от информационных жанров, где авторское начало слабо выражено и изложение зачастую является деперсонифицированным (журналист остается как бы «за кадром», что призвано создать эффект объективности сообщения), в хронике в экспрессивной манере выражены взгляды, чувства, индивидуальность автора. Этой жанровой форме присуща персонализация изложения – вплоть до повествования от первого лица. Хроники никогда не публикуются без подписи автора;

- используемый в хронике авторский словарь – наиболее богатый, отточенный, изящный;

- хроника имеет высшую степень литературной обработки, в ней используются такие выразительные средства, как метафора, гиперболы, сравнение, возможна некоторая доля лиризма;

- цель хроники – осветить определенный факт или событие таким образом, чтобы подчеркнуть его выдающееся значение, не впадая при этом в формальную, простую, строгую аргументацию, но достигая цели посредством отображения самой действительности различными оценочными мазками и использованием эмоциональных оценок. Как правило, автор хроники избегает прямой оценки событий, эффект интерпретации достигается использованием деталей и сравнений, несущих оценочную нагрузку, а также эмоциональных авторских оценок. Х. Гарсия Луис отмечает «сосуществование в хронике элементов новостного жанра и комментария» в их сложной

взаимосвязи и взаимовлиянии [12, p. 121].

Х. Гарсия Луис отметил, что хроника по своему потенциалу превосходит другие жанры периодики, поскольку может сочетать в себе элементы статьи, интервью, комментария и других жанровых форм. Исследователь полагает, что этот жанр представляет собой высшую форму испаноязычной журналистики, использовать которую с успехом могут лишь настоящие мастера печатного слова. Подобная же оценка хроники представлена и в работах других исследователей. Наличие этих признаков демонстрирует творчество классика хроники Хосе Марти в его цикле «Североамериканские сцены», например, хроника «Кони Айленд», которая принадлежит перу этого выдающегося автора, публиковавшего в 1880-е гг., в период вынужденной эмиграции в США, свои работы о жизни Соединенных Штатов в крупнейших латиноамериканских газетах того времени.

Виды хроники. Х. Гарсия Луис представил одно из наиболее детальных и аргументированных делений жанра хроники по видам:

1) *Хроника, посвященная преимущественно новостям* (*la crónica predominantemente noticiosa*). К этому виду, по мнению исследователя, относятся путевые хроники (*crónicas de viaje*), хроникальная информация агентств новостей (*crónicas de las agencias cablegráficas*), хроники «с места событий» (*crónicas "sobre el terreno"*) – хроникальные работы, подготовленные корреспондентами с мест чрезвычайных событий – войн, катастроф и т.д.

Необходимо отметить ошибочность отношения к одному из видов хроники кратких по содержанию, подчеркнута лишенных авторского начала, объективированных по стилю, иерархически выстроенных хроникальных заметок новостных агентств. Подборка таких заметок именуется как в испаноязычной, так и в российской журналистике «хроникой» или «хроникой событий». Однако, несмотря на сходство наименований, жанровые признаки хроникальных заметок не соответствуют признакам хроники в испаноязычной периодике. Оперативные информационные заметки агентств не могут характеризоваться как нечто родственное жанровой форме, тяготеющей к очерку.

2) Второй вид хроники в классификации Х. Гарсии Луиса – *преимущественно оценочная* (*la crónica predominantemente valorativa*).

3) *Преимущественно литературная хроника* (*la crónica predominantemente literaria*) характеризуется кубинским автором как жанровая форма, позволяющая журналисту в полной мере продемонстрировать свое литературное мастерство, красоты стиля. К ее разновидностям отнесены *ретроспективная хроника*, она же – *хроника воспоминаний* (*la crónica retrospectiva o evocativa*), а также *хроника обычаев и нравов* (*la crónica costumbrista*) и *хроника-свидетельство* (*la crónica testimonial*). Характерно, что Х. Луис Гарсия не поддерживает точку зрения о свидетельстве (*el testimonio*) как самостоятельном жанре, рассматривая произведения, выстроенные на основе воспоминаний очевидцев важных событий, как разновидность хроники.

4) *Литературно-художественная хроника* (*la crónica de la actualidad del arte y literatura*) – освещает явления и личности из мира современного искусства и литературы. Она «очень близка к жанру критической статьи» и отличается от нее наличием новостного ядра, о котором ведется повествование.

5) Одним из видов хроники кубинский автор называет *колонку* (*la columna*). С этой точкой зрения едва ли можно согласиться, так как авторы-колоннисты, пишущие для персональных колонок, на практике используют различные жанры – от комментария и реплики до фельетона. Как уже отмечалось, колонка является формой постоянного размещения на полосе журналистских материалов одного и того автора, особым видом постоянной персональной рубрики – но не жанром журналистики как таковым.

6) К видам хроники Х. Луис Гарсия относит также фельетон (*el folletín*) [12] – по его мнению, это хроника, посвященная явлениям и проблемам повседневной жизни, затрагивающим всех. В фельетоне они служат поводом для размышлений журналиста. Лексика фельетона может быть близкой к разговорной речи, для него характерны юмористический, сатирический или гиперболический стиль, простота и популярность изложения. Таким образом, Х. Луис Гарсия дает характеристику признаков фельетона, во многом соответствующую дефиниции этой жанровой формы в российской теории жанров, но вместе с тем он считает фельетон видом хроники.

Очевидным недостатком классификации, предложенной Х. Гарсия Луисом, явля-

ется отсутствие единых классификационных оснований для деления как видов, так и подвидов хроники.

Э. Тельерия Тока выделяет еще такие виды хроники, как:

1) «красная» (криминальная) хроника (*crónica roja*), которая посвящается описанию преступлений и действий правоохранительных органов по борьбе с преступностью;

2) светская хроника (*crónica social*), отражающая различные события из жизни «высшего общества» (балы и приемы, жизнь элитных клубов и обществ, юбилейные мероприятия, развлечения и пр.) [24, p. 85-86].

Исследователи отмечают, что хроника признается пограничным жанром между журналистикой и литературой, она беллетристична. В ней журналист, отображая реальный мир и применяя при этом ресурсы художественной образности, как бы создает свой собственный мир. При этом эстетический, художественный компонент хроники позволяет читателю лучше освоить отображаемые реалии действительности, воспринять отношение автора к ним. Факт важен в хронике, но он может быть лишь отправной точкой или инструментом для автора при создании произведения в этом жанре. От автора хроники требуется развитое творческое воображение, допускается и художественный вымысел. Событие видится в хронике через призму внутреннего мира автора и читателя. «В хронике большое значение имеет воображение, вымысел, в ней есть простор идеям и даже мечтам автора. Она имеет свою магию...» – отмечает Х. Гарсиа Луис [12, p. 141].

Исследователь характеризует словарь хроники как наиболее многообразный, совершенный, изящный. По грации, привлекательности, богатству и блеску языка хроника превосходит любой другой жанр. В хронике используются такие свойственные беллетристике ресурсы создания художественной образности, как метафора, гипербола, сравнение и т.д., допускается создание вымышленных персонажей, наделение их чертами реальных людей. В отличие от репортажа, основой которого являются факты актуальных событий, и от комментария, представляющего непосредственный отклик на какое-либо текущее событие, хроника может быть посвящена и давно прошедшим событиям, историческим фактам. Для ее написания не требуется актуаль-

ный повод. Но в любом случае повествование должно быть увязано с современными, актуальными событиями и процессами, т.е. должно иметь необходимую степень актуализации, привязки к потребностям сегодняшнего дня.

По мнению Г. Мартина Вивальди, хроника отличается от статьи тем, что в статье в связи с каким-либо фактом (фактами) развивается и обосновывается определенная идея, главная же задача хроники – повествовать о происходящем [21].

Отмеченные характеристики жанровых признаков хроники в испаноязычной журналистике весьма близки выявленным признакам хроники в журналистике Франции, изученным в работах А. Евтушенко [см.: 1].

Термин «хроника» в испаноязычной журналистике охватывает широкий спектр жанровых форм – главным образом, характеризующихся в российских классификациях как очерковые – от событийных, мемуарных до бытописательских очерков.

Свидетельство («El testimonio»): особый жанр или дискурсивная форма презентации фактов?

С 1970 г. на Кубе вручаются ежегодные премии общественно-культурной организации «Каса де лас Америкас» за произведения литературы и журналистики в жанре «свидетельства» (*el testimonio*). Вместе с тем некоторые авторы – как представители литературоведения, так и исследователи журналистики – отрицают наличие такого жанра, что требует особого внимания к характеристике свидетельства. Так, например, Х. Гарсиа Луис пишет о «тестимониальной хронике» как об одном из видов хроники [12, p. 122].

Академический «Словарь кубинской литературы» определяет тестимонио как новый жанр, который характеризуется следующими признаками:

– наличием родства с новостным журналистским репортажем, от которого он отличается большей масштабностью охвата событий и способностью не устаревать вскоре после опубликования ввиду значимости и глубины проникновения в существо описываемых явлений и процессов. Отличие заключается и в более высокой степени литературной обработки тестимонио в сравнении с обычным репортажем;

– в тестимонио должны соблюдаться требования объективности и правдивости, даже

если его подготовку осуществляют не журналисты, а литераторы;

– автор тестимонио расспрашивает очевидцев о тех событиях, свидетелями которых они были сами. Исключением может быть ретроспективный тестимонио, посвященный прошлому, пережитому самим автором, который дополняет свои впечатления рассказами других очевидцев;

– если речь идет о биографическом свидетельстве, автор не должен концентрироваться на подробностях частной жизни очевидца. Свидетельство должно иметь тесную привязку к социальному контексту [16, р. 1013-1015].

В качестве примера свидетельства С. Буэно (Куба) привел «Картины революционной войны», принадлежащие перу Э. Че Гевары – книгу о герилье на Кубе в период борьбы против диктаторского режима, представляющую собой мемуарные публицистические очерки непосредственного участника этих событий.

А. Уркиди (Боливия) полагает, что свидетельство – это старый жанр, к которому все чаще обращаются журналисты Латинской Америки. К формам свидетельства исследователь относит автобиографии, мемуары, дневники, показания, записные книжки, письма, беседы. По мнению А. Уркиди, свидетельство хорошо известно в литературе *non-fiction* – то есть, всякий исторический рассказ, основанный на личных впечатлениях и видении автора, содержит в себе свидетельство [26]. Рассказать об увиденном и пережитом – привилегия свидетеля, участника событий, и этот рассказ приобретает вес, когда начинается словами «я был там, сам видел и испытал происходившее, участвовал в нем».

По определению боливийского исследователя, основополагающая характеристика тестимонио – это активное и постоянное использование повествования от первого лица. В журналистике тестимонио обычно основывается на фактах высокой информационной ценности, которые излагаются в рамках сравнительно краткого исторического отрезка времени.

Определение свидетельства, представленное кубинцем С. Буэно, содержит следующие обозначения:

– свидетельство является жанром, пограничным между журналистикой и литературой, формой их взаимопроникновения;

– в нем могут сочетаться элементы репортажа, интервью и хроники;

– в свидетельстве присутствуют авторское воображение, персональный тон повествования, эмоциональная окрашенность. В этом определении нетрудно усмотреть сходство с жанровыми характеристиками хроники.

Х. Гаргуревич утверждает, что первые тестимонио появились в США в XIX веке. Примером тому, по его мнению, являются газетные публикации журналиста Г.М. Стенли, который в 1871 г. описал поиски в Африке исчезнувшего легендарного доктора Ливингстона. К числу классических примеров тестимонио исследователь относит повествование Джека Лондона о землетрясении и последовавшем за ним пожаре в Сан-Франциско.

Некоторые авторы относят к жанру тестимонио работы, обычно характеризующиеся как произведения мемуарной литературы – например, воспоминания Э. Че Гевары о герилье на Кубе, составившие книгу «Эпизоды революционной борьбы» [16].

Хуан Гаргуревич дал определение тестимонио как «техники редактирования фактов, представляемых или пережитых самим автором, они излагаются от первого лица, выступающего (или выступающих) в качестве свидетеля, чтобы добиться наибольшей экспрессивности или драматизации повествования» [14, р 151].

Эрик Торрико утверждает: тестимонио представляет собой рассказ одного или нескольких человек, выступающих в качестве главных действующих лиц или свидетелей происходящего и воспроизводящих все подробности событий [25].

Журналист не всегда оказывается в эпицентре событий. В таких случаях он может выступать в качестве своеобразного посредника, который пересказывает историю, изложенную очевидцем (или очевидцами) произошедшего. В связи с этим Гаргуревич делит журналистские тестимонио на два различных типа:

1) «*прямое свидетельство*» (*testimonio directo*) – изложение ведется непосредственно журналистом, лично наблюдавшим за происходящим, либо очевидцем событий;

2) «*косвенное свидетельство*» (*testimonio indirecto*) имеет место тогда, когда очевидец событий рассказывает о произошедших событиях журналисту, а тот излагает их от первого лица от имени свидетеля. При этом создается впечатление, будто очевидец сам описал произошедшее.

Как правило, не прямой тестимонио должен начинаться со слов «Как рассказал...» (далее обозначается имя и статус очевидца). Текст должен быть подготовлен таким образом, чтобы из него как бы слышался голос свидетеля описываемых произошедших событий. Так подтверждается метафорическое утверждение, что тестимонио является «сыном интервью».

А. Уркиди предлагает другое деление тестимонио по видам:

– «простой тестимонио» – представляет собой обычный пересказ событий;

– «автобиография» содержит изложение истории жизни одной персоны с параллельными включениями свидетельств других людей или журналистов. При этом дополнительные свидетельства содержат оценку высказываний первого свидетеля, подтверждают либо опровергают его рассказ;

– «биография» одной и той же персоны, находящейся в центре повествования, излагается разными людьми. Изложение дополняется попутным включением контекстов, описываемых журналистом;

– «изложение одного значительного факта» (или совокупности фактов) различными людьми.

В отличие от автобиографии, журналистский тестимонио – не «история жизни», а описание какого-либо ее отрезка, интересующего читателя. Несмотря на возможное наличие исторического экскурса, тестимонио всегда привязан к сегодняшнему дню. Обычно в тестимонио изложение событий ведется в хронологической последовательности и предваряется вступлением, которое обозначает самое важное в тексте. Тестимонио может быть представлен в широком тематическом спектре: это могут быть разоблачения, журналистские расследования, биографические повествования и т.д.

Р. Ферро, рассуждая о природе свидетельства, объясняет его появление поиском новых дискурсивных форм презентации фактов в журналистике, в тех ситуациях, когда наличествуют противоположные варианты отношения к этим фактам. Отмечается, что в данном случае дискурс имеет сходство с показаниями свидетелей в суде, которые по-разному объясняют одни и те же факты, при этом в процессе такого дискурса должна выявляться правда о произошедшем [10, p. 87].

Жанровая форма тестимонио, родственная интервью, имеет дискурсивную природу, которая позволяет журналисту комментировать то, что было изложено свидетелем событий, подчеркнуть некоторые детали и аспекты рассказанного им, обозначить возможные противоречия и неточности в его рассказе. Следует учитывать, что очевидец предлагает свою версию событий, нередко весьма субъективную, и не всегда готов к свободному, непринужденному рассказу. Журналист, интервьюирующий очевидца, должен скрупулезно исследовать излагаемые им факты и выстраивать тестимонио так, чтобы максимально выявить правду. Таким образом достигается эффект обобщающего восприятия, но окончательное суждение об изложенном остается за читателем. В итоге повышается степень читательского доверия к рассказанному в тестимонио.

Иллюстрацией такого способа презентации информации является тестимонио «Мои признания. Карлос Кастанья раскрывает свои секреты». Журналист Маурисио Арангурен Молина воспроизводит в нем свидетельства участника вооруженной борьбы в Колумбии, обвиняемого в совершении военных преступлений. Рассказы Карлоса Кастаньи представлены в этом тестимонио в диапазоне от его самооправданий до саморазоблачений.

Таким образом, свидетельство как жанровая форма выявляет свои гибридные характеристики, роднящие ее как с интервью, так и с очерками на исторические темы, с мемуарным жанром, что позволяет отнести тестимонио к жанровой группе, обозначаемой в российской классификации как художественно-публицистические жанры.

Выявленная специфика жанровой системы испаноязычной периодики свидетельствует о значительной степени несовпадения представленной классификации художественно-публицистических жанров с классификациями, используемыми в отечественной теории жанров и практическим жанроприменении. Вместе с тем, несмотря на различие в наименованиях жанров и в некоторых их характеристиках, наличествует определенное сходство, обусловленные близкими функционально-стилевыми признаками жанровых форм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Евтушенко, А. Жанр хроники (la chronique) во французской прессе // Коммуникация в современном мире: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации», 16 май 2006 г. / Под ред. проф. В.В. Тулупова. Воронеж: ВГУ. 2006. С. 100-101.
2. Кайда Л.Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта, Наука, 2008. 180 с.
3. Короченский, А.П. Историко-культурные истоки классификационного разнообразия жанровой системы испаноязычной периодики // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). Вып. 11. С. 195-206.
4. Короченский, А.П. Мировая журналистика: история, теория, практика: сборник науч. и публицистич. работ. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. 240 с.
5. Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиа-критика в теории и практике журналистики. Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 2003. 284 с.
6. Aranguren Molina, Mauricio. Mi confesión. Carlos Castaño revela sus secretos. 2001. [Online] URL: <http://es.slideshare.net/luisfe01/mi-confesion-carlos-castano-por-maario-aranguen> (date of access: July 12, 2015).
7. Azaustre Galiana, Antonio & Casas Rigall, Juan. Introducción al análisis retórico: tropos, figuras y sintaxis del estilo. Santiago de Compostela: Univ. de Santiago de Compostela, 1994. 109 p.
8. Contes, de Joan Brossa. La columna periodística. 2012. [Online] URL: <http://complemento-agente.blogspot.ru/2012/12/la-columna-periodistica.html> (date of access: July 12, 2015).
9. Diccionario de la literatura cubana. Tomo 2. Ed. Letras cubanas. La Habana, 1984.
10. Ferro, Roberto. La ficción: un caso de sonambulismo teórico. Buenos Aires. Biblos, 1998. 149 p.
11. Galeano, Eduardo ¿El sueño de Martin Luther King o la pesadilla de Condeleezza Rice? 15/11/2008. [Online] URL: <http://pichonymaestros.blogspot.ru/2008/11/el-sueo-de-martin-luther-king-o-la.html> (date of access: July 12, 2015).
12. Garcia Luis, Julio. Géneros de opinión. Prague: OIP, 1987. 150 p.
13. García Nuñez, Fernando. Cómo escribir para la prensa. Ibérico Europea de Ediciones. Madrid, 1985. 115 p.
14. Gargurévich, Juan. Géneros periodísticos. Quito: Ed. Belén, 1982.
15. González Longoria, Silvia L. El ejercicio del periodismo. México: Ed. Trillas, 1999. 270 p.
16. Guevara, Ernesto Che. Pasajes de la Guerra revolucionaria. UNEAC. La Habana, 1988. 243 p.
17. Koroczenski, Alexandr. Gatunkowa specyfika hiszpańskojęzycznej prasy periodycznej. Sosnowiec: Oficyna Wydawnicza "Humanitas". 2015. 140 s.
18. López Hidalgo, Antonio. La «historia de vida» periodística, un género poco usual en la prensa española // Revista Latina de Comunicación Social, 47. 2002. URL: <http://www.ull.es/publicaciones/latina/2002/latina47febrero/4702lopez.htm> (date of access: July 12, 2015).
19. Marín, Carlos. Manual de periodismo. Caracas: Ed. Random House Mondadori, 2004.
20. Martín Vivaldi, G. Curso de redacción. Teoría y práctica de la composición y del estilo. La Habana, 1987. 502 p.
21. Martín Vivaldi, Gonzalo. Géneros periodísticos : reportaje, crónica, artículo : análisis diferencial. Madrid : Paraninfo, 1981. 394 p.
22. Ortega, J. Géneros periodísticos. La Habana: UPEC, 1984.
23. Sierra, M. J. Haciendo periodismo. Técnica y formación periodística. México D.F., 1972.
24. Telleria Toca, E. Diccionario periodístico. Santiago de Cuba, 1986. 302 p.
25. Torrico, Erick. Periodismo. Apuntes teórico-técnicos. Andina. La Paz, 1989. 302 p.
26. Urquidi, Alex. Como es y como se hace un testimonio // La Universidad Mayor de San Andreas (La Paz). 2011. [Online] URL: <http://ru.scribd.com/doc/5185806/TESTIMONIO-PERIODISTICO#scribd> (date of access: July 12, 2015).
27. Vargas Llosa, Mario. Más información, menos conocimiento // El País. 31 de julio de 2011.
28. Yanes Mesa, Rafael. La crónica, un género del periodismo literario equidistante entre la información y interpretación // Espéculo. Revista de estudios literarios. Univ. Complutense de Madrid. Marzo-junio de 2006. [Online] URL: <https://pendientedemigracion.ucm.es/info/especulo/numero32/cronica.html> (date of access: July 12, 2015).

REFERENCES:

1. Evtushenko, A. A Genre of Chronicle (la chronique) In the French Press. *Communication in the Contemporary World*. Ed. by V.V. Tulupov. Voronezh: VSU. 2006. Pp. 100-101.
2. Kayda, L.G. *Essay: Stylistic Portrait*. Moscow: Flinta; Nauka, 2008. 180 p.
3. Korochensky, A.P. Historical and Cultural Origins of the Classification System of Genre Diversity of the Spanish-language Periodicals. *Belgorod State National Research University Scientific Bulletin. Series: Humanities*. No 18 (113). Iss. 11. 2011. Pp. 195-206.
4. Korochensky, A.P. *World Journalism: History, Theory, Practice*. Belgorod: PH "Belgorod" NIU "BSU", 2015. 240 p.
5. Korochensky, A.P. "The Fifth Estate"? *Media Criticism in Theory and Practice of Journalism*. Rostov-on-Don: Publishing RSU, 2003. 284 p.
6. Aranguren Molina, Mauricio. *My Confession. Carlos Castano Reveals Its Secrets*. 2001. [Online] URL: <http://es.slideshare.net/luis-feo1/mi-confesion-carlos-castano-por-maurio-aranguen> (date of access: July 12, 2015).
7. Azaustre Galiana, Antonio & Casas Rigall, Juan. *Introduction to Rhetorical Analysis: Tropes, Figures and Style Syntax*. Santiago de Compostela: University of Santiago de Compostela, 1994. 109 p.
8. Contes, de Joan Brossa. *The Newspaper Column*. 2012. [Online] URL: <http://complemento-agente.blogspot.ru/2012/12/la-columna-periodistica.html> (date of access: July 12, 2015).
9. *Dictionary of Cuban Literature*. Vol. 2. Ed. Letras cubanas. Havana, 1984.
10. Ferro, Roberto. *Fiction: a Case of Sleepwalking Theoretical*. Buenos Aires. Biblos, 1998. 149 p.
11. Galeano, Eduardo *The Dream of Martin Luther King or the Nightmare of Condoleezza Rice?* 15/11/2008. [Online] URL: <http://pichonymaestros.blogspot.ru/2008/11/el-sueo-de-martin-luther-king-o-la.html> (date of access: July 12, 2015).
12. Garcia Luis, Julio. *Genres of Opinion*. Prague: OIP, 1987. 150 p.
13. García Nuñez, Fernando. *Writing for the Press*. Iberian European Editions. Madrid, 1985. 115 p.
14. Gargurévich, Juan. *Journalistic Genres*. Quito: Ed. Bethlehem, 1982.
15. González Longoria, Silvia L. *The Practice of Journalism*. Mexico: Ed. Trillas, 1999. 270 p.
16. Guevara, Ernesto Che. *Episodes of the Revolutionary War*. Havana: UNEAC, 1988. 243 p.
17. Koroczenskiy, Alexandr. *Hispanic Species Specificity of the Periodical Press*. Sosnowiec: Publishing House "Humanitas", 2015. 140 p.
18. López Hidalgo, Antonio. The "Life Story" Newspaper, an Unusual Genre in the Spanish Press. *American Journal of Social Communication*, 47. 2002. URL: <http://www.ull.es/publicaciones/latina/2002/latina47febrero/4702lopez.htm> (date of access: July 12, 2015).
19. Marín, Carlos. *Manual Journalism*. Caracas: Ed. Random House Mondadori, 2004.
20. Martín Vivaldi, G. *Writing Course. Theory and Practice of Composition and Style*. Havana, 1987. 502 p.
21. Martín Vivaldi, Gonzalo. *Journalistic Genres: Report, Chronic, Article: Differential Analysis*. Madrid: Auditorium, 1981. 394 p.
22. Ortega, J. *Journalistic Genres*. Havana: UPEC, 1984.
23. Sierra, M. J. *Doing Journalism. Technical and Journalistic Training*. Mexico D.F., 1972.
24. Telleria Toca, E. *Journalistic Dictionary*. Santiago de Cuba, 1986. 302 p.
25. Torrico, Erick. *Journalism. Theoretical and Technical Notes*. Andina. La Paz, 1989. 302 p.
26. Urquidi, Alex. As It Is and As a Testimony Becomes. *The University of San Andreas (La Paz)*. 2011. [Online] URL: <http://ru.scribd.com/doc/5185806/TESTIMONIO-PERIODISTICO#scribd> (date of access: July 12, 2015).
27. Vargas Llosa, Mario. More Information, Less Knowledge. *El País*. July 31, 2011.
28. Yanes Mesa, Rafael. Chronic, a Genre of Literary Journalism Midway Between Information and Interpretation. *Speculum. Journal of Literary Studies*. Complutense University of Madrid. March-June 2006. [Online] URL: <https://pendientedemigracion.ucm.es/info/especulo/numero32/cronica.html> (date of access: July 12, 2015).

УДК 316.7:070

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-55-66

Меринов В.Ю.

**СОВЕТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА
30-х – НАЧАЛА 50-х ГОДОВ
КАК ИСКУССТВО СОЦРЕАЛИЗМА.
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ****Меринов Валерий Юрьевич***Кандидат философских наук, доцент*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

*E-mail: merinov@bsu.edu.ru***АННОТАЦИЯ**

Феномен советской журналистики 30–50-х гг. XX века необходимо изучать в тесном взаимодействии с исследованием всего советского общества. Предполагается, что данная историческая эпоха была периодом ослабления связи между словом и действительностью. Особенно пагубно это ослабление сказывалось на журналистике, так как в своем исследовании реальности журналистика должна опираться прежде всего на факт.

На основе анализа текстов советской журналистики периода 30–50-х годов получены следующие выводы. Метаконфликт (конфликт Порядка и Хаоса) и типологический ряд положительных героев журналистики (культурный герой – герой действия – простой советский человек) в целом совпадали с метаконфликтом и типологическим рядом положительных персонажей доминирующего художественного метода эпохи – социалистического реализма. Принципы и параметры данного видения культуры шли не от реальности, а задавались властью.

Основным хронотопом сталинской культуры стал хронотоп парада как формы отчета народа перед своим Вождем. Газетный текст эпохи предлагал несколько видов парада-отчета: собственно праздничный парад; праздничный митинг; концерт; народное «спонтанное» гуляние после или перед выборами, сами выборы и т.д. Парад, по сути, явился бытийной формой проявления героев открытого пространства и простого советского человека в тоталитарной культуре. Жизнь этих героев в контексте парада получала свое достойное наполнение и обретала смысл..

Ключевые слова: журналистика; тоталитаризм; социалистический реализм; пропаганда; положительный герой; парад.

UDC 316.7:070

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-55-66

*Valery Yu. Merinov***THE SOVIET JOURNALISM OF THE
YEARS 30S – 50S AS THE ART OF
SOCIALIST REALISM. POSITIVE
CHARACTER****Merinov Valery Yurievich***PhD in Philosophy, Associate Professor*

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract

The phenomenon of Soviet journalism of 30s-50s of the XX century should be studied with the observation of the Soviet society. It is believed that this historical period was the time of the descent of ties in between the word and reality. It had a negative impact on journalism, because the latter should be primarily based on facts.

When studying the Soviet journalism of the 30-50s, we came to the following conclusions. The meta conflict (the conflict in between order and chaos) and typology of positive characters (culture character – action character – average Soviet man) coincided with the meta conflict and typology of positive characters of dominating artistic method of that time – the socialist realism.

The main chronotope of the Stalin's epoch became the chronotope of a parade as a report form from the society to its leader. Newspapers presented several forms of parade-reports, such as the celebratory parade; concert; folk "spontaneous" festival held after or before elections, elections, etc. Parade is an antological form of existence of characters and an average Soviet man in the totalitarian culture. The characters' life in the parade got the agreeable interpenetration and made sense.

Key words: journalism; totalitarianism; socialist realism; propaganda; positive hero; parade.

Журналистика – ремесло и творческая деятельность одновременно – это научная аксиома [16; 18]. Однако творчество в журналистике имеет свои естественные барьеры. Оно ограничено реальностью, фактом, по возможности, объективным исследованием отношений и явлений в обществе, в действительности. В истории России существовали периоды с ослабленными связями между действительностью и культурными текстами. Если в различных видах искусства это не считается грехом, то журналистика построена на других принципах. Журналистские «фантазии» (домыслы) расположены за пределами журналистики как таковой, журналистики как профессии и журналистики как способа осмысления реального мира. В качестве примера разрыва связи реальности и текста мы можем привести журналистские материалы времени правления И.В. Сталина.

Мы полагаем, что постижение феномена советской журналистики 30-х – начала 50-х гг. должно опираться на строгий научный анализ общества, с которым она составляла неразрывное целое, опираться на исследования в области отечественной истории, культурологии, социологии, социальной философии и других общественных наук.

Для определения сталинского периода истории СССР наиболее подходит термин «тоталитарное государство». Тоталитарное государство, хотя имеет много общего с восточными и религиозными средневековыми теократиями [17], отличается от всех типов государств. К. Фридрих и З. Бжезинский в книге «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956) перечислили основные черты тоталитарного общества: 1) массовая партия как источник власти; 2) недемократическая власть во главе с харизматическим лидером; 3) стремление власти к тотальному контролю над гражданами; ограничение их прав и свобод, вмешательство в личную жизнь; 4) повсеместный террористический полицейский контроль над обществом; 5) идеократия: доминирующую роль в политической мобилизации масс играет официальная идеология, являющаяся инструментом навязывания

единственного видения мира и приобретающая в связи с этим сакральные черты; 6) государственный монопольный контроль за СМИ [20].

Советское государство развилось из маленького большевистского политического кружка, построенного по антисистемным (сектантским) тоталитарным принципам. «Антисистема – предельно закрытая структура, исповедующая гностико-манихейский взгляд на мир, всячески ограничивающая свои связи с окружающим пространством» [12, с. 71]. Особенность тоталитарной коммуникации состоит в ее вертикальности, однонаправленности (субъект-объектности). От верха к низу идут распоряжения, приказы, директивы. Снизу наверх – объяснительные записки, рапорты и отчеты об исполнении. «Точка зрения центра не обсуждается, а воспринимается безоговорочно. Задача нижних уровней – трансляция (сохранение) информации (готовых смыслов) в наиболее точном виде вниз» [12, с. 71]. А.А. Кара-Мурза обозначил тоталитаризм как преобладание в социальных отношениях репрессивных практик: «тоталитаризм» (и «большевизм» как его русская разновидность) – это не социально-экономическая формация, а репрессивная интенция власти, сама формирующая общество. При этом «власть» – это не те, кто «на самом верху», это отношения любого «верха» к любому «низу» [7, с. 372].

Тоталитарное государство – это пирамида, построенная из многочисленных внешне разнообразных, но внутренне одинаковых структур. Как справедливо отмечал В.П. Римский, именно большевистская организация и явилась для каждой из них тоталитарной «парадигмой и матрицей» [цит. по: 12, с. 118]. Герметичность, отсутствие коммуникации как формы диалога, двунаправленного коммуникационного процесса свойственно не только собственно тоталитарным партийным организациям-клонам внутри государства. Пересозданию (перерождению) подвергается и вся гуманитарная сфера, отвечающая за коммуникацию в обществе: литературные, журналистские организации, другие творче-

ские союзы. Вся эта сфера также становится частью общей тоталитарной репрессивной машины. Ее задача состоит в легитимации действий и прославлении власти. Каждое из искусств делает это своими средствами, но все вместе они создают макротекст, обладающий общими чертами: видением современной эпохи, будущего и прошлого.

Это новое видение мира в свое время было названо «социалистическим реализмом» (И. Гронский, 1932). Соцреализм стал крупнейшим и единственным одобряемым властью «творческим методом» эпохи. Он предлагал единую философско-идеологическую основу и методологию отражения действительности всей советской гуманитарной мыслью, от советской гуманитарной науки (критики, истории и теории литературы и кино), социальной философии до советского искусства. Социалистический реализм – художественный метод, свойственный всему официальному советскому искусству 30–50-х гг. Идеологией соцреализма пронизаны произведения живописи и графики, архитектуры и скульптуры. В роли правофланговых выступали литература и зарождающийся советский кинематограф. Общие принципы (тенденции, взгляд, угол зрения) задавались партийным руководством сверху и уточнялись и конкретизировались советскими критиками [см.: 14]. Мастерам культуры оставалось только наполнить художественное пространство убедительными образами. Постепенно сложилась ситуация, когда дифференциация искусства – разбивка на виды и художественные типы и т.п. – имела лишь «внешний, отвлекающий характер». Так, в 30–50-е гг. в СССР в текстах разных авторов и видов искусства выстраивается единый ценностно-смысловой ряд понятий, представлений, с общими героями, устойчивым и ограниченным набором описываемых ситуаций, общим конфликтом.

Сердцевина соцреалистического произведения – его метаконфликт. В 1934 году на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Максим Горький утвердил его сакральную формулу: Победа Человека над

Природой. Великое сражение Гармонии с Хаосом. «Социалистический реализм, – писал буревестник тоталитарной революции, – утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия...» [5]. Собственно, данный тип конфликта имеет давнюю историю. Он начинается едва ли не с рождения человечества и человеческой (мифологической) культуры. Однако в советском мире элементы базовой пары и отношения между ними получали свое смысловое наполнение.

Конфликт предполагал несколько устойчивых ролей-масок и единственно возможный тип отношений между ними. Вместе они составили конструкцию из трех основных типологических рядов: положительный герой – стихийный герой – отрицательный персонаж. Дадим характеристику положительного героя советского макротекста. Типологический ряд положительных советских героев состоял из нескольких элементов. На вершине пирамиды положительных героев расположился Культурный герой нового мира социализма, ниже – герой открытого пространства и физического действия, еще ниже – так называемый «простой» советский человек. Рассмотрим этих героев подробнее.

1) Протагонист – Вождь – культурный герой – человек революции – герой Духа. Это сакральный центр тоталитарного космоса, источник воли, спаситель и пересоздатель мира, создатель новой культуры. Культурный герой – создатель смыслов и целей для нового культурного пространства. Он – гений, своей железной волей и неопровержимой логикой задает направление развития и определяет вектор движения, наполняет жизнь людей смыслом. В соцреалистическом тексте культурный герой мог присутствовать в своем «человеческом» виде (как образ) или в различных виртуальных (трансцендентных) формах: памятник с указующей рукой, портрет, глядящий вдаль или сурово на зрителя, «фотография на белой стене», лозунг,

или цитируемая статья («Головокружение от успехов» в «Поднятой целине» М. Шолохова). Как правило, вожди располагались в сакральном центре советского тоталитарного времени-пространства – Москве (Кремле). Центр тоталитарного пространства-времени выделялся грандиозными архитектурными проектами, реализованными далеко не полностью [см.: 14]. Степень удаленности вождя от Кремля свидетельствовала об уровне его величия в вождистской иерархии.

Их литературные собраты – положительные герои советской литературы (наставники, большевики, к примеру, матрос-большевик Жухрай в романе «Как закалялась сталь» Н. Островского) отправлялись на периферию решать те же задачи. Главный герой соцреализма – вождь, крупное историческое лицо – был приобщен к центру пространства-времени непосредственно или опосредовано, через партийные структуры (председатель обкома, старый коммунист, партийный работник, комиссар).

Понятно, что герой, выполняющий задачи такого масштаба, был наделен чертами сверхчеловека. Это произошло не сразу. К середине 20-х годов человек революции прошел путь от народного героя («человека-массы» Кожуха из «Железного потока» А. Серафимовича) к типу человека-идеи (Левинсон, герой романа А. Фадеева «Разгром»). Это наделенная духовной мощью, волевая и неординарная культурная личность, человек «особой породы», лидер, стоящий над массой. Как справедливо отмечает Т.А. Никонова, «в русской советской литературе произошла фактическая подмена героя, выдвинутого массой, героем нового типа – подчиняющим массу своему волевому, рационалистическому руководству и пересотворению» [13, с. 119]. Появление нового героя было напрямую связано с активно формирующимся в 20-е годы XX века новым типом государства и культом вождей. «Метод социалистического реализма... по-разному оценивал лидера, вождя (явление исключительное, трактовавшееся в тонах романтической патетики) и человека массы, рассматривавшегося как явле-

ние типическое по законам реалистического искусства» [13, с. 145]. Последнее утверждение, на наш взгляд, не совсем верно. Соцреализм не оставлял места для реализма. Человек массы рассматривался по тем же законам соцреализма, в нем актуализировались черты, о которых мы скажем ниже.

Вождь – уничтожитель Хаоса и беспорядка. Он – носитель нового иерархического порядка и гармонии, устраивающий жизнь по «научным» лекалам «бессмертного учения» К. Маркса. Это порядок соподчинения, ему присущи строгая дисциплина, четкая вертикальная организация общества и пространства-времени. Окультуренное пространство выглядит как симметричное. Отсюда – шествия в геометрически правильных колоннах, чеканящих шаг, одетых в одинаковую форму людей, ровные ряды тракторов на полях. Красота в подчинении, военная форма как стиль эпохи – казарма как универсальный советский хронотоп. Другой образ культуры – индустриальный. Красота – результат замыслов Вождя и дело рук человеческих, это заводы и фабрики, бесконечные ряды станков. В целях раскрытия этих смыслов в литературе и кино был создан отдельный жанр «производственный роман» («Цемент» Г. Гладкова, «Гидроцентраль» М. Шагинян и др.).

2) Герой открытого пространства и физического действия. Он – энергичный помощник Вождя, его неутомимый *perpetuum mobile*, человек-батарея, смелый и неразмывляющийся, исполнитель его гениальных задумок. Он – летчик-герой «сталинский сокол», покоритель просторов воздушных, морских, подземных (Валерий Чкалов, Георгий Байдуков, Михаил Громов, Отто Шмидт и др.). Он – хранитель мира, покоя и счастья советских людей – пограничник, танкист, подводник, пожарник, НКВДэшник, милиционер, боец Красной армии. Он – военный или бывший военный (Клим Ярко, к/ф «Трактористы»), активист (Давыдов, «Поднятая целина» М. Шолохова), комсомолец, пионер (Валя, «Смерть пионерки» Э. Багрицкого). Он – шахтер-передовик, стахановец, ударник (к/ф «Большая жизнь», роман «Журбины»

В. Кочетова), швея-многостаночница (Таня Морозова, к/ф «Светлый путь»), трактористка (Марьяна Бажан, к/ф «Трактористы»).

Герой действия – победитель закрытого пространства. Сама тоталитарная культура видит себя как «свободное, открытое, просторное, коммуникабельное пространство. Москва всего за несколько десятилетий освободилась от множества архитектурных сооружений: домов, стен, памятников, даже деревьев. Современники видели в этом «широкий вздох улицы, стремительный жест силы и освобождения» (С. Одунов). Они радовались, что «стены и углы домов рушились как театральные декорации» (Л. Никулин)» [Цит. по: 14, с. 39]. Ключевыми словами культурной самоидентификации стали: простор, освобождение, сила, воздух, солнце, легкость, верх, дорога, даль, ширь, ясность, открытость.

3) Человек-масса. Простой советский человек. Этот тип героя расположен на нижнем этаже иерархии положительных героев соцреализма. Его образ и хронотоп существования трудны для четких определений, потому что балансируют где-то на грани сакрального и профанного соцреалистических миров. С одной стороны, простой человек – профан, ибо ему недоступно сакральное знание, недоступен пророческий дар Вождя и физическая мощь героя. Однако и на него падает отсвет величия конструкторов нового мира. Он реализует свой потенциал в профанном пространстве: он заполняет собой уличное пространство. Однако улица одновременно есть пространство реализованной Утопии, пространство Счастья.

Он, как правило, изображен в группе, в коллективном портрете. Его стихия – массовые сцены веселого труда, голосований, праздников, парадов, маршей энтузиастов, колонн пионеров и комсомольцев. Его главная функция – радоваться новой счастливой жизни. Атрибуты – бодрый и заливиственный смех, хохот, неутомимые пляски, жизнерадостные песни (к/ф «Кубанские казаки», «Богатая невеста» И. Пырьева). Ему присуще инфантильно-женское начало. Он и есть главное творение Вождя-Пигмалиона, его

Галатея (Гомункул). Он с удовольствием отдыхает в санаториях, питается по «Книге о вкусной и здоровой пище», празднует Новый год у Кремлевской елки, летом беззаботно катается на лодках, а зимой на коньках в Парке культуры и отдыха. Он – главная цель благоденствий Отца народов, окружен заботой Вождя, защищен советскими героями и сталинской Конституцией. Он чувствует это и благодарит Его и Советскую родину, где ему посчастливилось родиться, за «наше счастливое детство». Он славит Отцов-Вождей в песнях и нехитрых, почти детских, зато «от души» написанных стихотворениях. Метафора большой советской семьи – важнейшая в конструкции соцреалистической реальности [см.: 8].

Простой советский человек – рядовой энтузиаст строительства нового мира. Однако роль его не следует недооценивать, она крайне важна. Это роль хора в древнегреческой трагедии, глас народа, народный голос самой Правды. Его голос легитимизирует абсолютную власть Вождя, переплавляя его наказания в явь великих Свершений. Он сам есть воплощенный наказ о счастливой жизни. Он спаян с вождем и берет на себя часть его Славы.

Простой советский человек должен быть достоин своего Вождя, поэтому он также наделен особенными качествами. Простого советского человека нельзя назвать ни «маленьким», ни «массовым» человеком. Он своего рода советский оборотень, пограничный персонаж. В любую минуту, если «коварный враг» или какие-нибудь «самураи» перейдут «границу у реки», он может почти мгновенно перевоплотиться в героя физического действия, готов встать (перейти) в один ряд с героями. Отсюда отчетливый милитаристский оттенок, вязанный с его образом. Он – бдительный помощник героя-пограничника. Он без конца марширует на гимнастических парадах с воображаемыми винтовками в руках. Он всегда натренирован и всегда «готов к труду и обороне», швыряет учебные гранаты в учебные вражеские танки. Отсюда военно-патриотическая риторика, молодежные организации с военной дисциплиной, дет-

ские лагеря. Вся страна представляется ему военным лагерем в окружении врагов, «странной героев», готовых без раздумья пасть за Вождя.

Все, что мы перечислили, есть характерные приметы героев советского искусства соцреализма. Однако соцреализм – это не только художественный метод в советском искусстве. Во второй половине 30-х годов он стал приобретать черты большого стиля эпохи – стиля мышления. Экспансию соцреализма буквально во все сферы культуры в 1935 году наметил главный редактор «Нового мира» И. Гронский: «Писатели понимают уже сейчас, что в Советском Союзе не может происходить накопление какой-то абстрактной культуры. Культура нашей страны может быть только культурой пролетарской, социалистической, большевистской» [Цит. по: 14, с. 138]. Черты соцреализма отчетливо проступают во всех без исключения текстах эпохи, включая, естественнонаучные (Т. Лысенко). Одним из примеров такого проникновения является советская журналистика 30–50-х гг.

Мы уже писали о том, что советская журналистика может только с большими оговорками считаться собственно журналистикой, что она изменила журналистским принципам «объективного и полного» отражения действительности и, по сути, стала частью тоталитарно-репрессивной машины. Наиболее отчетливо ее репрессивный характер выразился в навязывании обществу соцреалистической смысловой матрицы. Напрасно искать сущностные различия в отдельных журналистских материалах того времени. Вместе они составляют единый текст, сконструированный по тем же принципам, населенный теми же персонажами и конфликтами, которые задавались властью и разрабатывались в советском соцреалистическом искусстве, публицистике, литературной и искусствоведческой критике.

Мы рассмотрели несколько примеров из центральных и региональных газет 30–50-х гг. («Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Такташовец» и др.) Первое, что бросается в глаза, огромная эмоцио-

нальная насыщенность газетного сообщения. Первая полоса буквально излучает оптимизм, бодрость и уверенность в правильности выбранного политического курса. Этому есть и рациональное объяснение. Тоталитаризм – общество с ощутимым дефицитом легитимности власти. Естественно, что сам, как правило, незаконный приход к управлению страной, террористические способы удержания власти, ее несменяемость, отсутствие открытых и честных выборов, политических и общественных институтов, свойственных демократическим обществам, могут послужить основанием для сомнений в правовой легитимности. Поэтому власть, чтобы пресечь любые возможные «инсинуации» в этой сфере, сознательно или бессознательно (это вполне можно считать ее коллективным бессознательным), всеми силами стремится доказать свою легитимность.

Легитимизация происходит через постоянные демонстрации успехов. Причем сами «успехи» как бы отодвинуты на второй план, это, скорее, фон, а первым планом идет эмоциональная реакция на них. Событие – это только повод для проявления невероятно сильной эмоции. Можно даже сказать, что эмоция вытесняет из смыслового фокуса само событие, и даже что эмоция – это и есть главное событие. Как правило, это положительная эмоция.

Нужно сказать, что эмоция имеет разную модальность. Она зависит от субъекта ее проявления. Чем выше по своему социальному и партийному статусу источник эмоции, тем она более сдержанная. Центральная точка развертывания эмоционального Большого взрыва – Вождь. Как правило, его фото даны на первой полосе сверху. Как и свойственно эпицентру любого вихревого движения, он пребывает в относительном спокойствии. Вождя отличает эмоциональная сдержанность, ведь вождь отвечает за смыслы, его в зону ответственности ведет не ребяческий восторг, а великий Разум и Гений. Однако и Вождь, пусть и сдержанно, может порадоваться успехам вместе с народом. Он добродушно улыбается. Его улыбка многозначительна и мудра,

он единственный знает то, чего не дано знать другим. Ему единственному дано видеть будущее. Он знает, что дальше будет еще «лучше», еще «веселей». Профаны далеко не сразу могут понять всю глубину сказанного Вождем: «Товарищ Сталин рассказал нам о причинах и о смысле стахановского движения. ... По некоторым признакам можно думать, что мудрая речь товарища Сталина понята не во всей ее глубине. Понято развернутое товарищем Сталиным значение стахановского движения в производстве, но не делается выводов в наш быт, не совсем понятна социальная педагогика этой замечательной речи» [3].

Вождь – оценочный центр тоталитарного мира. Он осматривает, принимает, награждает. Вождь может осуществлять свое присутствие через Слово. Это речи Вождя, постановления Пленумов ЦК, директивы. И в этом случае обеспечен высокий эмоциональный градус. Его слово вдохновляет, оно зовет в будущее, зовет к свершениям и преодолениям.

Слово Вождя (Партии), не лишаясь эмоционального насыщения, обладает и свойством упорядочивания действительности. Сама же действительность предстает как пластичная (объект), поддающаяся разумному толкованию и упорядочиванию. Порядок, чинность, уверенность в разумности и целесообразности происходящему придают многочисленные и важные деяния власти в центре тоталитарного космоса. В Москве проходят бесконечные пышные и многоречивые заседания, собрания, пленумы: «Открылась вторая сессия Верховного Совета», «В большом Кремлевском дворце». Публикуются «Законы, принятые Верховным Советом» («Известия», 26.07.1938) [19].

Но Вождь не только источник эмоции, он и главный ее адресат. Другая эмоциональная модальность (заряженность) исходит снизу тоталитарного пространства, от героев и масс. Чтобы достигнуть тоталитарных вершин, она должна обладать невероятной силой. Единственно допустимая реакция на планы и действия Вождя, на мир, им порожденный, – экзальтация, восторг, восхищение. Само его появление перед массами инициирует выход

простого человека за пределы нормального психического состояния, впадение в крайне возбужденное настроение безграничного воодушевления. Только такое состояние и фиксируется советскими журналистами в групповых фотоматериалах с непременными восхищенными лицами, обращенными в сторону Вождя.

Однако эмоция, даже столь сильная, в стране «победившего социализма» не должна иметь и оттенка беспорядочности, сумбурности. Это противоречит большевистскому тезису о разумности и научности происходящего в тоталитарном мире. Ей должна быть придана соответствующая форма, огранка. И она переплавляется в форму организованного отчета, большого отчета, по сути, охватывающего все формы жизнедеятельности советского человека народа Великому Вождю.

Универсальной формой тоталитарного отчета является народный праздничный парад. Парад – это и демонстрация эмоции, и победа над стихийностью одновременной. Парад – это праздник верности, праздник-ритуал поклонения и прославления Вождя (схожие с древнерусскими жанрами славы и величания) [10]. Парад – демонстрация единства народа со своим Вождем. Важной характеристикой является его массовость – легитимирующая, утверждающая «всенародную» поддержку власти. Здесь народ демонстрирует самого себя – довольного, счастливого, молодого, здорового и организованного. Парад есть бытийная форма проявления героев открытого пространства и простого советского человека в тоталитарной культуре. Жизнь этих героев в контексте парада получает свое достойное наполнение и обретает смысл.

У тоталитарного парада-отчета существуют многочисленные формы.

1) Это собственно праздничный парад. К примеру, «Парад московских физкультурников», «Под знаком ГТО»: физкультурники в белых трико демонстрируют молодой задор, радость, свет, здоровье (фото удовлетворенно улыбающихся Сталина, Горького и членов Политбюро Микояна, Кагановича, Калинина,

Ворошилова и др. – «Известия», 26.07.1934) [19]. «Парад молодых патриотов», «Праздник юности и силы»: 35 тыс. маршируют перед вождем (фото вождей – «Известия», 26.07.1938) [19].

М. Горький в 1935 году в заметке «О параде физкультурников» описал эмоциональное состояние участников парада: «С каждым годом наши парады физкультуры являются все более веселыми, яркими и богатыми. Все более уверенно тверд шаг молодежи, и ярче горит в глазах ее радость жить в стране, где так быстро и красиво воспитывается тело и так огненно, победоносно цветет в нем боевой, героический дух... Видя эти десятки тысяч юношей и девушек, стройными рядами идущих к великому будущему, чувствуешь волнение, от которого сердце готово разорваться. Чувствуешь и печаль – оттого, что у тебя нет места в рядах этой могучей армии, что ты уже не в силах идти в ногу с ней и, поравнявшись с мавзолеем, крикнуть искреннее «ура!». Но это личная печаль, и она сгорает быстро, как вспышка спички. Побеждает радость жить среди людей, призванных историей освободить весь мир трудящихся. В этой радости сгорают все печали, легко переживаются все несчастья, даже и не личные. Радость и гордость успехами труда и культурного роста – когда и кем испытывалось это в той силе, как мы имеем право испытывать возвышающее влияние этих сил. Да здравствует Иосиф Сталин, человек огромного сердца и ума, человек, которого вчера так трогательно поблагодарила молодежь за то, что он дал ей «радостную юность»! Да здравствует молодежь, счастливая тем, что она имеет возможность свободно развивать все свои способности, все таланты, счастливая тем, что имеет возможность свободно учиться великой и действительно неоспоримой истине!» [4].

2) Парад-встреча, парад-доклад советских героев (челюскинцев, летчиков) Сталину.

3) Праздничный митинг, концерт.

4) Народное «спонтанное» гуляние после или перед выборами, или сами выборы. Выборы как праздник: фото танцующих избирателей, на другой фотографии, расположенной выше, – улыбающийся Сталин в центре,

рядом Каганович и Молотов; Сталин голосует. Выборы – это «Великий праздник Советского народа», «Праздник таджикского народа», «Выборы в Верховные Советы Грузии и Армении прошли как всенародный праздник под знаком торжества ленинско-сталинской национальной политики» («Известия», 1938) [19], когда все «Голосовали единодушно», «За верных сынов». «С одной мыслью, с одним желанием» идут люди на избирательный участок под музыку оркестров: «всюду гремят оркестры», «по улицам гремят оркестры» («Известия», 13.12.1937) [19]. Выборы есть демонстрация «доверия народа» власти («Известия», 1938) [19]. Весомость и праздничность, с оттенком великого торжества и особого, обязывающего доверия народу, придает участие в выборах самого Вождя, скромно благодарящего граждан за поддержку: «Первый депутат страны и столицы» (фото генералиссимуса Сталина – «Огонек», № 5, февраль 1946 г.) [2].

5) Праздничный парад может принять и производственные формы. Праздничен, весел сам труд советского человека: выезд на пашню тракторов в стройных рядах. От победы к победе страна бодро и «победоносно подходит к севу», собирает «миллионный трактор», в срок «сдает зерно», наполняя до краев «закрома Родины», «закрепляет перелом» на селе («Комсомольская правда», 22.06.1933) [9].

Горький в 1935 году в заметке «О новом человеке» пишет о «сказочной жизни» в СССР: «... Мария Демченко пишет мне: «Свободный труд на пользу нашего социалистического отечества – величайшее счастье и радость для меня», родители которой работали всю жизнь, не зная наслаждения трудом. Так говорит не одна Демченко, и это не только новые слова, это новое чувство. Когда рабочие люди испытывали счастье, радость, наслаждение трудом? Так как они никогда еще не работали на отечество, которого не имели, – они не могли испытывать этих чувств» [3]. Празднично и стахановское движение – это «огненный взрыв массовой энергии, взрыв, вызванный колоссальными успехами труда, сознанием его культурного

значения, его силы, освобождающей трудовое человечество из-под гнета прошлого...» [3].

6) Военный парад. Важнейшей составляющей тоталитарного мира, милитаристского по своей сути, является военный парад. Собственно, сам парад как форма распространяет представления о Порядке как торжестве военной геометрии, дисциплины. Военный парад – вершина сталинского парада-отчета. Четкие линии колонн, мощь и совершенство машин, призваны окончательно утвердить незыблемость строя в головах простых граждан. Парад фиксировал и центростремительные экспансионистские тенденции тоталитарной большевистской культуры, ее настроенность на установление Утопии для всего человечества: «...ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью» [4].

Одним из таких праздников был «День сталинской авиации» (18 августа), «праздник могучего советского народа» («Советское искусство», 18.08.1938). В этот день проходил «Смотр сталинской авиации» («Красная звезда», 18.08.1939). Перед вождем стоят «мужественные сыны», пролетают «гордые соколы», «непобедимая советская авиация» («Такташовец», орган партийного комитета шахты им. Дзержинского, 18.08.1938). Единство партии и ее вождя и народа продемонстрировано «на Тушинском аэродроме», где «...собралось 1.000.000 человек» («Красная звезда» 20.08.1939) [2]. Отмечался и «Праздник героев советской границы» («Известия», 16.02.1938) [19].

7) Парад продолжается и в повседневной жизни. Мир счастья, где для всех есть работа и возможность отдохнуть. Отдых проходит организованно в отведенных для этого местах: курортах, санаториях, базах отдыха, клубах, парках культуры и отдыха.

8) Парад-война. Война – пространство триумфа героев и массового перевоплощения простого советского человека в героя («массовый подвиг»).

Подведем краткий итог.

В сталинскую эпоху социалистический реализм утвердился не просто как художе-

ственный метод советского искусства, но стал претендовать на роль Большого стиля в отечественной культуре XX века. Социалистический реализм – термин, не отражающий существующее; так, впрочем, происходило и с другими самоназваниями советской эпохи. Реализм в соцреализме отсутствует. Это анти-реализм – его питает партийно-идеологическая норма, которая имеет всеохватный характер. Герои – ситуации – отношения – известны заранее (номенклатура). Она задается сверху как матрица (маскировочная сетка) и накладывается на саму реальность и человека, живущего в этой реальности.

Языком соцреализма заговорила, в том числе, и советская журналистика. Она конструировала текст по законам жанра социалистической Утопии [см.: 11]. Нервным центром этой формы жизни стала эмоция восторга, направленная на Вождя. Основным хронотопом сталинской культуры стал праздничный хронотоп как форма отчета народа своему Вождю. На страницах советских газет вся жизнь предстала как пространство Радости, Света, различных форм парада (военного, производственного, бытового и т.д.). Праздник проходил «по всему Советскому Союзу», праздновали «всем народом» (коллективные фото – все улыбаются). В этом смысле не удивительным выглядит взаимопроникновение журналистского и литературного текста. К примеру, стихотворение «Родина радости» («Известия», 1938) [2].

При этом тоталитарный парад вовсе не представлял собой торжество телесности, с его освобождающим от правящей идеологии началом, подобно средневековому европейскому карнавалу [1]. Напротив, избыточная телесность была сугубо внешним качеством. Соцреализм видел СССР как царство Иерархии, строгости, нестихийной красоты и дисциплины. Советский парад был образцом Порядка и организованности. Его тело составлял народ, а разумно-волевое начало принадлежало Вождю. Типологические ряды положительных героев соцреализма полностью соответствовали типологическим рядам положительных героев в журналистских материалах того времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Газеты и журналы 1930–1953 годов («Сталинский» период) [Электронный ресурс] URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20city/2012/08/Брянка38-004.jpg> (дата обращения: 19.07.2015).
3. Горький, М. О новом человеке // Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936). [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1935_o_novom_cheloveke.shtml (дата обращения: 19.07.2015).
4. Горький, М. О параде физкультурников // Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах М., ГИХЛ, 1953. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936) [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1935_o_parade.shtml (дата обращения: 19.07.2015).
5. Горький, М. Советская литература. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // Горький М. Собрание сочинений в тридцати томах М., ГИХЛ, 1953. Т. 27. Статьи, доклады, речи, приветствия (1933–1936). [Электронный ресурс] URL : http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_sovetskaya_literatura.shtml (дата обращения: 15.07.2015).
6. Добренко, Е.А. Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. № 2. С. 43-64.
7. Кара-Мурза, А.А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре // Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме. Опыт аналитической антологии. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 365-389.
8. Кларк, К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 89-111.
9. Комсомольская правда: архив газеты [Электронный ресурс] URL: <http://www.kp.ru/arch/daily/> (дата обращения: 19.07.2015).
10. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д.С. Избр. работы: В 3 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1987. 376 с.
11. Мангейм, К. Идеология и Утопия // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / Сост., общ. ред и предисл. В.А. Чаликовой. М., Прогресс, 1991. С. 113-169.
12. Меринов, В.Ю. Культурологическая реконструкция тоталитарного хронотопа в русской литературной традиции: Дисс. ... канд. филос. наук. Белгород, 2004. 155 с.
13. Никонова, Т.Д. Народный герой и человек массы: мифотворчество классовой эстетики // Русская литература XX века: поиск ориентиров. Часть 1. Мифы и реалии / Под ред. А.Б. Удодова, Е.Г. Муценко, Т.А. Никоновой и др. Воронеж: Изд-во Воронеж. пед. ун-та, 1995. С. 64–87.
14. Паперный, В. Культура «Два». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
15. Перхин, В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 308 с.
16. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2003. 367 с.
17. Римский, В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1998. 126 с.
18. Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www.textfighter.org/text/62_obschestva_informatsii_massovoy_2.php (дата обращения: 17.07.2015).
19. Старые газеты. Известия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (дата обращения: 19.07.2015).
20. Фридрих, К., Бжезинский, З. Тоталитарная диктатура и автократия. [Электронный ресурс] URL: <http://web.archive.org/web/20071010203916/http://auditorium.ru/books/1224/ch2r2.pdf> (дата обращения: 15.07.2015).

REFERENCES:

1. Bakhtin, M. M. Francois Rabelais's Creativity and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 543 p.
2. Newspapers and Magazines of 1930-1953 ("Stalinist" period). URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Брянка38-004.jpg> (date of access: Ju-ly 19, 2015).
3. Gorky, M. On the New Man. Collected Works in Thirty Volumes. Moscow: GIHL, 1953. Vol. 27. Articles, Reports, Speeches, Greetings (1933-1936). URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1935_o_novom_cheloveke.shtml (date of access: July 19, 2015).
4. Gorky, M. The Parade of Athletes. Collected Works in Thirty Volumes. Moscow: GIHL, 1953. Vol. 27. Articles, Reports, Speeches, Greetings (1933-1936). URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1935_o_parade.shtml (date of access: July 19, 2015).
5. Gorky, M. Soviet Literature. Report on the First all-Union Congress of Soviet Writers, August 17, 1934. Collected Works in Thirty Volumes. Moscow: GIHL, 1953. Vol. 27. Articles, Reports, Speeches, Greetings (1933-1936). URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_sovetskaya_literatura.shtml (date of access: July 15, 2015).
6. Dobrenko, E. A. Fundamental Lexicon: the Literature of the Late Stalinism. Novy Mir. No. 2. 1990. Pp. 43-64.
7. Kara-Murza, A. A. Bolshevism and Communism: Interpretation in Russian Culture. Kara-Murza, A.A. and Polyakov, L.V. The Russians about Bolshevism. Experience in Analytical Anthology. St. Petersburg: Publ. Hous of RKHI, 1999. Pp. 365-389.
8. Clark, K. Stalin's Myth of the "Great Family". Vo-prosy literatury. No. 1. 1992. Pp. 89-111.
9. Komsomolskaya Pravda: Archive. [Online] URL: <http://www.kp.ru/arch/daily/> (date of access: July 19, 2015).
10. Likhachev, D. S. The Poetics of the Old Russian Literature. Selected Works: In 3 vols Vol. 1. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1987. 376 p.
11. Mannheim, K. Ideology and Utopia. Utopia and Utopian Thinking: Anthology of Foreign Literature. Ed. by V. A. Chalikova. Moscow: Progress, 1991. Pp. 113-169.
12. Merinov, V. Yu. Cultural Reconstruction of the Chronotop in the Totalitarian Russian Literary Tradition: PhD Thesis in Philos. Sciences. Belgorod, 2004. 155 p.
13. Nikonova, T. D. National Hero and a Man of Mass: Myth-making Class Aesthetics. Russian Literature of the 20th Century: Search for the Guidance. Part 1. Myths and Realities. Ed. by A. B. Udodova. Voronezh: Publisher Voronezh Pedagogical University, 1995. Pp. 64-87.
14. Paperny, V. Culture "Two". Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. 384 p.
15. Perkhin, V. V. Russian Literary Criticism of the 1930s: Criticism and Social Con-sciousness of the Epoch. St. Petersburg: Publisher Sankt-Petersburg University, 1997. 308 p.
16. Prokhorov, E. P. Introduction to the Theory of Journalism. Moscow: Aspect Press, 2003. 367 p.
17. Rimsky, V. P. Totalitarian Space and Man. Belgorod: Publisher Belgorod State Uni-versity, 1998. 126 p.
18. The Mass Media System in Russia. Ed. by J. N. Zasursky. Moscow: Aspect Press, 2001. [Online] URL: http://www.textfighter.org/text/62_obschestva_informatsii_massovoy_2.php (date of access: July 17, 2015).
19. Old Newspapers. Izvestia. [Online] URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (date of access: July 19, 2015).
20. Friedrich, K. and Brzezinski, Z. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. [Online] URL: <http://web.archive.org/web/20071010203916/http://auditorium.ru/books/1224/ch2r2.pdf> (date of access: July 15, 2015).

АРХИВ

УДК 372.878

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-67-92

Московкин В. М.

К ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (1910-1940 гг.)

Московкин Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

С целью повышения уровня полноты исследований эмпирической базы раннего этапа истории музыкального образования в Харькове проделан систематический анализ справочно-адресных книг «Весь Харьков» и телефонных справочников, относящихся к периоду с 1910 по 1940 год, на предмет изучения расположения харьковских музыкальных учебных заведений и их штатов в динамике. Выявленные фамилии педагогов этих учебных заведений сопоставлены с частотой их упоминаний в именном указателе монографии по истории Харьковского института искусств (1992). Составлен сводный табличный перечень руководителей и преподавателей (126 человек), не вошедших в указатель. С помощью глубокого поиска в Google собраны сведения о 25 лицах из этого перечня. Изучен вопрос о расположении и смене наименований харьковских музыкальных заведений за рассматриваемый период. Показано, что в дореволюционное время большинство музыкантов-педагогов селилось в окрестностях Харьковского музыкального училища.

Ключевые слова: харьковские музыкальные учебные заведения; Харьковское музыкальное училище; Харьковская консерватория; Харьковская государственная народная консерватория; Харьковский государственный музыкально-драматический институт; Харьковские государственные высшие музыкально-драматические курсы; Харьковский театральный институт; Харьковская музпрофшкола.

ARCHIVE

UDC 372.878

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-67-92

Vladimir M. Moskovkin

TO THE HISTORY OF KHARKOV MUSIC EDUCATION. bTHE EXPERIENCE OF SYSTEMATIC RESEARCH (1910-1940)

Moskovkin Vladimir Mikhailovich, *Doctor of Geographical Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: moskovkin@bsu.edu.ru

Abstract

In order to study the staff lists and location of Kharkov music schools and their relocation, we systematically analyzed “The All Kharkov” reference and address books and telephone directories from 1910 to 1940. The school-teachers’ names discovered in the process were correlated with the frequency of referring to them in an index to a monograph on the history of Kharkov Institute of Arts (1992). We compiled a summary table with the names of administrators and faculty (126 people), who had not been included in that index. Using advanced Google search, we collected information about 25 people from the list. The issue of location of Kharkov music schools and changing names among them over the period was also investigated. We proved that in the pre-revolutionary time most of the musician-educators used to settle down in the vicinity of Kharkov Music College.

Key words: Kharkov music schools; Kharkov Music College; Kharkov Conservatory; Kharkov State People’s Conservatory; Kharkov State Music and Drama Institute; Kharkov State Higher Music and Drama courses; Kharkov Theatre Institute; Kharkov musical professional school.

*К 170-летию со дня рождения
уроженца Белгорода и основателя
харьковской музыкальной школы
Ильи Ильича Слатина (1845-1931)*

Введение. По истории харьковского музыкального образования издано немало сводных публикаций монографического характера. Отметим здесь труды по истории музыкальной культуры Харькова XVIII–XIX вв. И.М. Миклашевского [10], Харьковского института искусств (ХИИ) [15], Харьковского музыкального училища [14], работы Е.В. Кононовой [8; 9] и других. Недостаток многих из этих трудов состоит в отсутствии систематического подхода к изучению вопроса. А такой подход должен опираться на надежную эмпирическую основу в виде регулярно публикуемых изданий информационно-справочного характера. Такому критерию, насколько мы можем судить, удовлетворяет только труд И.М. Миклашевского [10], в котором он дал довольно полный обзор архивных материалов, а также периодических изданий XVIII–XIX вв. («Харьковские губернские ведомости» и др.). В нашем исследовании такой систематический подход дополнен количественным сравнительным и частотным анализом упоминаний преподавательского состава музыкальных учебных заведений Харькова на тридцатилетнем интервале времени (1910–1940 гг.).

Методология исследования. В качестве информационно-справочных изданий, публикуемых на регулярной основе, мы взяли имеющиеся в отделе «Украиника» Харь-

ковской государственной научной библиотеки имени В.Г. Короленко справочно-адресные книги «Весь Харьков» за 1910, 1914, 1917, 1922, 1925, 1926, 1929, 1930, 1937 гг. и «Списки абонентов харьковской телефонной сети» за 1934–1937 и 1940 год. Поэтому наш анализ будет охватывать с разной степенью детальности тридцатилетний период. На основе вышеуказанных периодических справочных изданий мы изучили все имевшие в те годы место музыкальные учебные заведения и их штатный состав. Штатный состав этих заведений сопоставлен с обширным именованным указателем монографии по истории ХИИ [15].

Мы также полагаем, что в эпоху развития Интернета любое систематическое исследование должно дополняться глубоким поиском с помощью Google и его специализированных инструментов Google Scholar и Google Books. Нами такой поиск проведен для преподавателей, идентифицированных по справочно-адресным книгам «Весь Харьков» и не вошедшим в именной указатель монографии по истории ХИИ.

Основные результаты исследований. Административный и преподавательский состав Музыкального училища за 1910, 1914 и 1917 гг. мы представили в табл. 1. Из нее видим, что состав администрации училища за это время не изменился, слабые изменения претерпел фортепианный класс. Преподаватели Ф. Бугамелли и А.А. Юрьян работали в училище все отмеченные годы, причем последний – и как преподаватель медных и духовых инструментов, и как преподаватель теории музыки.

**Таблица 1. Штат Музыкального училища Харьковского отделения
Императорского музыкального общества по ул. Екатеринославская, 30**

*Table 1. Personnel of the Music College, Kharkov branch of the Imperial Music Society,
30 Ekaterinoslavskaya St.*

Должность / Function	Год / Year		
	1910	1914	1917
Директор	Слатин Илья Ильич, дсс*	Слатин Илья Ильич, дсс*	Слатин Илья Ильич, дсс*
Правитель дел	Кореницкий Степ. Порф., тс*	Кореницкий Степ. Порф., тс*	Кореницкий Степ. Порф., тс*
Классная дама	Кореницкая А.	Владимирова Екатер. Владим.	Владимирова Екатер. Владим.

Бухгалтер	Катанский Дмитр. Иосиф.	Катанский Дмитр. Иосиф.	Катанский Дмитр. Иосиф.
Преподаватели фортепиано	Геника Ростисл. Владим., Брикнер Стан. Алоиз., Горовиц Алекс. Иоахим., Кнепфер Конст. Ксав., Пушечникова Пелаг. Сафрон., Чеботарева Алекс. Яковл., Нибур Елизав. Федор.	Геника Ростисл. Владим., Брикнер Стан. Алоиз., Горовиц Алекс. Иоахим., Кнепфер Конст. Ксав., Пушечникова Пелаг. Сафрон., Чеботарева Алекс. Яковл., Нибур Елизав. Федор., Розенфельд М.Ю.	Геника Ростисл. Владим., Брикнер Стан. Алоиз., Горовиц Алекс. Иоахим., Луценко Пав. Кондрат., Кнепфер Конст. Ксав., Пушечникова Пелаг. Сафрон., Чеботарева Алекс. Яковл., Нибур Елизав. Федор., Береза Стеф. Станисл.
Преподаватели пения	Бугамелли Федерико (solo) Юрьян Андр. Андр. (хор. пение)	Бугамелли Федерико	Бугамелли Федерико
Преподаватели скрипки	Горский К.К.	Ахрон Иос. Юл.	Левенштейн Брон. Стан., Смит Фр. Франц.
Преподаватели виолончели	Белоусов Е.Я.	Борисяк Андр. Алекс.	Борисяк Андр. Алекс.
Преподаватели медных духовых инструментов	Юрьян Андр. Андр.	Юрьян Андр. Андр.	Юрьян Андр. Андр.
Преподаватели гобоя и кларнета	Гек Гуго Альб.	Гек Гуго Альб., Юрьян Андр. Андр.	
Преподаватели флейты	Кучера Ф.В.	Кричевский Бор. Насон.	Кричевский Бор. Насон.
Преподаватели фагота и контрабаса	Кучера Ф.В.	Брингсбок Корн. Фридр.	Брингсбок Корн. Фридр.
Преподаватели теории музыки	Юрьян Андр. Андр., Акименко О.С.[Ф.С.], Катанский Вас. Иосиф.	Панфилов Ив. Серг., Юрьян Андр. Андр.	Юрьян Андр. Андр., Береза Стеф. Станисл., Панфилов Ив. Серг

* дсс – действительный статский советник / the actual state councilor; тс – титулярный советник / the titular councilor.

Рассмотрим более детально штатный состав Музыкального училища за 1910 год и приведем данные, не включенные нами в табл. 1. Все предметы, преподаваемые в училище, подразделялись на художественные и научные. Первые приведены в табл. 1. Любопытно узнать, как назывались должности преподавателей художественных предметов в дореволюционный период. Перечис-

лим их для преподавателей училища на 1910 год: старший ординарный преподаватель по классу ансамбля Слатин И.И.; старший ординарный преподаватель игры на фортепиано и истории музыки Геника Р.В.; старшие ординарные преподаватели игры на фортепиано Брикнер С.А. и Горовиц А.И.; младшие преподаватели игры на фортепиано Кнепфер К.К., Пушечникова П.С., Чеботарева А.Я.

и Нибур Е.Ф.; старший ординарный преподаватель теории музыки, сольфеджио, хорового пения и игры на медных духовых инструментах Юрьян А.А.; ординарный преподаватель элементарной теории музыки, гармонии и сольфеджио Акименко О.С.; преподаватель элементарной теории и сольфеджио Катанский В.И.; старший ординарный преподаватель игры на скрипке и альте Горский К.К.; ординарный преподаватель игры на виолончели Белоусов Е.Я.; старший преподаватель игры на фаготе, флейте и контрабасе Кучера Ф.В.; старший преподаватель игры на гобое и кларнете Гек Г.А.; старший преподаватель пения (solo) Бугамелли Ф.; младший преподаватель оркестрового класса Слатин И.И.; преподаватель пластики Менабени К.Э.

Инспектором научных классов был Лейкфельд П.Э., а сами научные предметы пре-

подавали: русский язык – Лейкфельд П.Э.; арифметику – Дыбский В.А.; географию – Коренецкий С.П.; всеобщую и русскую историю – Максимович Е.А.; французский язык для 3-го и 4-го класса – Верховская А.М.; немецкий язык для 3-го и 4-го класса – Короткова М.В.; французский и немецкий язык для 1-го и 2-го класса и чистописание – Деларова А.И.; итальянский язык – Риттер П.Г.

Из этих преподавателей наибольших творческих успехов достиг Павел Григорьевич Риттер (1872?–1939), известный литературовед, языковед, санскритолог и индоевропеист. В 1982 г. была издана собранная им антология древнеиндийской литературы под названием «Голоса древней Индии».

Адреса проживания служащих и преподавателей Музыкального училища за 1914 год приведены в табл. 2.

Таблица 2. Адреса проживания служащих и преподавателей Музыкального училища, 1914 г.

Table 2. Home addresses of the teachers and staff of the Music College, 1914.

Фамилия И. О. / Name	Адрес / Address
Слатин Илья Ильич	Ул. Пушкинская, 55
Кореницкий Степ. Порф.	Ул. Екатеринославская, 30
Владимирова Екатер. Владим.	Ул. Екатеринославская, 30
Катанский Дмитр. Иосиф.	Ул. М.-Гончаровская, 9
Геника Ростисл. Владим.	Ул. Конторская, 18
Брикнер Стан. Алоиз.	Ул. Конторская, 10
Горовиц Алекс. Иоахим.	Ул. Дмитриевская, 19
Кнепфер (Кнейпфер) Конст. Ксав.	Ветеринарная пл., 3
Пушечникова Пелаг. Сафрон.	Ул. Дмитриевская, 29
Чеботарева Алекс. Яковл.	Ул. Ст.-Московская, 15
Нибур Елизав. Федор.	Ул. Вознесенская, 8
Бугамелли Федерико	Ул. Сумская, 82-а
Юрьян Андр. Андр.	Гончаровский бульв., 5
Розенфельд М. Ю.	пом. присяжн. поверенного, ул. Рымарская, 18
Ахрон Иос. Юл.	нет данных
Борисяк Андр. Алекс.	нет данных
Гек Гуго Альб.	Ул. Конторская, 42
Кричевский Бор. Насон.	Ул. Монастырская, 8
Брингсбок Корн. Фридр.	пер. Петровский, 19
Панфилов Ив. Серг.	Ул. Нетеченская, 43
Риттер Пав. Григ.	приват-доцент университета, ул. Губернаторская, 4

Как видим, сотрудники училища старались подбирать места для проживания поблизости от училища.

Важно отметить, что если в XIX веке музыкальная жизнь Харькова, по свидетельству И.М. Миклашевского, широко освещалась на страницах газеты «Харьковские губернские ведомости» [10], то в начале XX века о ней стала писать газета «Южный Край». Так, из диссертации Е.В. Кононовой [8] мы узнаем, что с 1898 по 1912 год с этой газетой сотрудничал автор, писавший под псевдонимом Дон-Диез. Одна из его статей 1906 года [6] касалась творчества известного харьковского музыканта Альберта Федоровича Бенша (1861–1914), который не работал в Харьков-

ском музыкальном училище. В период с 1911 по 1916 год активно писал музыкальные заметки и статьи в эту газету А.И. Горовиц. Одна из них была посвящена ученическому вечеру музыкальной школы К.А. Пиллика [4]. Г. Алчевский в 1903 г. опубликовал шесть статей о музыке в газете «Южный Край».

Помимо главного музыкального учебного заведения – Музыкального училища – в Харькове до революции сформировалась широкая сеть частных музыкальных школ, курсов, классов и частных преподавателей (табл. 3). Как видим из табл. 1 и 3, никто из них, за исключением Ф.А. Бугамелли, не работал в Музыкальном училище.

Таблица 3. Музыкальные школы, курсы, классы и частные преподаватели Харькова

Table 3. Kharkov Music schools, courses, classes and private teachers

1914 год		1917 год	
Название / Title	Адрес / Address	Название / Title	Адрес / Address
Школа музыки А.Ю. Иентш. Горский К.К. (скрипка), Иентш А.Ю. (фортепиано, теория), Горская А.И. (фортепиано), Речинская Е.Г. (фортепиано), Висс Л.Л. (виолончель)	ул. Чернышевская, 49	Школа музыки А.Ю. Иентш. Горский К.К. (скрипка), Иентш А.Ю., Речинская Е.Г., Горская А.И., Манцевич М.Ф., Гутовская В.Ф., Иентш Ц.Ф. (все фортепиано, рояль), Иванова М.И. (пение), Лисовский Л.Л. (гармония), Менцер Л.Л. (теория)	ул. Пушкинская, 66
Музыкальная школа Т.Н. Рединой (фортепиано)	ул. Губернаторская, 9	Школа игры на фортепиано Т.Н. Рединой	ул. Губернаторская, 9
Музыкальная школа К.А. Пиллика (фортепиано)	ул. Москалевская, 27	Музыкальная школа К.А. Пиллика (фортепиано)	ул. Москалевская, 27
Музыкальная школа Штрейхер-Немеровской (пение)	ул. Донец-Захаржевской, 2	Классы игры на скрипке и теории музыки Л.Л. Штрейхер	ул. Донец-Захаржевской, 2
Музыкальные курсы С.В. Никольской (фортепиано)	ул. Епархиальная, 42	Музыкальные курсы С.В. Никольской (фортепиано)	ул. Епархиальная, 42
Музыкальные курсы «Модерн» Л.Л. Вернер (фортепиано)	ул. Пушкинская, 45	Специальные курсы игры на фортепиано «Модерн» Л.Л. Вернер	ул. Пушкинская, 45

**К ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (1910-1940 гг.)**

Преподаватель пения проф. Фед. Алекс. Бугамелли	ул. Сумская, 82-а	Преподаватель пения проф. Фед. Алекс. Бугамелли	ул. Сумская, 82-а
Преподаватель музыки Генрих Михайлович Лошак	ул. Скрипницкая, 10	Преподаватель музыки Генрих Михайлович Лошак	ул. Скрипницкая, 10
Классы игры на фортепиано Н.И. Богдановой	ул. Сумская, 15	Курсы игры на фортепиано Н.И. Богдановой	ул. Сумская, 45
Итальянская школа пения Ахилла Таларико	ул. Рымарская, 13	Музыкальная школа М.П. Яс-Тремской	ул. Рождественская и Лопанский пер.,10
Музыкально-педагогическая школа Д.В. Бер	ул. Садово-Куликовская, 29	Классы пения О.Л. Игумновой	ул. Бассейная, 41
Музыкальные курсы А.Ф. Бенш	ул. Садово-Куликовская (соб. дом)	Преподаватель музыки А.А. Нохотович	Горяиновский пер., 13
Музыкальные курсы Соколова (пение)	ул. Рымарская, 25		
Музыкальные курсы Е.И. Сильбуяновой-Кондыровой	ул. Харьковская наб., 9		
Музыкальные курсы Карповой	ул. Конторская, 76		
Музыкальные курсы О. А. Яковлевой-Бойковой (рояль)	Мироносицкая пл., 11		
Курсы пения Надежды Николаевны Черкасовой	ул. Пушкинская, 38, кв. 8		
Преподаватель музыки О.Г. Вашенидзе (фортепиано)	ул. Марьинская, 6		
Преподаватель пения Анна Федоровна Реймерс	ул. Пушкинская, 58		
Преподаватель музыки А.Л. Корэ (скрипка)	ул. Екатеринославская, 32		
Преподаватель музыки Л.К. Тер-Орчаков (рояль)	ул. Конторская, 7		
Преподаватель музыки Р.Г. Тайбель	ул. Екатеринославская, 2		
Преподаватель музыки Григорьева	ул. Лермонтовская, 12		
Уроки пения Витте	ул. Мироносицкая, 47		

Отметим, что в 1910 г. сеть частных музыкальных заведений только формировалась и была не большой: музыкальные курсы игры на фортепиано Карповой, ул. Конторская, 76; музыкальные курсы Тихоновых, ул. Кузнечная, 20; музыкальные драматические курсы Соколова, ул. Пушкинская, 19; музыкальная школа Немеровской, ул. Донец-Захаржевской, с. д.; музыкальная школа игры на фортепиано Т.Н. Рединой, ул. Губернаторская, 16.

В диссертации И.В. Жданова [7] дан обзор деятельности музыкальных школ и курсов в России в начале XX в. и приводятся ссылки на уставы музыкальных школ А.С. Немеровского, М.П. Ястремской, К.А. Пиллика и музыкальных курсов Е.И. Белобржской¹. Все эти частные музыкальные заведения, кроме музыкальных курсов Е.И. Белобржской, представлены в табл. 3. При этом музыкальная школа Штрейхер-Немеровской, по-видимому, является правопреемницей музыкальной школы А.С. Немеровского.

Как видим из этой таблицы, наиболее крупной частной музыкальной школой в Харькове была школа музыки А.Ю. Иентш, в которой преподавал один из лучших дореволюционных харьковских скрипачей К.К. Горский.

Таблица 4. Штат Государственной народной консерватории г. Харькова, ул. Пушкинская, 66, 1922 г.

Table 4. Personnel of Kharkov State People's Conservatory, 1922; 6 Pushkin St., Kharkov

Административный состав / Administrative structure	
Должность / Function	Фамилия И.О. / Name
Ректор	проф. Гельфгат А.Б.
Проректор	свободный художник Лейбов В.М.
Секретарь	Гергард О.Ф.
Декан инструментального факультета	Гейман Е.Ю.
Декан вокально-хорового факультета	Максанин К.А.
Декан теоретического факультета	Хлебников Н.А.
Профессорско-преподавательский состав / Teaching staff	
Фортепиано	Абрамович Д.Р., Бухштаб З.А., Вольфовская Л.А., Венчик С.Л., проф. Горовиц А.И., Гейман Е.Ю., Дубинская Е.А., Евдокимова А.А., Земельс, Конникова, Лейбова В.М., Ландсберг А.А., Пильстрем М.Г., Рейсбих А., Хлебников Н.А., Чернявский М.П., Штальман РМ.

¹ Устав музыкальной школы А.С. Немеровского в г. Харькове. Харьков: Типография В.И. Романова, 1904. 3 с.; Устав музыкальной школы игры на фортепиано М.П. Ястремской в г. Харькове. Харьков: Типография Губернского правления, 1911. 4 с.; Устав музыкальной школы К.А. Пиллика в г. Харькове. Харьков: Типография Б. Бенгис, 1911. 4 с.; Устав музыкальных курсов игры на фортепиано Е.И. Белобржской в г. Харькове. Харьков: Коммерческая типография, 1911. 4 с.

Обязательное фортепиано	Банкович О.А., Тимен-Крейс А.Я.
Скрипка	Гольдфельд В.М., Копиль Г.И.
Виолончель	Кушвин П.Н.
Пение – solo	Бестрих О.О., Максанин К.А., Некрасова А.К., Соколов
Теория музыки	Левитская, Хлебников Н.А.
Гармония	Панфилов И.С.
Слушание музыки	Дремцов С.П.
Хоровое пение	Леонтьев
Совместная игра	проф. Гельфгат А.Б.

И действительно, в справочниках «Весь Харьков» за 1925-1926 гг. мы видим два таких высших музыкальных учебных заведения. По улице Свердлова, 30 (бывшая Екатеринославская, 30) функционирует Харьковский государственный музыкально-драматический институт (ХГМДИ, табл. 5, 6), а по улице Пушкинская, 66 – Харьковские государственные высшие музыкально-драматические курсы (ХГВМДК, табл. 7, 8).

Таблица 5. Штат Харьковского государственного музыкально-драматического института, ул. Свердлова, 30, 1925 г.

Table 5. Personnel of Kharkov State Music and Drama Institute, 30 Sverdlov St., 1925

Администрация, преподаватели по предметам / Function	Фамилия И.О. / Name
Ректор	Полферов Як. Як.
Политкомиссар, проректор	Енакиев Як. Ив.
Бухгалтер	Козловский Ант. Фил.
Завхоз-кассир	Товстуха Вас. Ал-др.
Секретарь по студенческим делам	Пинкус С. Я.
Управляющий делами	Нелюбова Екат. Серг.
Секретарь месткома	Шток Н.Г.
Психология и педагогика	Чучмарев Зах. Ив.
Исторический материализм	Чучмарев Влад. Ив.
Украинский минимум	Хоткевич Игн. Вас.
Драматическое фортепиано	Юхименко Ив. Як.
Инструментоведение	Барановский Вячесл. Ив.
Виолончель	Тимошенко Людм. Фед.
Кино	Папазьян Ваграм Эрн.
Фехтование	Будункевич Вл. Адол.
Ревдвижение	Мжень Мария Вен.
Фортепиано	проф. Луценко Пав. Кондрат., проф. Фанненштиль Фанни Ем., Крутянский Мирон. Абрам., Полевский Ник. Викт., Славинская Мар. Ал-др.
Акробатика	Карлаш Ник. Матвеев.
Ритмопластика	Менес Елена Адол.
Акомпаниатор кинодраматического факультета	Тартаковский Сол. Нос.
Теоретические предметы	проф. Богатырев Сем. Сем., Тиц Мих. Дмитр.
Биология	проф. Кравцов Петр. Ив.
Заведующий библиотекой и преподаватель по тромбону	Катанский Дмитр. Иосиф.
Украинская народная песня	проф. Дремцов Серг. Прокоп.
Скрипка	проф. Добржинец Ил. Влад.
Настройщик	Кроль Ник. Эдуард.

Таблица 6. Штат Харьковского государственного музыкально-драматического института, ул. Свердлова, 30, 1926 г.*Table 6. Personnel of Kharkov State Music and Drama Institute, 30 Sverdlov St., 1926*

Преподаватели по предметам / Function	Фамилия И. О. / Name
Ректор	проф. истории народной песни Дремцов Серг. Прокоп.
Фортепиано	проф. Луценко Пав. Кондрат., проф. Фанненштиль Фанни Ем., Фанненштиль Людв. Иосиф., Полевский Ник. Викт., Ландесман НаDIR Бор., Славинская Мар. Ал-др., Пильстрем Макс. Густ., Крутянский Мир. Абрам.
Скрипка	проф. Добржинец Ил. Влад.
Виолончель	проф. Тимошенко Людм. Фед.
Инструментоведение	Барановский Вячесл. Ив.
История музыки	проф. Полферов Як. Як.
Теория композиции	Богатырев Сем. Сем.
Теоретические предметы	Тиц Мих. Дмитр.
Биология	проф. Кравцов Петр. Ив.
Эстетика	Туркельтауб Исаак Сем.
Сценическое искусство	Юхименко Ив. Як.
Спецкласс мимики	Пилипенко Мих. Харлам.
Народные инструменты	проф. Комаренко Вл. Андр.
Акробатика	Карлаш Ник. Матвеев.
Педагогика, психология	Чучмарев Зах. Ив.
Кларнет	Рыков Гр. Конст.
Исторический материализм	Чучмарев Влад. Ив.
Психология творчества	Лезин Бор. Андр.
Украиноведение	Хоткевич Игн. Вас.
Ритмопластика	Менес Елена Адол.
Украинский язык	Мушастый Нест. Мих.
Политическая экономия	Крандиевский Сем. Ив.
Библиотекарь	Катанский Дмитр. Иосиф.
Настройщик	Кроль Ник. Эдуард.

Таблица 7. Штат Харьковских государственных высших музыкально-драматических курсов, ул. Пушкинская, 66, 1925 г.*Table 7. Personnel of Kharkov State Higher Music and Drama courses, 66 Pushkin St., 1925*

Администрация / Function	Фамилия И. О. / Name
Заведующий курсами	Хлебников Ник. Ал-еев.
Помощник заведующего	Лазарев Петр. Петр.
Декан фортепианного факультета	Кац-Голинская Раиса Адольф.
Декан инструментального факультета	проф. Розенштейн Як. Абр.
Декан вокального факультета	Максанин Конст. Ал-др.
Декан драматического факультета	проф. Туркельтауб Ис. Сам.

Таблица 8. Штат Харьковских государственных высших музыкально-драматических курсов, ул. Пушкинская, 66, 1926 г.*Table 8. Personnel of Kharkov State Higher Music and Drama courses, 66 Pushkin St., 1926*

Должности административных работников и преподаватели по отделениям / Function	Фамилия И. О. / Name
Управляющий курсами	Розенштейн Як. Абр.
Помощник управляющего	Лазарев Петр. Петр.
Заведующий канцелярией	Соколов Сам. Герш.
Библиотекарь	Горнштейн Ар. Сем.
Аккомпаниаторы	Поляков Теод. Леон., Финкельштейн Лид. Ив., Гильдебрант Зоя Гр.
Фортепианное отделение	Кац-Голинская Раиса Адольф., Пильстрем Макс. Густав., проф. Горовиц Ал-др. Исаак., Тихонов Бор. Ив., Марачек-Розенштейн Вера Викт., Петров Влад. Дм., Фанненштиль Фанни Ем., Фанненштиль Людв. Иосиф., проф. Луценко Пав. Кондрат., проф. Ландесман Надир Бор., Полевский Ник. Викт., Кузьменко Людм. Вас., Гольдингер Алиса Ник.
Вокальное отделение	Бестрих Осип Осип., Вайн Рев. Сол., проф. Малютина Зин. Никиф., проф. Витте Мар. Ал-др., Михайлов Мих. Игн.
Скрипичное отделение	проф. Добржинец Ил. Влад., Гольдфельд Вик. Марк., Свирский Анс. Мих., Рык Сав. Карл.
Виолончельное отделение	проф. Розенштейн Як. Абр.
Теоретическое отделение	проф. Богатырев Сем. Сем., Панфилов Ив. Серг., Костенко Вал. Гр.
Политический минимум	Торчинский Мих. Серг.
Оперный класс	Вайсенберг И.Е.

Об этих курсах дается следующая справка в ежегоднике «Весь Харьков» за 1925-26 гг.: «Харьковские государственные высшие музыкально-драматические курсы являются высшим учебным заведением, ставившим своей целью выпуск законченных, высшей квалификации, исполнителей в области музыки, драмы и оперы. Срок обучения на всех факультетах – 3 года».

Из таблиц 5–8 видим, что ряд ведущих педагогов работали одновременно в обоих высших музыкальных учебных заведениях. К ним относятся: Луценко П.К., Ландесман Н.Б., Фанненштиль Ф.Е., Пильстрем М.Г.,

Добржинец И.В. и Богатырев С.С. Но в целом, штат обоих заведений сильно различался. Следует отметить отсутствие вокального отделения в ХГМДИ в середине 20-х годов.

Из состава Государственной народной консерватории 1922 г. в ХГВМДК в 1925-26 гг. продолжали работать Гольдфельд В.М., Пильстрем М.Г., Панфилов И.С., Хлебников Н.А. и Максанин К.А.

Уникальные сведения о зарождении в Харькове во время революции двух консерваторий приводит в своей статье Н.А. Пирогова [11]. Она пишет, что весной 1917 г. Харьковское музыкальное училище преобразовалось

в консерваторию под руководством И.И. Слатина. Этой же весной на общественных началах по инициативе харьковских любителей музыки (врачи, юристы, архитекторы) было организовано филармоническое общество. Председателем правления этого общества стал юрист Н.П. Юшневский, секретарем – педагог-пианист Н.А. Хлебников. В состав правления вошли пианист и композитор С. Борткевич, педагог-пианист А.Н. Гольдингер и др. Отметим, что имя замечательного композитора Сергея Эдуардовича Борткевича (1877, Харьков – 1952, Вена) было возвращено украинской музыкальной культуре 15 лет назад, наиболее подробные сведения о нем можно почерпнуть на англоязычном мемориальном сайте¹, созданном Wouter Kalkman из Лейдена (Нидерланды).

Одновременно с началом концертной деятельности, как отмечает Н.А. Пирогова, филармоническое общество учреждает в Харькове консерваторию имени Н.А. Римского-Корсакова по адресу ул. Чернышевская, 53, рассчитанную на 300 учащихся. В консерватории работало несколько классов: виолончели – Е. Белоусов, скрипки – Е. Ельстон, фортепиано – Рудник, контрабаса – Я. Бунчук, пения – Г. Штрейхер-Немеровская, теории – М. Бихтер и С. Богатырев. В 1918 г. педагогический коллектив этой консерватории пополнился новыми талантливыми музыкантами: пианистами Н.В. Дроздовым, Ю.И. Исерлисом, В.А. Ружицким, скрипачами А.К. Метнером и А.Я. Могилевским, вокалистами Н.Н. Кедровым и М. Черненко [11]. В этом списке педагогов мы не видим ни одного, работавшего в Харьковском музыкальном училище в 1917 г. (табл. 1) или в Государственной народной консерватории в 1922 г. (табл. 4). Штрейхер-Немеровская (в табл. 2 и в справочнике «Весь Харьков» за 1917 г. она фигурирует как Л.Л. Штрейхер) до революции имела собственную музыкальную школу по ул. Донец-Захаржевской, 2.

В статье Н.В. Смоляги отмечается, что С.П. Дремцов в 1922–1925 гг. был заместителем ректора Народной консерватории и преподавателем хорового пения, обязательного

фортепиано, теории, гармонии и директором оркестра. В это же время в ХГМДИ он преподавал народную песню и народные инструменты. В 1925 г. он стал на один год ректором ХГМДИ. Кроме того, С.П. Дремцов был одним из организаторов Рабочей консерватории и в начале 30-х два года заведовал ее учебной частью [13]. В то же время табл. 5 показывает, что в 1925 г. ректором ХГМДИ был Я.Я. Полферов, а не С.П. Дремцов. Последний становится ректором ХГМДИ в 1926 г. (табл. 6). Кроме того, С.П. Дремцов в 1922 году в табл. 4 не показан как заместитель ректора Государственной народной консерватории, а только как преподаватель слушания музыки. Впрочем, он мог исполнять эту должность и на общественных началах.

Интересно, что эта консерватория, как пишет Н.А. Пирогова, открылась по адресу ул. Чернышевская, 53. Вполне возможно, что она была открыта на площадях крупнейшей частной музыкальной школы А.Ю. Иентш, показанной в табл. 3 по адресу ул. Чернышевская, 49. Сама же эта школа в 1917 г. переехала на ул. Пушкинская, 66, где в 1922 г. уже базировалась Государственная народная консерватория.

В работе, посвященной 120-летию Харьковского музыкального училища [14], приводятся сведения о его трансформациях в 20–30-е годы прошлого века. В этой работе отмечено, что на базе Харьковского музыкального училища при поддержке А.К. Глазунова 2 марта 1917 г. была открыта консерватория, директором которой до 1920 г. был основатель этого училища И.И. Слатин. Само училище в 20–30-е годы XX в. называлось по-разному: основное отделение музыкальной академии (до 1921 г.), музыкальный техникум (1921–1923 гг.), исполнительный факультет музыкального института (1923–1924), музыкальный техникум (1925–1928), музпрофшкола (1928–1930), музыкально-театральный техникум (1930–1934), музыкально-драматический техникум с правами института (1934–1935), с 1936 года – снова музыкальное училище. Первым ректором музыкально техникума в 1921 г. был Людвиг Фанненштиль, а с сентября 1922 г. по сентябрь 1923 г. – С.С. Богатырев. В период с 1925 по 1928 год

1 Sergei Bortkiewicz: his life and music // <http://sergeibortkiewicz.com/>

ректором техникума был А. Альтшуллер, и в это время в нем работали П. Козицкий, А. Лунц, К. Михайлов, И. Миклашевский, М. Чемизов, В. Костенко, В. Петров, З. Малютин, Р. Вайн. Временно изменялся адрес училища, ул. Пушкинская, 66.

Период с 1930 по 1934 год, ознаменованный синтезом музыкального и театрального искусства, привел к созданию в 1930 г. музыкально-театрального техникума с новым его адресом по ул. Либкнехта, 34 (сейчас ул. Сумская). В то время на драматическом отделении этого техникума работали: Б. Балабан, Л. Дмитрова, Л. Дубовик, М. Крушельницкий, В. Меллер, Я. Мамонтов, К. Дорошенко, М. Скляренок. В 1936 г. училище возобновило свой статус музыкального учебного заведения [14]. В то же время мы знаем, что по адресу Пушкинская, 66 в 1922 г. располагалась

Государственная народная консерватория (табл. 4), а в 1925-1926 гг. – Харьковские государственные высшие музыкально-драматические курсы.

Часть вышеприведенных сведений мы проверили по адресно-справочной книге «Весь Харьков» и «Спискам абонентов харьковской телефонной сети».

Как мы отмечали ранее со ссылкой на издание «Весь Харьков», 1-я музпрофшкола по адресу ул. К. Либкнехта, 34 существовала уже в 1925-1926 гг. По данным адресно-справочной книги «Весь Харьков» за 1929 год, по этому же адресу располагалась 1-я Государственная музпрофшкола, музыкальные курсы и детские классы, а ее Плехановский филиал располагался по адресу Аптекарский пер., 3.

Штат этой школы приведен в табл. 9.

Таблица 9. Штат 1-ой Государственной музпрофшколы, ул. К. Либкнехта, 34, 1929 г.

Table 9. Personnel of the 1st Kharkov Musical Professional School, 34 K Liebknecht St, 1929

Управленческий персонал и преподаватели по предметам / Functions	Фамилия И. О. / Name
Заведующий	Воскресенский Н.В.
Заведующий учебной частью	Алексеев Ф.Ф.
Заведующий Плехановским филиалом	Хлебников Н.А.
Фортепиано	Айгорн Е.Я., Берндт О.В., Буль М.Ф., Вольфовская Л.А., Гавсман Р.С., Гольдингер А.Н., Голембо Л.В., Дубровская А.И., Жолдина М.И., Золина Р.С., Крах-Палиева З.А., Кузьменко Л.В., Ландсберг А.А., Порай-Кошиц В.В., Розенфельд Р.М., Степанова Г.К., Чекрыгина И.О., Абрамович Р.А., Финкельштейн Л.И., Хлебников Н.А.
Пение	Максанин К.А., Некрасова Л.К., Пушечникова В.Ф., Чемезова М.Л.
Балет	Пинно Ф.А., Власова И.С.
Виолончель	Бродский Г.А.
Скрипка	Консисторум А.М., Нездатный А.Л., Ручинский Р.Г.
Флейта	Кричевский Б.Н.
Кларнет	Рыков Г.К.
Контрабас	Углицкий И.И.
Физика	Александров В.М.
Обществоведение	Луценко М.В.
Украинская литература	Мотренко
Математика	Дувина
Физкультура	Данилов
Музыкальная теория	Овчаренко В.И., Панфилов И.С., Гармаш, Барбашов

Немецкий язык	Свинцова-Адлер Е.А.
Хоровой класс	Папа-Афанасопуло С.Ю.
Плехановский филиал	
Фортепиано	Гузикова М.Л., Дубинская О.О., Резник-Чечик Б.И., Чеботарева Т.Я., Рожавская Л.И., Ескина Р.
Скрипка	Букиник И.Е.
Пение	Новский Л.А.
Ритмика	Фукс-Волгемут Д.
Музыкальная теория	Овчаренко В.И.

В 1930 году, согласно адресно-справочной книге «Весь Харьков», к 1-ой музпрофшколе (ул. К. Либкнехта, 34) добавляется 2-я музпрофшкола на Основе (ул. Шевченковская).

В «Списке абонентов харьковской телефонной сети» за 1936 год по ул. К. Либкнехта, 34 показан музыкально-драматический техникум, а по ул. Свердлова, 30 – музыкальный техникум. Музыкально-драматический институт по ул. Свердлова, 30 не показан.

Согласно адресно-справочной книге «Весь Харьков» за 1937 год, по адресу ул. К. Либкнехта, 34 показан Харьковский государственный театральный техникум. В качестве штатных сотрудников этого техникума приведены: директор Новиков Мих. Гр., пом. директора Кутовый Ив. Як., бухгалтер Павлов Тих. Федор., секретарь Нотович Рита Изр. По ул. Свердлова, 30 показан Харьковский музыкальный техникум, а не училище, как написано в работе [14]. Его директором была Дьяковская Нина Родионовна, а заведующим учебной частью – Хинчук Вольф Израилевич. По этому же адресу показана Харьковская музыкальная консерватория с директором Дьяковской Н.Р. и заместителем директора Богатыревым С.С. Кстати сказать, в основном тексте сведения об этой консерватории отсутствовали, а в разделе «Изменения и дополнения» приведены вышеуказанные краткие сведения о консерватории. Отметим, что согласно работе [15], театровед Дьяковская Н.Р. родилась в 1904 году и умерла в 1979-ом.

В «Списке абонентов харьковской телефонной сети» за 1937 г. по ул. Свердлова показана Государственная консерватория, а по ул. Совнаркомовской, 11 – ее музыкальное отделение. Те же сведения приведены и в «Списке абонентов харьковской телефонной сети» за 1940 г., за исключением того, что музыкальное отделение консерватории по ул. Совнаркомовская, 11 названо индивидуальными классами.

Отметим, что в адресно-справочной книге «Весь Харьков» за 1937 г. по адресу Аптекарский пер., 3 показана Вечерняя музыкальная школа со следующим управленческим персоналом: директор Самойленко Ганна Ив., зав. учебной частью Зверев Конст. Ив., завхоз Ткаченко Герм. Прокоп., бухгалтер Кункель Георг. Адольф. По этому же адресу показана Детская музыкальная школа Червонозаводского района с заведующим Хлебниковым Ник. Алексеевичем и бухгалтером Поповым Авен. Алексеевичем. Музыкальной школой отдела народного образования Октябрьского района (ул. Шевченко, 30) в 1937 г. руководил Комаренко Влад. Андр. Он же руководил и музыкальными курсами сектора Политпросвещения городского отдела народного образования (ул. Шевченко, 30). Отметим, что Хлебникова Н.А. мы видим в качестве заведующего ХГВМДК в 1925 г. (табл. 7), а Комаренко В.А. – в качестве профессора народных инструментов ХГМДИ в 1926 г. (табл. 6).

В Краеведческом каталоге отдела «Украиника» ХГНБ имени В.Г. Короленко имеется небольшой раздел, посвященный Харьковскому музыкально-драматическому институту. Его анализ показал, что обзоры о деятельности этого института печатались в Журнале «Нове мистецтво» (Новое искусство). Так, в разделе «Хроника» этого журнала за 1925 год была опубликована беседа с ректором Дремцовым С.П., в которой он сообщил, что на 100 свободных мест прибыло 60 человек, зачислено 47 [2]. Наибольшее количество студентов было принято на драматический факультет. Так как данный выпуск журнала датирован февралем 1925 года, то, очевидно, речь идет об осеннем наборе 1924 г.

В связи с большим недобором студентов на первый курс ХМДИ, Главпрофобразование обязало музыкальные техникумы Украины вы-

делить из своих вузов наилучших студентов для заполнения свободных мест в этом институте. В институте функционировало два факультета – инструментально-педагогический и драматический, причем последний украинизирован на 100 %. С.П. Дремцов также отметил, что семинарский метод обучения постепенно вытесняет лекционную систему, которая используется только на начальных курсах и для необходимых пояснений руководителей [2].

Отметим, что здесь, также как и в статье [13], имеется противоречие со сведениями, приведенными в адресно-справочной книге «Весь Харьков» за 1925 г., в которой ректором ХМДИ показан Полферов Я.Я., а не Дремцов С.П.

Деятельность ХМДИ за 1926-1927 учебный год осветил в своей статье, в журнале «Новое мистецтво», ректор института Д.Я. Грудина [5]. В ней отмечается, что отпущенная на этот учебный год дотация Наркомпросвещения в размере 45 тыс. рублей, против 34 тыс. рублей предыдущего года, дала возможность запросить к работе профессоров по всем дисциплинам, приобрести оборудование для кабинетов и лабораторий, пополнить книжный фонд, приступить к капитальному ремонту музыкальных инструментов. Дотация позволила повысить заработную плату педагогического состава на 20 %. Из наибольших достижений ректор ХМДИ выделяет создание вокального отделения под руководством заслуженной артистки Литвиненко-Вольгемут и заслуженного артиста Мосина. В штат этого отделения были зачислены Чемезова, Михайлова и артистка Большого Московского Театра Балановская (после переезда в Харьков пела в ГАО (Государственная академическая опера)).

В качестве второго, не менее важного, дела Д.Я. Грудина выделил организацию общего студенческого хора под руководством композитора Верховинца. Он также отметил, что до 50 % студентов (общая численность студентов составляла 270 человек) работало на разных должностях по своей специальности во всех театрах Харькова, от режиссеров-лаборантов до статистов (студенты драмфака), в различных музыкальных заведениях (театральные оркестры, кино, квартет имени Леонтовича), в рабочих клубах, школах, детских домах, детских садах.

В статье детально описан план мероприятий, посвященных памяти Бетховена. Среди них отметим только те, в которых должны были быть задействованы профессора и преподаватели ХМДИ:

...б) Будет исполнено девять симфоний в переложении для фортепиано на восемь рук. Исполнители: преподаватели института Тиц, Жак и студенты Топилин и Сагалов; в) Классами камерного ансамбля профессоров Розенштейна, Добржинца и Тимошенко будут демонстрироваться все учебные произведения; г) Все сольные фортепианные произведения будут исполнены классами профессоров Луценко, Ландесмана, Фанненштиль Ф., Фанненштиль Л., Славинской, Пильстрема и Полевского.

В заключение отчета о деятельности ХМДИ за 1926-1927 учебный год Д.Я. Грудина отмечает, что на драматическом факультете в текущем году украинизирован почти весь персонал, в том числе в канцелярии, а также что две группы по 50 человек изучают украинский язык [5].

В рассматриваемом разделе краеведческого каталога отдела «Украиника» ХГНБ имени В.Г. Короленко мы обнаружили интереснейшие воспоминания студента ХМДИ 20-х годов В.А. Богдановича, опубликованные в трудах Харьковского института искусств за 1922 г. [1]. Он дает описания Музыкального училища по ул. Свердлова, 30, дома Слатина по ул. Пушкинская, 55 и отмечает, что 13 октября 1989 г. на этом доме была вывешена мемориальная доска: «В этом доме жил с 1871 до 1931 г. выдающийся музыкальный и общественный деятель Илья Ильич Слатин». Заметим, что эта доска, под предлогом предстоящего ремонта дома, была демонтирована в 2013 году.

Богданович вспоминает: «летом 1924 г. под руководством опытного педагога Панфилова я начал готовиться к экзаменам в институт. В приемной комиссии был комиссар Я.И. Енакиев, который имел прекрасный голос и сам обучался в этом институте, был студентом и после окончания стал актером Ленинградского Мариинского театра». Отметим, что Иван Сергеевич Панфилов не показан среди преподавателей теоретических предметов ХМДИ в 1925-1926 гг. (табл. 5, 6). В то же время, мы на-

**К ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (1910-1940 гг.)**

блюдаем его в штате ХГВМДК (теоретическое отделение) в 1926 г. (табл. 8). Политкомиссара и проректора ХГМДИ Енакиева Якова Ивановича мы видим в штате института за 1925 г. (табл. 5).

По воспоминаниям В.А. Богдановича, среди ведущих преподавателей музыкального факультета ХМДИ были профессора П.К. Луценко, Н.Б. Ландесман, Ф.Е. Фанненштиль, ее сын Л.И. Фанненштиль, Н.В. Полевский (все фортепиано); по классу виолончели – жена Н.В. Полевского Л.Ф. Тимошенко, по классу скрипки – профессор И.В. Добржинец, по классу духовых инструментов – В.И. Катанский. Среди других педагогов он отмечает Я.А. Розенштейна (виолончель, дирижер), преподавателя музыкально-теоретических дисциплин С.П. Дремцова и пианиста М.Г. Пильстрема. Далее он описывает работу литературного кружка в квартире семьи Покровских по ул. Дзержинского, 86 под руководством профессора Михаила Павловича Самарина, где одно время читал лекции по литературе академик Александр Иванович Белецкий.

В.А. Богданович пишет, что кроме основных занятий по композиции и специальным дисциплинам, читались лекции по политэкономии, революционному движению, психологии, историческому материализму, а для студентов музыкального факультета обязательными были занятия по ритмике, которые проводились в зале института балериной Еленой Менес (в то время актрисой театра музыкальной комедии). На этих занятиях муж Е. Менес Савелий Тартаковский аккомпанировал ей на рояле. Кстати, обоих мы видели в табл. 5.

Наилучшие впечатления на В.А. Богдановича произвели блестящие лекции по истории музыки профессора Якова Яковлевича Полферова, которые собирали большую аудиторию слушателей, и не только музыкантов. Полферов, по словам Богдановича, был своеобразным, необычным, энергичным человеком, широко эрудированным педагогом, инициатором интересных начинаний. Некоторое время он был ректором института (см. табл. 5).

В.А. Богданович упоминает о летнем задании Полферова на 1926 г. по написанию пьесы-сценария на тему «История музыкальной формы». В группу студентов-исполнителей

этого задания вошли автор этих воспоминаний, Всеволод Рыбальченко, пианистка Галина Николаева и Сергей Радченко. Он также вспоминает рассказы Полферова о том, как некоторые композиторы необычным способом достигали творческого вдохновения. Например, Рихард Вагнер перед работой имел привычку разбрасывать по комнате кусочки шелка, которые шуршали и поблескивали.

Далее В.А. Богданович детально описывает деятельность своего учителя С.С. Богатырёва. На этом мы не будем останавливаться, так как, в отличие от Я. Я. Полферова, о жизнедеятельности С.С. Богатырёва написано очень много.

Как отмечалось ранее, по крайней мере в 1925-1926 гг. в Харькове функционировали одновременно ХГМДИ (табл. 5, 6) и ХГВМДК (табл. 7, 8). Если о первом высшем музыкальном учебном заведении довольно много литературных сведений, то о втором такие сведения практически отсутствуют. Наш глубокий интернет-поиск в Google привел к единственной ссылке на ХГВМДК: на сайте chekhoved.net отмечено¹, что эти курсы в 1925 г. закончил известный советский актер Арсений Романович Барский (1906–1992), который с 1937 по 1972 год был актером Московского театра имени Ленинского комсомола.

При изучении харьковского театрального образования в 1920-30-е годы следует иметь в виду, что в 1929 г. Харьковские театральные курсы окончил Марк Наумович Бернес. Как эти курсы соотносятся с ранее перечисленными музыкально-театральными и музыкально-драматическими заведениями Харькова, пока непонятно. Возможно, они послужили основой для создания музыкально-театрального техникума (1930–1934 гг.). Интересно отметить, что расширенный поиск в Google с точными словосочетаниями «Театральные курсы в Харькове» и «Харьковские театральные курсы» дает, соответственно, около 100 и 10 откликов, которые все связаны с именем Бернеса.

На сайте Кино-Театр.ру мы можем прочитать², что Валерий Васильевич Гаккебуш (1912-1984, украинский, советский режиссер и театровед) в 1934 г. окончил Харьковский теа-

1 http://chekhoved.net/theatrepedia/person/1584-barskiy_arseniy#/familars

2 <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/m/sov/370155/bio/>

тральный институт (курс В. Василько), работал в различных театрах, автор книг «В.С. Василько – народный артист СССР» (1951), «В современном польском театре» (1972) и др. Отметим также, что этот институт в 1951 г. окончил известный советский актер Леонид Быков.

Вернемся снова к официальным справочным данным по штатам Харьковского музыкально-драматического института, публи-

куемым в адресно-справочной книге «Весь Харьков». В отделе «Украиника» ХГНБ имени В.Г. Короленко, как мы отмечали в самом начале, после таких книг за 1925-1926 гг. (табл. 5, б) идут адресно-справочные книги «Весь Харьков» за 1929-1930 гг.

Данные по штатам ХМДИ за эти годы приведем в таблицах 10 и 11.

Таблица 10. Штат Харьковского музыкально-драматического института, ул. Свердлова, 30, 1929 г.

Table 10. Personnel of Kharkov State Music and Drama Institute, 30 Sverdlov St., 1929

Управленческий персонал и преподаватели по предметам / Functions	Фамилия И. О. / Name
Ректор	Грудина Д.Я.
Проректор по учебной части	проф. Розенштейн Я.А.
Декан драмфака	Бондарчук С.К.
Декан инструментально-педагогического факультета	Фанненштиль Л.О.
Завхоз	Власенко О.М.
Зав. музыкальными классами	засл. деятель искусств Дремцов С.П.
Секретарь правления	Хесин А.Б.
Руководитель отделения теории и композиции	Богатырев С.С.
Система воспитания актера	Бондарчук С.К. (дополнительно режиссура), Марьяненко И.О.
Режиссура	Игнатович И.И.
I, II Гармония	Барабашов В.А.
Гармония, сольфеджио, анализ музыкальных форм	Павкович В.В., Тиц М.Д. (вместо сольфеджио инструментовка)
История театра	проф. Белецкий А.И.
Художественное чтение	Дмитрова Л.М., Вендерский А.Я.
Гобой	Бровкович В.Л.
Пение	Балановская Л.М., Вайн Р.С., Витте М.А., Голубев П.В., Михайлов М.И., Малютина З.Н.
Фагот	Белоцерковский В.Н.
История литературы	Габель М.О.
Музыкальная акустика	проф. Гончаров В.Л.
Скрипка	Гольдберг И.И., Гольдфельд В.М., Добржинец И.В.
Фортепиано	Гольдингер А.М., Кузьменко Л.В., Кац-Галинская Р.А., проф. Луценко П.К., проф. Ландесман Н.Б., Лунц А.Л., Маречек-Розенштейн В.В., Полевский Н.В., Пильстрем М.Г., Розенфельд Р.М., Рудницкий А.И., Славинская М.А., Тихонов Б.И., проф. Фанненштиль Л.О., проф. Фанненштиль Ф.Е.
Музыкальная этнография	Дзбановский О.Т.
Музыкальное воспитание	Дремцов С.П.
История искусства	Зуммер

Методика народных инструментов, специальная балалайка и домбра	Комаренко В.А.
История украинской музыки	Козицкий П.О.
Политэкономия, исторический материализм, методы политпросветительной работы	Кручинин М.М.
Танцы, ритмопластика	Купферова Е.Е.
Флейта	Кричевский Б.Н.
Волторна	Кокотов В.А.
Тромбон	Катанский Д.И.
Гримм и история костюма	Лачинов В.П.
Анатомия и физиология	Лашина М.М.
Физкультура	Литвиненко И.В.
Педология, педагогика, наука о поведении людей	Лаврова В.А.
История классово-борьбы	Невский З.
Постановка голоса	Некрасова Л.К.
Немецкий язык, итальянская литература	Пуценко Ф.Д.
Немецкий язык	Свинцова-Адлер Е.А.
Обязательное фортепиано	Петров В.Д.
Труба	Пархомов Ф.К.
Виолончель, камерный ансамбль, оркестровый класс, техника дирижирования	проф. Розенштейн Я.А.
Виолончель	Тимошенко Л.Ф.
Кларнет	Рыков Г.К.
Альт	Родин А.И.
Семинары повышенного типа: теория музыки история театра практика сцены и режиссура	Богатырев С.С. Белецкий А.И. нар. артист республики Курбас Л.С.
Музыкальные классы	Зав. Дремцов С.П.
Исследовательская лаборатория	Коган Л., Еськина Р., Гарбштейн И., Семеновская М., Адливанкина Е.

Таблица 11. Штат Харьковского музыкально-драматического института, ул. Свердлова, 30, 1930 г.

Table 11. Personnel of Kharkov State Music and Drama Institute, 30 Sverdlov St., 1930

Управленческий персонал и преподаватели по факультетам / Functions	Фамилия И. О. / Name
Ректор	Розенштейн Як. Абр.
Проректор по учебной части	Чабан О.П.
Завхоз	Власенко Ол. Мих.

Зав. музыкальными классами	Дремцов Серг. Прок.
Зав. музкурсами	Лунц Абр. Льв.
Декан музфака	Фанненштиль Людв. Иосиф.
Декан драмфака	Игнатович Игн. Игн.
Секретарь	Хесин Арк. Бор.
Пред. профкома	Панченко Мих. Никиф.
Инструментально-педагогический факультет (музфак)	проф. Фанненштиль Л.И., проф. Богатырев Сем. Сем., преп.: Барабашов Вяч. Анд., Балановская Леон. Ник., Белоцерковский Конст. Наум., Вайн Рев. Сол., Витте Мар. Ал-др., Гармаш Григ. Ст., Гольдберг Иоах. Изр., Гольдфельд Викт. Марк., Гольдингер Алиса Ник., Голубев Пав. Вас., проф. Добржинец Ил. Вл., преп.: Комаренко Вл. Андр., Купферова Е.Е., Кац-Голинская Раиса Ад., проф.: Козицкий Фил. Ем., Кручинев Ник. Ник., Кричевский Бор. Нос., преп.: Кузьменко Людм. Вас., Крюгер Ал-дра Ал-др., Кокотов Вс. Ал-др., Катанский Дм. Иосиф., Колесников Сем. Ант., Лашина Маргар. Мих, Лаврова Варв. Ал-др., проф.: Луценко Пав. Кондр., Ландесман Над. Бор., преп.: Лунц Абр. Льв., Лиська Зинов. Вас., Линецкая Кап. Алексеев., Левина Мар. Ник., Михайлов Мих. Игнат., Маречек Вера. Викт., Ольховский Андр. Вас., Павкович Всевол. Влад., Попов, Петров Влад. Дм., Пархомов Фед. Карп., Перунов Ал-др Арсен., проф.: Малютина Зин. Никиф., Полевский Ник. Викт., Розенштейн Як. Абр., преп.: Рыков Григ. Конст., Родин Абр. Ис., Рудницкий Ант. Ив., Розенфельд Рув. Лазар., Рудник Соф. Абр., Рымаренко Бор. Ал-др., Раговина Роз. Сол., Свинцова-Адлер Елиз. Авг., Тиц Мих. Дм., проф.: Славинская Мар.Ал-др, Тимошенко Людм. Фед., Фанненштиль Фанни Емел., Фанненштиль Людв. Иосиф., Чучмарёв Зах. Ив., преп.: Филиппова Клавд. Ив., Чемезов Ник. Леонт.
Драматический факультет	декан Игнатович Игн. Игн., проф Белецкий Александр Ив., преп.: Василько В. С., Гаккебуш Люб. Мих., Дремцов С.П., Дмитрова Людм., Купферова Е.Е., Крушельницкий Марьян, Литвиненко Ив. Вас., Марьяненко Ив. Ал-др., проф. Мамонтов Як. Андр., преп. Некрасова Лид. Конст., Пуценко Фед. Дем., Панов, Курбас Лесь Ст.

Сравнивая табл. 10 с табл. 5 и 6, видим, насколько расширилась номенклатура предметов в ХГМДИ в конце 20-х гг. по сравнению с серединой этих годов.

Из таблиц 1–11 получим список дореволюционных преподавателей, время работы которых прослеживалось до 1930 г.: Катанский Д.И. (1910–1930), Витте М.А. (1914–1930), Кричевский Б.Н. (1914–1930), Луценко П.К. (1917–1930).

В отношении профессора по вокалу Марии Александровны Витте мы встретили в Циркуляре по Харьковскому учебному округу (1903, № 2) приказ № 1327 от 29 января 1903 г., который гласит: «Надзирательни-

ца Харьковской Мариинской женской гимназии Мария Витте уволена от занимаемой должности, согласно прошению, с оставлением за ней уроков церковного пения в названной гимназии». Отметим, что в отделах «Украиника» ХГНБ имени В.Г. Короленко и редкой книги ЦНБ ХНУ имени В.Н. Каразина хранится много дореволюционных выпусков окружных Циркуляров, но в них отсутствуют данные по назначению, увольнению и перемещению по службе преподавателей, работавших исключительно в Музыкальном училище, т.к. оно не входило в систему учебных заведений Министерства народного просвещения.

Таблица 12. Встречаемость руководителей и преподавателей харьковских музыкальных заведений в именованном указателе монографии по истории ХИИ [15]

Table 12. Appearance of headteachers and teachers of Kharkov music institutions in the monograph on history

МШ и К (1914, 1917)	МУ (1910, 1914, 1917)	ГНК (1922)	ХГМДИ (1925, 1926)	ХГВМДК (1925, 1926)	ХМДИ (1929, 1930)	1-я ГМПШ (1929)
Горский К.К. – 10 (1859-1924) Бугамелли Ф.А. – (1876 – 1949) Бенш А.Ф. – 7 (1861-1814) Витте М.А. – 4	Слатин И.И. – 38 (1845-1931) Луценко П.К. – 15 (1873 - 1934) Геника Р.В. – 13 (1859-1942) Горский К.К. – 10 (1859-1924) Горовиц А.И. – 10 (1877-1927) Белоусов Е.Я. – 10 (1881/82- 1945) Юрьян А.А. – 10 (1856-1922) Гек Г.А. – 9 (1861-1935) Бугамелли Ф.А. – 8 Брингсбок [Бринкбок] К.Ф. – 7 Кучера Ф.В. – 7 (?-1911) Борисяк А.А. – 7 (1885-1962) Ахрон И.Ю. – 6 Акименко О.С. [Ф.С.] – 5 (1876-1945) Катанский Д.И. – 5 (1864-1929)	Горовиц А.И. – 10 (1877-1927) Гольдфельд В.М. – 6 (1893-1982) Дремцов С.П. – 5 (1867-1937) Пильстром М.Г. – 3 (1884-1957) Панфилов И.С. – 1 Вольфовская Л.А. – 1 Хлебников Н.А. – 1	Тиц М.Д. – 39 (1898-1979) Богатырев С.С. – 31 (1890-1960) Луценко П.К. – 15 (1873-1934) Добржинец И.В. – 13 (1889-1960) Комаренко В.А. – 12 (1897-1969) Фанненштиль Л.И. – 9 (1886-1952) Фанненштиль Ф.Е. – 6 Тимошенко Л.Ф. – 5 Дремцов С.П. – 5 (1867-1937) Хоткевич И.М. – 5 (1877-1938) Катанский Д.И. – 5 (1864-1929) Ландесман Н.Б. – 5 (1890-1949) Полевский Н.В. – 4 Рыков Г.К. – 4 (1898-1955) Пильстром М.Г. – 3 (1884-1957) Юхименко И.Я. – 3 Полферов Я.Я. – 2 (1891-1969)	Богатырев С.С. – 31 (1890-1960) Михайлов М.И. – 16 (1890-1956) Луценко П.К. – 15 (1873-1934) Добржинец И.В. – 13 (1889-1960) Горовиц А.И. – 10 (1877-1927) Фанненштиль Л.И. – 9 (1886-1952) Малютина З.Н. – 6 Фанненштиль Ф.Е. – 6 Гольдфельд В.М. – 6 (1893-1982) Розенштейн Я.А. – 5 Ландесман Н.Б. – 5 (1890-1949) Полевский Н.В. – 4 Витте М.А. – 4 Финкельштейн Л.И. – 4 Пильстром М.Г. – 3 (1884-1957) Вайсенберг И.Е. – 3	Тиц М.Д. – 39 (1898-1979) Богатырев С.С. – 31 (1890-1960) Барабашов В.А. – 20 (1901-1979) Голубев П.В. – 20 (1883-1966) Михайлов М.И. – 16 (1890-1956) Луценко П.К. – 15 (1873-1934) Добржинец И.В. – 13 (1889-1960) Перунов А.А. – 12 (1904-1981) Комаренко В.А. – 12 (1897-1969) Марьяненко И.А. – 11 (1875-1962) Фанненштиль Л.И. – 9 (1886-1952) Лунц А.Л. – 9 (1894-1964) Крушельницкий М.М. – 8 (1897-1963) Курбас Л.С. – 7 (1887 – 1942) Чемезов Н.Л. – 6	Рыков Г.К. – 4 (1898-1955) Финкельштейн Л.И. – 4 Дубровская А.И. – 3 (1902-?) Степанова Г.К. – 2 (1898-1951) Гольдингер А.Н. – 2 Углицкий И.И. – 2 Гузикова М.Л. – 2 (1896 – 1986) Кузьменко Л.В. – 2 Вольфовская Л.А. – 1 Кричевский Б.Н. – 1 Овчаренко В.И. – 1 Новский Л.А. – 1 Чеботарева А.Я. – 1 Панфилов И.С. – 1 Хлебников Н.А. – 1

К ИСТОРИИ ХАРЬКОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОПЫТ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (1910-1940 гг.)

<p>Брикнер С.А. – 5 Катанский В.И. - 4 Кнепфер К.К. – 2 Смит Ф.Ф. – 2 Розенфельд М.Ю. – 2 Пушечникова П.С. – 1 Чеботарева А.Я. – 1 Нибур Е.Ф. – 1 Береза С.С. – 1 Левенштейн Б.С.–1 Кричевский Б.Н. –1 Панфилов И. С. – 1</p>			<p>Туркельтауб И.С.–2</p>	<p>Гольдингер А.Н.–2 Петров В.Д. – 2 Туркельтауб И.С.–2 Кузьменко Л. В. – 2 Свирский А.М. – 1 Панфилов И.С. – 1 Костенко В.Г. – 1 Хлебников Н.А. – 1</p>	<p>Малютина З. Н. – 6 Гольдберг И. [Е.] И. – 6 Гольдфельд В.М.–6 (1893-1982) Тимошенко Л.Ф.–5 Дремцов С.П. – 5 (1867-1937) Козицкий Ф.Е. – 5 (1893-1960) Ландесман Н.Б. – 5 (1890-1949) Розенштейн Я.А.– 5 Катанский Д.И. –5 (1864-1929) Белоцерковский К.Н. – 4 (1894-1978) Полевский Н.В. – 4 Рыков Г.К. – 4 (1898-1955) Витте М.А. – 4 Грудина Д.А. – 4 Бровкович В.Л. – 3 (1880-?) Пархомов Ф.К. – 3 (1904-?) Пильстром М.Г.– 3 (1884-1957) Родин А.И. – 2 Кокотов В.А. – 2 Гольдингер А.Н.–2 (1887-?) Василько В.С. – 2 (1893 – 1972) Гаккебуш Л.М. – 2 Петров В.Д. – 2 Кузьменко Л.В. – 2 Мамонтов Я.А. – 2 Хесин А.Б. – 1</p>	
---	--	--	-------------------------------	--	--	--

				Балановская Л.М –1 (1883-1960) Кричевский Б.Н. –1 Линецкая К.А. –1 Ольховский А.В. –1 Павкович В.В. –1 Игнатович И.И. – 1 Белецкий А.И. –1 (1884 – 1961)
--	--	--	--	--

Таблица 13. Перечень руководителей и преподавателей харьковских музыкальных заведений, не вошедших в именной указатель монографии по истории ХИИ [15]

Table 13. List of the headteachers and teachers of Kharkov musical professional schools not mentioned in the monograph on history of KhII, [15]

МШ и К (1914, 1917)	ГНК (1922)	ХГМДИ (1925, 1926)	ХГВМДК (1925, 1926)	ХМДИ (1929, 1930)	1-я ГМПШ (1929)
Иентш А.Ю. Речинская Е.Г. Висс Л.Л. Лисовский Л.Л. Менцер Л.Л. Манцевич М.Ф. Гутовская В.Ф. Иванова М.И. Редина Т.Н. Пиллик К.А. Штрейхер- Немировская Л.Л. Никольская С.В. Вернер Л.Л. Горская А.И. Лошак Г.М. Таларико А. Ястремская М.П. Бер Д.В. Богданова Н.И. Нохотович А.А. Сильцянова Кондырова Е.И. Яковле- ва-Бойкова О.А.	Гельфгат А.Б. Лейбов В.М. Гейман Е.Ю. Максанин К.А. Абрамович Д.Р. Бухштаб З.А. Венчик С.Л. Рейсбих А. Дубинская Е.А. Евдокимова А.А. Ландсберг А.А. Чернявский М.П. Штальман Р.М. Банкович О.А. Ти- мен-Крейс А.Я. Копиль Г.И. Кушвин П.Н. Бестрих О.О. Некрасова А.К.	Баранов- ский В.И. Папазын В.Э. Мжень М.В. Будункевич В.А. Крутянский М.А. Славинская М.А. Менес Е.А. (1905 – 1988) Тартаков- ский С.Н. Кравцов П.И. Кроль Н.Э. Пилипенко М.Х. Карлаш Н.М. Лезин Б.А. (1880 – 1942)	Лазарев П.П. Кац-Голин- ская Р.А. Максанин К.А. Поляков Т.Л. Гильде- брант З.Г. Тихонов Б.И. Мара- чек-Розен- штейн В.В. Бестрих О.О. Вайн Р.С. Рык С.К. Торчинский М.С.	Бондарчук С.К. Дмитрова Л.М. Венгерская А.Я. Вайн Р.С. Габель М.О. (1893 – 1981) Гончаров В.Л. Кац-Голинская Р.А. Рудницкий А.И. Славинская М.А. Тихонов Б.И. Марачек-Розен- штейн В.В. Дзабановский О.Т. Купферова Е.Е. Лачинов В.П. (1865 – 1929) Некрасова Л.К. Коган Л. Еськина Р. Гарбштейн И. Семеновкая М. Адливанкина Е. Чабан О.П. Гармаш Г.С. (1990 - ?) Кручинев Н.Н. Крюгер А.А. Колесников С.А. Лашина М.М. Лиська З.В. Левина М.Н. Рудницкий А.И. (1902 -1975)	Воскресенский Н.В. Айгорн Е.Я. Берндт О.В. Булль М.Ф. Гавсман В.С. Голембо Л.В. Жолдина М.И. Золина Р.С. Крах-Палиева З.А. Ландсберг А.А. Порай-Кошиц В.В. Розенфельд Р.М. Чекригина И.О. Абрамова Р.А. Чемезова М.Л. Пушечникова В.Ф. Некрасова Л.К. Бродский Г.А. Максанин К.А. Консисторум А.М. Пинно Ф.А. Нездатный А.Л. Ручинский Р.Г. Свинцова-Адлер Е.А. Папа-Афанасопуло С.Ю. Дубинская О.О. Резник-Чечик Б.И. Еськина Р. Рожавская Л.И. Букиник И.Е. (1867 – 1942) Фукс-Вольгемут Д. Власова И.С.

				Розенфельд Р.Л. Рудник С.А. Рымаренко Б.А. Раговина Р.С. Свинцова-Адлер Е.А. Чучмарёв З.И. (1888 – 1961) Филиппова К.И. Пущенко Ф.Д. (1879 - ?)	
--	--	--	--	--	--

В табл. 12 приведена ненулевая встречаемость всех указанных в табл. 1–11 лиц по именному указателю, опубликованному в монографии по истории Харьковского института искусств [15] и насчитывающему более двух тысяч персоналий. Как видим из этой таблицы, наибольшая встречаемость наблюдается для следующих преподавателей: Тиц М.Д. – 39, Слатин И.И. – 38, Богатырев С.С. – 31, Барабашов В.А. – 20, Голубев П.В. – 20, Михайлов П.К. – 16, Луценко П.К. – 15 упоминаний.

Из всех харьковских преподавателей музыки только И.И. Слатин удостоился чести быть включенным в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Приведем краткую прижизненную статью о нем из этого словаря: «Слатин (Илья Ильич) – музыкаль-

ный деятель. Музыкальное образование получил в Петербургской консерватории. Концертировал за границей в качестве пианиста и капельмейстера. Способствовал основанию в Харькове отделения Императорского русского музыкального общества и музыкального училища; в настоящее время состоит директором этих учреждений и руководит симфоническими концертами в Харькове» [12].

О значительности всех харьковских преподавателей музыки, показанных в табл. 12, можно судить по включению их биографий в «Музыкальный энциклопедический словарь» (1990) и «Музыкальную энциклопедию в шести томах» (1973–1982), которые размещены на сайте www.music-dic.ru (табл. 14).

Таблица 14. Харьковские преподаватели музыки, включенные в «Музыкальный энциклопедический словарь» (МЭС) и «Музыкальную энциклопедию в 6 томах» (МЭ)

Table 14 Kharkov music teachers included into “The Music Encyclopedic Dictionary” and “The Music Encyclopedia in 6 volumes”

МЭ	МЭС
Акименко Ф.С. (1876–1945)	Акименко Ф.С. (1876–1945)
Ахрон И.Ю. (1886–1943)	Ахрон И.Ю. (1886–1943)
Балановская Л.Н. (1883–1960)	
Белоусов Е.Я. (1881/82–1945)	Белоусов Е.Я. (1881/82–1945)
Бенш А.Ф. (1861–1914)	Бенш А.Ф. (1861–1914)
Борисяк А.А. (1885–1962)	
Гек Г.А. (1861–1935)	
Геника Р.В. (1859–?)	
	Гольдфельд В.М. (1893/94–1982)
Горский К.К. (1859–1924)	Горский К.К. (1859–1924)
Добржинец И.В. (1889–1960)	
Дремцов С.П. (1867–1937)	Дремцов С.П. (1867–1937)
Козицкий Ф.Е. (1893–1960)	Козицкий Ф.Е. (1893–1960)
Лисовский Л.Л. (1866–1934)	
Полферов Я.Я. (1891–1966)	
Слатин И.И. (1845–1931)	
Тиц М.Д. (1898–1978)	Тиц М.Д. (1898–1978)

К сожалению, в этом списке мы не видим замечательного итальянского музыканта Федерико Бугамелли, который эмигрировал из России на родину в 1918 г. В статье о нем в Википедии отмечается, что он в 1901 г. окончил Болонскую консерваторию, в этом же году переехал в Россию, а в период с 1932 по 1945 год был директором Триестской консерватории.

Сопоставляя наиболее часто упоминаемых преподавателей музыки в монографии по истории ХИИ (табл. 12) с данными табл. 14, мы видим отсутствие в ней П.К. Луценко, С.С. Богатырева, М.И. Михайлова, В.А. Барабашова, П.В. Голубева (не менее 15 упоминаний в работе [15]). Из них в Википедии представлен только С.С. Богатырев. В публикации приведена редкая фотография из семейного архива Ю. Щербинина, на которой С.С. Богатырев запечатлен в конце 20-х гг. со своими учениками по харьковской консерватории Е. Адливанкиной, Н. Полевским, В. Аркиным, Г. Марачек, А. Лавровой-Щербининой, М. Итигиной. Из этого списка Е. Адливанкину мы видим в табл. 10 и 13, а Н. Полевского – в табл. 10–12.

Из табл. 12 следует, что большинство опытных преподавателей 1-ой ГМ ПШ состава 1929 г. работали ранее в высших музыкальных учебных заведениях Харькова. К ним относятся Рыков Г.К., Финкельштейн Л.И., Гольдингер А.Н., Вольфовская Л.А., Кричевский Б.Н., Панфилов И.С., Хлебников Н.А. Из состава пианистов Музыкального училища 1910 г. в этой школе в 1929 г. работала Чеботарева А.Я.

Сопоставив табл. 1–12, мы составили перечень руководителей и преподавателей Харьковских музыкальных заведений, которые не упоминались в монографии [15], изучение деятельности которых требует особого

внимания (табл. 13). В этот перечень не вошли преподаватели Музыкального училища из состава 1910, 1914 и 1917 гг.

Из наиболее значимых харьковских музыкантов, включенных в МЭ (табл. 14), отметим только Ростислава Владимировича Генику, который в 1916 г. сделал шесть уникальных публикаций в «Русской музыкальной газете» о Н.Г. Рубинштейне и П.И. Чайковском [3]. Их обзор приведен, например, на сайте документов личного характера Universitas personarum¹.

Совсем недавно в Википедии появилась важная биографическая статья о Р.В. Генике, в которой впервые указана дата смерти музыканта 9 декабря 1942 г. Ее недавно установил доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Сергей Владимирович Волков, крупнейший российским исследователем элит. В этой статье отмечается, что в ряде источников в качестве даты смерти музыканта Р.В. Геники указывается 1922 год, когда упоминание о нем исчезает из харьковских источников в связи с переездом его в Чехию. Здесь же через Google Books воспроизведен оригинальный текст из англоязычной книги Александра Познанского «Чайковский через другие взгляды», опубликованной в 1999 г. Университетом штата Индиана [16], в которой цитируются воспоминания Р.В. Геники. Как отмечает Александр Познанский, в них живо воспроизведены консерваторская атмосфера и личность Н.Г. Рубинштейна, а П.И. Чайковский описан в панегирических тонах, резко отличающихся от воспоминаний других учеников П.И. Чайковского [16, р. 54-55]².

1 http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/zajonchk/tom3_3/V3P36500.htm#6490.

2 Окончание в следующем номере.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богданович, В.А. Харківський муздрамін у спогадах студента 20-х років // Музична Харківщина. Збірник наукових праць колективу авторів Харківського інституту мистецтв ім. І. П. Котляревського / Упорядники: проф. Калашник П.П., Очеретовська Н.Л. Харків, 1922. С. 222-236.
2. В Харківськiм Музично-Драматичнiм Інститутi: Розмова з ректором МДІ професором Дремцовим // Нове мистецтво, 1925. № 2. С. 14.
3. Геника, Р.В. Из консерваторских воспоминаний (1871-1879): Н.Г. Рубинштейн и П.И. Чайковский // Русская музыкальная газета. 1916. № 36/37. С. 637-650; № 40. С. 690-695; № 42. С. 756-762; № 43. С. 799-807; № 44. С. 818-825; № 47. С. 889-895.
4. Горовиц, А. Ученический вечер школы К.А. Пиллик // Южный Край (Харьков). 1916. 3 марта.
5. Грудина, Д. Державний музично-драматичний інститут у Харкові // Нове мистецтво. 1927. № 8. С. 8-10.
6. Дон-Диез. А. Ф. Бенш // Южный Край (Харьков). 1906. 11 апреля.
7. Жданов, И.В. Роль общественно-педагогического движения в становлении и развитии музыкального образования в России во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Саранск, 2003. 238 с.
8. Кононова, Е.В. Пианистическая культура Харькова последней четверти XIX – начала XX столетий. Дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Киев, 1984. 174 с.
9. Кононова, О.В. Музична культура Харкова кінця XVIII – початку XX століття. Харків: Основа, 2004. 176 с.
10. Миклашевський, Й.М. Музична і театральна культура Харкова кінця XVIII – першої половини XIX ст. Київ: Наукова думка, 1967. 160 с.
11. Пирогова, Н.А. К истории музыкальной жизни Харькова (1917–1918 гг.) // Вопросы искусствознания (Научные и методические работы ХИИ). 1969. Вып. 1. С. 99-114.
12. Слатин (Илья Ильич) // Энциклопедический словарь. Том XXX. Издатели Ф.А. Брокгаузъ и И.А. Ефронъ. СПб, 1900. С. 350–351.
13. Смоляга, Н.В. Сергій Прокопович Дрімцов // Музична Харківщина: зб. наукових праць колективу авторів Харківського інституту мистецтв ім. І.П. Котляревського / Упор.: проф. Калашник П.П., проф. Очеретовська Н.Л. Харків, 1992. С. 112-123.
14. Харківському музичному училищу ім. Б.М. Лятошинського – 120 років / За ред. О.О. Ефременко. Харків: Оригінал, 2003. 48 с.
15. Харьковский институт искусств имени И.П. Котляревского. 1917–1992. / Под ред. П.П. Калашникова. Харьков: Изд-во ХИИ, 1992. 445 с.
16. Poznansky, A. Tchaikovsky through others' eyes. Indiana University Press, 1999. 368 p.

REFERENCES:

1. Bogdanovich, V. A. Kharkov Institute of Music and Drama in the memories of student of 20s. *Muzichna Khar'kivschina*. Kharkiv. 1922. Pp. 222-236.
2. In Kharkov Institute of Music and Drama: Interview with the Rector of MDI Prof. Dremtsov. *Nove mistetstvo*. 1925. № 2. P. 14.
3. Genika, R. V. From the Conservatory Memories (1871-1879): N. G. Rubinstein and P. I. Chaikovsky. *Russkaya muzykal'naya gazeta [Russian musical newspaper]*. 1916. № 36/37. Pp. 637-650; № 40. Pp. 690-695; № 42. Pp. 756-762; № 43. Pp. 799-807; № 44. Pp. 818-825; № 47. Pp. 889-895.
4. Gorovitz, A. Student Evening of the School of K. A. Pillik. *Yuzhny Krai* (Kharkiv). 1916. 3 March.
5. Grudina, D. State Musical Drama Institute in Kharkov. *Nove mistetstvo*. 1927. № 8. Pp. 8-10.
6. Don-Diez. A. F. Bensch. *Yuzhny Krai* (Kharkiv). 1906. 11 April.
7. Zhdanov, I. V. *The Role of the Socio-pedagogical Movement in the Development of Music Education in Russia in the Second Half of XIX - Early XX Century*. Diss. ... Cand. Ped. Sciences. Saransk, 2003. 238 p.
8. Kononova, E. V. *Pianistic Culture of Kharkiv Last Quarter of the XIX – Early XX Centuries*. Diss. ... Cand. Art History. Kiev. 1984. 174 p.
9. Kononova, O. V. *Musical Culture of Kharkiv Late XVIII – Early XX Century*. Kharkiv: Osnova, 2004. 176 p.
10. Miklashevsky, I. M. *Musical and Theatrical Culture of Kharkiv Late XVIII – First Half XIX Century*. Kiev. Naukova dumka, 1967. 160 p.
11. Pirogova, N. A. On the History of the Musical Life of Kharkiv (1917–1918). *Questions of Art* (Scientific and Methodical Works of KIA). Kharkiv. 1969. Iss. 1. Pp. 99-114.
12. Slatin (Ilya Ilyich). *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. Vol. XXX. St. Petersburg. 1900. Pp. 350–351.
13. Smolyaga, N. V. Sergei Prokopevich Drimtsov. *Muzichna Khar'kivschina*. 1992. Pp. 112-123.
14. Efremenko, O. O. Ed. *Kharkov Music College Named after B. M. Lyatoshynsky – 120 years*. Kharkiv: Original, 2003. 48 p.
15. Kalashnikov, P. P. Ed. *Kharkov Institute of Arts Named after I. P. Kotlyarevsky. 1917–1992*. Kharkiv: Publishing house of KIA, 1992. 445 p.
16. Poznansky, A. *Tchaikovsky through others' eyes*. Indiana University Press, 1999. 368 p.

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 13.130.1

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-93-101

Газнюк Л.М.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА В МЕГАПОЛИСЕ

Газнюк Лидия Михайловна,*доктор философских наук, профессор*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

E-mail: lgazn@mail.ru

АННОТАЦИЯ

На основе анализа пространственно-временных, социально-иерархических и культурных аспектов представлен экзистенциально-антропологический статус человека в мегаполисе. Выявлено, что ценностные ориентации жителя мегаполиса связаны с большими возможностями для саморазвития и самореализации человека. Показано, что адаптация к социокультурному пространству мегаполиса усложнена рядом факторов, влияющих на эмоции, поведение и другие ментальные проявления индивидов. Проведено разграничение между жителями мегаполиса и небольшого городка и сельской местности в позиционировании и мировосприятии себя и других. Установлено, что процесс инкорпорирования в систему мегаполиса сопровождается гаммой экзистенциальных переживаний и изменений антропологического статуса и постоянными «поисками себя». Обоснованы позитивные и негативные характеристики индивидуалистического стиля в мегаполисе, влияние автономности, анонимности и замкнутости на себе, с одной стороны, и влияние различных субкультур, с другой.

Ключевые слова: мегаполис; экзистенциально-антропологический статус; человек; самореализация; стиль жизни; анонимность; замкнутость; самоидентичность; традиционализм; социокультурное пространство.

MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 13.130.1

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-93-101

Lidiya M. Gazniuk

THE EXISTENTIAL AND ANTHROPOLOGICAL INDIVIDUAL STATUS IN THE CITY

Gazniuk Lidiya Mikhailovna*Doctor of Philosophy, Professor*

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: lgazn@mail.ru

Abstract

The existential and anthropological status of the person in the city is presented on the analysis of spatio-temporal, socio-hierarchical and cultural aspects. It was found out that the value orientations of a city dweller are associated with greater opportunities for self-development and self-realization. It is shown that the adaptation to the *city* socio-cultural space is complicated by a number of factors that influence the emotions, behavior and other mental manifestations of individuals. It was drawn a distinction between the city dwellers and rural positioning and world perception of self and others. It was evident that the process of incorporation into the system of the city is accompanied by a range of experiences and changes of the anthropological status and a constant "search for themselves." There were proved positive and negative characteristics of an individualistic style in the city, the impact of autonomy, anonymity and isolation, on the one hand, and the effect of various subcultures, on the other hand.

Key words: city; existential-anthropological status of a person; self-realization; lifestyle; anonymity; isolation; self-identity; traditionalism; social and cultural space.

Многовекторность аксиологических позиций и экзистенциально-антропологического статуса человека в современном мегаполисе становится все более важным явлением и требует всестороннего изучения. «Самый удобный способ познакомиться с городом – это попытаться узнать, как здесь работают, как здесь любят и как здесь умирают» [4, с. 2]. В истории исследования пространства мегаполиса можно выделить несколько основных тенденций: во-первых, чередование периодов приверженности традиционализму в проектировании пространства мегаполиса; во-вторых, взгляд на градостроительство с точки зрения его композиционной целостности и художественной ценности; в-третьих, исследователи, как правило, привлекают те или иные подходы и методы философского анализа, переходя к изучению различных аспектов существования мегаполиса и многообразию проблем повседневности бытия в нем. Мегаполис рассматривается как единство управления и инфраструктуры, оценивается социально-экономически – с позиции потребностей его жителей.

Существует множество предзаданных принципов сосуществования людей в мегаполисе, характерных черт их образа жизни, что дает возможность разграничить экзистенциально-антропологический статус жителей пригорода и собственно мегаполиса. Однако при попытке выделить из жителей мегаполиса тех, кто проживает на городской территории, но по тем или иным причинам не чувствует и не практикует основные принципы городского сосуществования, могут возникнуть проблемы с определением их экзистенциально-антропологического статуса. Многие индивиды в определении своего экзистенциально-антропологического статуса в той или иной степени находятся как бы между этих двумя полюсами. Противопоставление этих форм невозможно из-за наличия в самом мегаполисе разных, в том числе и смешанных форм топографического самоопределения.

Исследователи, занимающиеся проблемой жизнедеятельности человека в мега-

полисе, признают наличие двух различных мировоззренческих парадигм. Они отмечают наличие и сосуществование в мегаполисе двух типов личностей. К первому типу могут быть отнесены те индивиды, которые легко вживаются в социокультурное пространство мегаполиса; ко второму – те, кто принимают только его отдельные аспекты, а в остальном продолжают пребывать в лоне традиции [7].

В современном социокультурном пространстве мегаполиса более конструктивным выглядит разграничение жителей мегаполиса и пригорода как носителей разного экзистенциально-антропологического статуса. В процессе глобализации мира возникает необходимость переосмысления социокультурного пространства мегаполиса как места проживания жизни и переживания бытия людьми, а также того, как в нем действуют и что чувствуют его коренные жители, приезжие и гости, находящиеся на разных ступенях социальной лестницы, примеряющие на себя множество ролей в процессе жизнедеятельности в пространстве мегаполиса. Причем акцент следует сделать на анализе интересов и представлениях о стиле жизни в мегаполисе как отдельных индивидов и локальных групп, так и сообщества жителей мегаполиса в целом.

Исследование экзистенциально-антропологического статуса человека в мегаполисе требует обращения к проблеме идентичности. Традиционное представление об идентичности как тождественности не совсем подходит для анализа социокультурного пространства мегаполиса, так как оно является первичным и не может полностью охватить весь спектр самотождественности индивида. Идентичность как самость в гораздо большей степени обусловлена социокультурным окружением, а следовательно, и гаммой экзистенциальных переживаний персонального бытия. Однако следует заметить, что они взаимосвязаны, и говорить поэтому следует о переплетении этих двух типов нарративной идентичности по П. Рикёру [5; 6]. Именно в этом ключе представляется возможным проанализировать экзистенциально-антрополо-

гический статус человека в мегаполисе, где важную роль играет урбанистика, в которой воплощаются типичные черты стиля жизни в мегаполисе. Житель мегаполиса как человек, проживающий на его территории и принимающий правила взаимодействия в его социокультурном пространстве, во многом отличается от жителя маленького городка или сельской местности, где приоритетными являются традиционные семейно-клановые ценности и общинные отношения и четко прослеживается установка на дифференциацию своих и чужих. В мегаполисе человек чувствует себя заброшенным в динамичный мир хаоса и суеты, которым необходимо противостоять и бороться за выживание, «покоряя» мегаполис и находя в нем свое место под солнцем. Жизнь в мегаполисе вынуждает индивида искать общества себе подобных и примыкать к ним, растворяя собственные цели и интересы в интересах сообщества.

Если житель маленького городка или сельской местности ближе к традиционному или современному типу культуры, то житель мегаполиса выходит за ее пределы, приобщаясь к культуре постмодерна. Экзистенциально-антропологически и онтологически житель маленького городка или сельской местности глубоко инкорпорирован в свою социальную роль, и его общественное положение никак не расходится с его экзистенциальными переживаниями и представлениями о самом себе. Это связано с тем, что в мире все еще существуют достаточно ясные метафизические и религиозные картины мира, которые гарантируют человеку самостождественность: он знает, кто он, что он делает в этом мире и каково его предназначение. Житель мегаполиса в процессе становления как личности и участника большого человеческого сообщества переживает множество экзистенциально-антропологических кризисов, связанных с поиском себя как «завоевателя» мегаполиса. Он не получает свое место в пространстве мегаполиса автоматически, его нужно обрести, приложив определенные усилия в «завоевании места под солнцем». Самостождественность человека раздроблена,

а его инкорпорированность в систему мегаполиса и формирование картины мира происходит чрезвычайно сложно, что обуславливается расщеплением целостности представлений о собственном «Я». Кризис идентичности зачастую порождает потребность погружения в религиозные, национальные и другие субкультурные сообщества, в которых человек со временем растворяется, воспринимая мир дуалистично, деля его по экзистенциально-антропологическому статусу на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Происходят постоянные «поиски себя» и попытки собрать из расколотой и раздробленной идентичности собственное «Я». В мегаполисе экзистенциально-антропологический статус человека формируется в ситуации одиночества, равнодушия, анонимности, высокого темпа жизни и недостижимых в глубинке возможностей, которые видны всем, но при этом для большинства наблюдателей не могут быть реализованы; переполненность или излишняя пустота тех или иных городских пространств делает поиск идентичности еще более сложным и запутанным.

Адаптация в пространстве мегаполиса и формирование экзистенциально-антропологического статуса усложнено рядом факторов, связанных со спецификой чрезвычайно динамичного жизненного уклада, сам темп которого является причиной периодических и хронических стрессов. Среди основных характерных черт образа жизни в мегаполисе, которые позволяют индивиду в большой степени адаптироваться к новому жизненному пространству, следует отметить толерантность к любым проявлениям инаковости, пунктуальность, внимательность, отстаивание собственной свободы в совокупности с признанием и принятием свободы других. В сознании жителя мегаполиса индивидуализм соседствует с коллективизмом и способностью к консолидации с группой единомышленников, «своих» и «чужих», находящихся за пределами этой группы. Самостождественность жителя мегаполиса основана в первую очередь на эгоизме и индивидуализме, признающих наличие у «другого»

тех же прав и обязанностей. Здесь имеет место «с одной стороны, мощное подавление городской цивилизацией свободы отдельного индивида ради блага общества в целом, с другой стороны, городская культура вырабатывает компенсационные механизмы, позволяющие нейтрализовать последствия ее же репрессий, и предоставляет возможности развития человека, усиливая его рациональность и изобретательность» [2, с. 89].

Среди позитивных характеристик индивидуалистского стиля жизни в мегаполисе следует выделить толерантность по отношению к чужому (другому) типу мировосприятия как подлинно человеческому типу отношения, предполагающую равную степень свободы и ответственности для всех людей вне зависимости от пола, расы, вероисповедания и т.п. «Нет никакого парадокса в том, что именно индивидуалист больше уважает чужие личные интересы и чужие убеждения. В условиях городской скученности и социальной разнородности, чреватой конфликтами, выгодно прислушаться к иначе мыслящему и живущему, даже к конкуренту, выгодно в случае надобности и помочь ему, чтобы он также уважал твои взгляды, а в случае надобности помог тебе» [8, с. 64].

Экзистенциально-антропологический статус жителя мегаполиса формируется благодаря спектру возможностей: разветвленной инфраструктуре, предполагающей возможность широкого доступа к материальным и информационным ресурсам, разнообразию реальной и виртуальной коммуникации. Современный житель мегаполиса – это в определенной мере «человек играющий», человек в «обществе спектакля» с мобильной и подвижной самоидентификацией. Он легко играет различные социальные роли, меняя лики и маски, облакаясь в «личину». Следует заметить, что, как и во всякой игре, здесь может не хватать искренности и никакая, даже самая безукоризненная вежливость, не предполагает автоматически эмоциональную вовлеченность субъекта.

Формирование экзистенциально-антропологического статуса человека в мегаполи-

се связано с пространственно-временными, социально-иерархическими и культурными аспектами. В ритме жизни современного мегаполиса очень трудно придерживаться своего собственного ритма. В рамках повседневности мегаполиса складывается устойчивый образ жизни, который уравнивает социальные запросы и внутренние ресурсы. Общество не выступает внешней границей индивидуума, оно лишь внутренне его пополняет в частном постижении общего смысла через переживание персональной значимости в данном конкретном месте и времени. Целостность персонального бытия человека в социокультурном пространстве мегаполиса определяется осознанием неразрывности прошлого, настоящего и будущего в их связи. Прошлое как история, настоящее как реальность и будущее как идеал, наполняя повседневность, задают персональному бытию человека необходимые цельные параметры.

В современной философской антропологии используется понятие «повседневность», которое, по нашему мнению, достаточно точно выражает сущность персонального бытия человека как «вечности во времени». «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля определяет «обыденный» как «однодневный, однодневный, суточный, об один день сделанный, одни сутки длящийся», а «обыдни» – как «простые, рабочие дни, или не праздники» [3, т. II, с. 637]. В смысле дней непраздничное, «обыдни», или будни, совпадают по значению с повседневностью как однообразным состоянием, изо дня в день наполненным непрерывными событиями: «повсюду, повсюду, повсюду, повсюду, ... ежедневно, ... каждодневно..., изо дня в день» [3, т. III, с. 147]. В смысле же недолговечности однодневность, «обыденность» совпадает с бренностью. Бренность – это «непрочность, разрушимость, подчиненность общим законам конечной, земной природы» [3, т. I, с. 127]. Подчиненность законам земной природы заложена в самом человеке, в его происхождении «из праха земного» (Библия), из обычной глины (Коран). Если рассматри-

вать повседневность как некую «константу» бытия, его непрерывность, то эта смысловая грань обращает нас к понятию «вечность», которое противоположно понятию «бренность». За кажущимся парадоксом проступает диалектика понятия «вечность», которое происходит от более конкретного и земного, от понятия «век». В понятии «век» уже заложены четкие временные рамки – сто лет, века – срок жизни человека (а чело век – его века, – лоб), продолжительность земного бытия. Отсюда – «векованье» – жизнь, «житье или пребыванье где-либо, все на одном месте, в одном положении или состоянии» [3, т. I, с. 330]. «Вековечный или вечный, что без начала и без конца, безначальный и бесконечный; всегдашний, постоянный, нескончаемый, неизменный; бессрочный, весьма длительный, продолжительный, пожизненный ... Вековечность, вечность ... состояние или свойство вечного, будущая, загробная, духовная жизнь наша» [3, т. I, с. 330]. Итак, путь человеческий очевиден: от бренности, из глины и праха (что может быть более буднично?), через жизнь в одном состоянии, изо дня в день к вечности духовной (до состояния ежечасного, постоянного, бесконечного, неизменного) и до тлена, праха телесного (некрепкого, тленного, подчиненного общим законам конечной, земной природы).

Что может быть более повседневным, чем сама жизнь человека в мегаполисе? В деятельностном аспекте понятие «повседневность» амбивалентно. С одной стороны, это ожидание, подготовка к чему-то значимому, а с другой, – смирение перед однородным течением жизни, невозможностью или просто ненужностью его изменения. Отсюда вытекают две модели поведения: либо создавать, преобразовывать жизнь (это и есть история человечества), или просто жить, повторяя и сохраняя уклад жизни предков. История как всемирный процесс и история как происшествие, имеющее место с отдельным человеком («попасть в историю») выступают здесь как понятия однозначные, а именно – как антонимы обыденности. Проживая каждый день, следует думать о нем, как о ступени

лестницы, ведущей в небо: «И дольше века длится день» (Ч. Айтматов). Вечность не терпит суесть: «Мы успели. В гости к Богу не бывает опозданий!» (В. Высоцкий).

В традиционных культурах повседневное бытие человека маленького городка не заставляло скучать и искать приключений. Традиция, ограничивая поле деятельности человека рамками семьи, рода, села, ремесла, возраста, то есть непосредственно данного, заботится о целостности персонального бытия человека. Она запрещает выходить человеку за пределы конкретного мира, защищает его от абстрактных представлений и фантазий, вместо этого давая человеку возможность через причастность к самому простому познать высший смысл мироздания. Видимо, поэтому в традиционных культурах небольших городов и сельских поселений так крепка привязанность к семейному быту и тяга к практической деятельности. Сакральная напряженность возвышает человека над душевностью, трансформируя его духовность, открывая перед ним просторы вселенского масштаба. Вместе с тем, в процессе элементарной хозяйственной деятельности человек в определенном смысле становится маргиналом. Восточная мудрость говорит, что только служилые могут иметь устойчивые моральные принципы; что же касается простолюдинов, то если у них нет определенного занятия, то они не могут иметь и устойчивых моральных принципов. В традиционной культуре человек максимально приближен к гармоничному состоянию. Он не испытывает искусственных потребностей, сформированных обществом потребления, не ставит вопросов, на которые не может ответить. Мир для него ясен и целостен, но это не его мир, поскольку человек традиционной культуры в жизни принадлежит не себе, а высшему началу. Именно на этом основывается традиционный менталитет, который является фундаментом традиционной культуры, и в ее пределах не человек сохраняет установленный порядок, а порядок сохраняет человека.

Влияние на самоощущение человека пространственно-временного континуума про-

является в двух форматах. Первый формат представляет собой взаимодействие между индивидом и хронотопом мегаполиса. Второй формат взаимодействия бытия человека и пространственно-темпоральных характеристик бытия мегаполиса может быть описан термином «гетеротопия» в том смысле, в котором его понимал Мишель Фуко. В работе «Другие пространства: утопии и гетеротопии» философ предпринимает попытку классифицировать весь спектр пространств мегаполиса, которые тем или иным образом выделялись из общей картины городской жизни. Два основных типа, выделяемые автором, это «гетеротопии кризиса» и «гетеротопии девиации». Первый тип имел место, прежде всего, в доиндустриальную эпоху, и по мнению Фуко, существование подобных локусов заканчивается в середине XIX века. Такими местами становились привилегированные, священные или запретные места, в которых оказывался человек в определенные периоды жизни. Второй тип касается индустриальной эпохи и в отдельных проявлениях существует до сих пор. Для него характерно исключение девиантов из нормального, стандартного течения жизни. В такие гетеротопии Фуко включает психиатрические клиники и тюрьмы. Дома престарелых, в его концепции, занимают место на границе между гетеротопией кризиса и девиации [8, с. 331].

Третий тип гетеротопий четко не артикулирован, Фуко называет его «гетеротопией иллюзии» или «гетеротопией компенсации» [8, с. 334]. Этот тип является характерной чертой конца индустриальной эпохи и непременным атрибутом постиндустриального общества. Это театры, музеи, кинотеатры, развлекательные центры и другие центры проведения досуга.

Социально-иерархическая составляющая в формировании экзистенциально-антропологического статуса человека в мегаполисе во многом зависит от окружения индивида в раннем возрасте и от той социальной ниши, которую он занимает по факту рождения. Также немаловажным фактором оказывается социокультурная среда, которая, по мысли

Бодрийяра, во многом обуславливает функциональность и эмоциональность современного человека [1].

Житель мегаполиса в меньшей степени живет с оглядкой на социальное окружение, нежели житель маленького городка или сельской местности. Он формирует свое мировоззрение, основываясь скорее не на форме, а на функции. У жителя мегаполиса в меньшей степени проявляется преданность «своим», а его встраивание в коллектив может быть достаточно поверхностным; он не обязательно будет стремиться продемонстрировать свою приверженность тем или иным идеалам, свою тождественность с той или иной группой. В то же самое время его экзистенциально-антропологический статус как некий внутренний стержень может быть либо неразвит, либо развит достаточно хорошо, но скрыт от общества в тех случаях, когда он не соответствует принятым в конкретном социокультурном пространстве критериям нормальности. Такая позиция может быть обусловлена методами воспитания и стилями общения. В своем персональном экзистенциально-антропологическом статусе человек может представлять классический вариант противоречивого индивида, который думает одно, говорит другое, а делает третье, доставляя этим неудобство как себе, так и окружающим. Часто жизнь такого индивида может быть подвержена различного рода невротическим состояниям, сопровождаться экзистенциальной тоской, подавлением тех или иных качеств личности.

Межличностные отношения жителя мегаполиса во многом продиктованы представлениями о равенстве и свободе. Зачастую он не стремится соответствовать каким бы то ни было идеалам, а фокус проявления его социокультурного поведения состоит в том, чтобы оставаться малозаметным для общества. Жителя мегаполиса мало заботит чужая инаковость, он толерантен до тех пор, пока эта инаковость не примет агрессивные формы по отношению к нему самому. В социокультурном пространстве мегаполиса восприятие друзей и врагов как экзистенциально значимых

«других» связано со степенью доверия и искренности. Часто житель мегаполиса может казаться прекрасным человеком: вежливым, щедрым, радушным, предупредительным, однако демонстрируемые качества могут быть лишь привычной формой вежливости. Конечно же, у жителя мегаполиса могут быть близкие люди, в окружении которых он сбрасывает маску и на время становится самим собою. Но, как правило, круг этих близких людей, от которых можно ожидать искренности и соучастия, довольно узок.

Что касается культурных предпосылок формирования экзистенциально-антропологического статуса, то здесь следует обратить внимание на специфику современной культуры информационного общества, а также на способы восприятия человеком этой культуры и фрагментацию культурного опыта.

В современном постиндустриальном обществе иерархия играет несколько меньшую роль и в меньшей степени влияет на формирование экзистенциально-антропологического статуса. Различие в иерархии между жителем мегаполиса и жителем небольшого городка или сельской местности проявляется не столько в материальном плане и комфорте, сколько в интеллектуальной составляющей, возможности получать, воспринимать и анализировать информацию. Процесс жизнедеятельности в пространстве мегаполиса играет важную роль, однако многое связано и с персональными качествами конкретной

личности: усвоит ли она в готовом виде те ментальные установки, которые предлагаются ей, или предпочтет искать новые пути.

Пространственно-временные характеристики претерпевают значительные трансформации, что накладывает определенный отпечаток на процесс взаимодействия индивидов в мегаполисе. Социокультурная ситуация, в первую очередь, связанная с активной пропагандой и расширением идей постмодерна, создает объективные предпосылки для взаимопроникновения культурных типов, а также для усвоения индивидами продуктов культуры, знаний и информации.

Экзистенциально-антропологические смыслы жизни в мегаполисе часто в первую очередь связываются с негативными характеристиками: равнодушием, отчуждением, скученностью и т.п. Однако в пространстве мегаполиса есть те черты, которые привлекают к «покорению» мегаполиса все новых и новых индивидов, испытывающих непреодолимое желание любой ценой стать хотя бы маленькой частичкой динамичного мира мегаполиса как более широкого пространства для реализации своих возможностей, испытать на личном опыте доступность всего, открытость, вариативность норм, олицетворяющих видимость неограниченной свободы. Динамичность современной жизни в мегаполисе приводит к тому, что у человека практически не остается другого выхода, кроме как приспособливаться к новым формам социокультурного бытия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей. М.: «Рудомино». 223 с.
2. Горнова, Г.В. Homo Urbanus: психоаналитический аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 86-93.
3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ООО «Диамант», 2002.
4. Камю, А. Чума. М.: АСТ, 2014. 384 с.
5. Рикёр, П. Повествовательная идентичность. URL: <http://philosophy.allru.net/perv234.html> (дата обращения: 04.09.2015).
6. Рикёр, П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
7. Щукин, В.Г. Город и свобода. Историко-культурные заметки // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 61-71.
8. Foucault, M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias. Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory. Ed. by Neil Leach. NYC: Routledge. 1997.

REFERENCES:

1. Baudrillard, J. *System of Things*. Moscow: «Rudomino». 223 p.
2. Gornova, G.V. Homo Urbanus: Psychoanalytical Aspect. *The Humanities and Social sciences*. № 5. 2010. Pp. 86-93.
3. Dal', V.I. *Explanatory Dictionary of the Russian Language* : in 4 vols. St. Petersburg: «Diamant» Ltd., 2002.
4. Camus, A. *The Plague*. Moscow: AST, 2014. 384 p.
5. Ricoeur, P. Narrative Identity. URL: <http://philosophy.allru.net/perv234.html> (date of access: September 4, 2015).
6. Ricoeur, P. *Oneself as Another*. Moscow: Publishing house of humanitarian literature, 2008. 416 p.
7. Shchukin, V.G. City and Freedom. Historical and Cultural Notes. *Voprosy filosofii*. № 8. 2012. Pp. 61-71.
8. Foucault, M. Of Other Spaces: Utopias and Heterotopias. Rethinking Architecture: A Reader in Cultural Theory. Ed. by Neil Leach. NYC: Routledge. 1997.

УДК 140+001:316.422:53

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-102-109

*Бейлин М. В.***ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В КОНСТЕЛЛЯЦИЯХ
ПОСТНЕКЛАССИКИ****Бейлин Михаил Валерьевич***доктор философских наук, доцент*

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия

*E-mail: mysh_07@mail.ru***АННОТАЦИЯ**

В статье анализируются ценностные основания нанотехнологий и НБИК-инициативы, которые учеными декларируются как соответствующие базовым ценностям, провозглашенным «Всеобщей декларацией прав человека», «Декларацией тысячелетия ООН» и т.д. Отмечается, что прогнозируемые радикальные нововведения в массе своей не предусматривают пересмотра статуса человека и его достоинства как приоритетной ценности, хотя совокупность общесоциальных ценностей с течением времени может изменяться. Обосновано, что гарантирование данного приоритета требует, чтобы итоговый контроль оставался за человеком, человеческим обществом. Однако на пути реализации этого требования существуют серьезные препятствия. Они связаны с агональным характером приемлемых в цивилизованном мире ценностей, с разноплановой разнородностью субъектов оценок и соответствующей их активности..

Ключевые слова: постнеклассика; нанотехнологии; НБИК-инициатива; цели и ценности; ценностно нейтральное исследование; плюрализм ценностей; агональная природа ценностных оснований.

UDC 140+001:316.422:53

DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-102-109

*Mikhail V. Beilin***THE VALUABLE BASES OF STUDIES
IN THE CONSTELLATION OF THE
POSTNONCLASSICAL SCIENCE****Beilin Mikhail Valerievich**

Doctor of Philosophy, Associate Professor
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: mysh_07@mail.ru

Abstract

The article analyzes the value base of nanotechnology and NBIC initiatives. Scientists declare them as corresponding to the basic values proclaimed in “The Universal Declaration of Human Rights”, “The United Nations Millennium Declaration”, and so on. It is noted that for the most part the projected radical innovations do not consider the revision of the human status and his/ her dignity as a priority value, although a set of general social values may vary over time. It is proved that the guarantee of this priority claims the final control to be left for a man, and the human society. However, there are serious obstacles towards this requirement implementation. They are associated with agonistic nature of acceptable values of the civilized world, with diverse heterogeneity of the estimates subjects and their corresponding activities.

Key words: rpostnonclassical science; nanotechnology; NBIC initiative; goals and values; value-neutral study; values pluralism; agonistic nature of value grounds.

Характерной особенностью постнеклас- сики (В.С. Стёпин) является установка на соединение познавательных и разного рода общесоциальных ценностей и целей. Так, в процессе определения научно-исследова- тельских приоритетов наряду с собственно познавательными ценностями и целями все большую роль начинают играть цели эконо- мического и политического характера. Одна- ко схемы выработки практических решений по-прежнему массово базируются на пред- ставлениях о рациональности, в которых не представлены ценностные аспекты.

В постнеклассической науке происходит переход от идеала ценностно-нейтрального исследования, заключающегося в установке на отыскание единственной объективной истины, к поиску ответов на вопросы, которые касаются «человекомерных» объектов и поэ- тому предполагают ценностную пресуппози- цию. Поэтому и искомые ответы оказываются, так или иначе, ценностно нагруженными. Они включают вариативные условия и грани- цы допустимого вмешательства в объект и, со- ответственно, систему запретов или ограничен- ный на некоторые алгоритмы познания-сози- дания, способные породить угрозы ценностям и целям, принятым в качестве базовых.

Существуют ли сегодня весомые аргу- менты в пользу того, что конвергирующие технологии и поддерживающая их НБИК-и- нициатива (содействие и стимулирование целенаправленных усилий, предпринимае- мых для ускорения процесса конвергенции нанотехнологий, биотехнологий, информа- ционных и когнитивных технологий с целью получения синергетического эффекта от их конвергенции) способны вступить в противоречие с признаваемыми в цивилизованном мире ценностями и поэтому должны подвер- гнуться неким ограничениям или запретам? Все чаще приходится задавать «вопрос о том, каким должен быть искусственный мир и где находится та грань между естественным и ис- кусственным, которую человек, и особенно ученый, исследователь, инженер, конст- руктор не должен переступить ни при каких об- стоятельствах» [1, с. 98].

В фокусе «Всеобщей декларации прав че- ловека», принятой Генеральной Ассамблеей

ООН 10 декабря 1948 г., находится достоин- ство человеческой личности, ее жизнь, свобо- да, безопасность. Естественно предположить, что ценностные основания нанотехнологий должны соответствовать этой Декларации и более поздним международным и нацио- нальным документам, конкретизированным с учетом хода истории и новых вызовов. На- пример, в шестом пункте «Декларации тыся- челетия ООН» от 8 сентября 2000 г. провоз- глашена и разъяснена следующая совокуп- ность фундаментальных для XXI века ценно- стей.

- **Свобода.** Мужчины и женщины име- ют право жить своей жизнью, с достоинством растить детей, не страшась голода и насилия, угнетения и несправедливости. Демократич- ная и основанная на широком участии наро- да власть, опирающаяся на его волю, являет- ся лучшей гарантией этих прав.

- **Равенство.** Ни один человек и ни одна нация не должны лишаться возможно- сти пользоваться благами развития. Равен- ство прав и возможностей мужчин и женщин должно быть гарантировано.

- **Солидарность.** На глобальные вызо- вы следует отвечать путем честного распреде- ления издержек и тягот согласно фундамен- тальным принципам равенства и социальной справедливости. Страдающие или находящи- еся в наименее благоприятном положении заслуживают помощи от тех, кто находится в наиболее благоприятном положении.

- **Толерантность.** При всем много- образии вероисповеданий, культур и языков человеческие существа должны уважать друг друга. Различия внутри сообществ и между сообществами не должны пугать или служить поводом для преследований, о них следует заботиться как о ценнейшем достоянии чело- вечества. Нужно активно поощрять культуру мира и диалог между всеми цивилизациями.

- **Уважение к природе.** В основу охра- ны и рационального использования всех ви- дов живых организмов и природных ресурсов должна быть положена осмотрительность в соответствии с принципами устойчивого развития. Только таким образом огромные богатства, дарованные нам природой, будут сохранены и переданы потомкам. Нынешние

неустойчивые модели производства и потребления подлежат изменению в интересах нашего будущего благосостояния и благополучия наших потомков.

• **Совместная ответственность.**

Ответственность за управление глобальным экономическим и социальным развитием, а также за устранение угроз международному миру и безопасности должна разделяться всеми народами мира и реализоваться на многосторонней основе. Центральная роль в этом принадлежит Организации Объединенных Наций как наиболее универсальной и самой представительной организации в мире [14, р. 2].

Соответствуют ли нанотехнологии и поддерживающая их НБИК-инициатива указанным ценностям и насколько? Утверждение человеческой личности центральной ценностью отражено уже в названии одного из базовых для НБИК-инициативы событий – конференции 2001 года «Конвергирующие технологии для улучшения функциональности человека». В обзоре ее материалов, выполненном М.К. Роко и В.С. Бэйнбриджем, признается, что хотя фокусирование на «человеческих измерениях» пока что остается слабым, однако на протяжении следующих десятилетий оно обещает стать доминирующим [см.: 12, р. 15]. Вообще, понятия «развитие человека», «расширение функциональности человека» и т.п. имеют здесь не только высокую частоту повторения, но и производят впечатление наиболее значимых. Рассмотрим в этой связи один из фрагментов обзора упомянутой конференции под названием «Трансформация цивилизации».

Глубокие изменения на протяжении ближайших двух десятилетий могут показаться ничтожными по сравнению с экстремальной трансформацией, которая может иметь место в конце XXI столетия. Процессы децентрализации и интеграции способны сделать общество еще более сложным, что найдет отражение в новой динамичной социальной архитектуре. Возможны совершенно новые модели производства, экономики, образования и военных конфликтов. Люди смогут приобрести совершенно новые способности для коммуникации друг с другом, с машинами, с институтами цивилизации. В некоторых областях человеческой жизни старые обычаи

и мораль сохранятся, но новые области активности и опыта труднопредсказуемы. Не исключено, что в областях, связанных с радикальными технологическими достижениями, будут использоваться существенно иные моральные принципы. Это может касаться использования мозговых имплантатов, роли роботов в человеческом обществе, пересмотра смыслового наполнения понятия «смерть» в условиях растущего экспериментирования с клонированием. Однако идентичность и достоинство человека должны быть сохранены, настаивают М.К. Роко и В.С. Бэйнбридж.

Подобно тому, как во время индустриальной революции машины конструировались для того, чтобы превзойти физическую силу человека и производительность ручного труда, компьютерные технологии будут способны не только повысить возможности человеческой памяти и мозга. По мнению всемирно известного физика Стивена Хокинга, искусственный интеллект может стать как одним из величайших достижений человечества, так и величайшей угрозой его существованию в случае его выхода из-под контроля [13], а «появление полноценного искусственного интеллекта может стать концом человеческой расы» [11]. Философ Ник Бостром (Оксфордский университет) высказывается по этому поводу следующим образом: «Существуют причины полагать, что нерегулируемые и бесконтрольные разработки могут привести к опасным последствиям, как из-за безответственных правительств, так и ввиду беспрецедентных возможностей таких систем» [9]. К предупреждениям Хокинга и Бострома фактически присоединились Элон Маск, Стив Возняк, Ноам Хомски и ведущие исследователи искусственного интеллекта (около тысячи человек), которые написали открытое письмо к ООН, где выражены их опасения по поводу «гонки по созданию военного искусственного интеллекта» и тех последствий, которые она может принести для всего человечества. Также они подчеркнули необходимость рассмотрения «вопроса о запрете разработки автоматизированного вооружения». По их мнению, несмотря на существующую убежденность в том, что технология автономного оружия может сни-

зять человеческие потери при ведении боевых действий, такая точка зрения является ошибочной, так как данная технология сама по себе может стать причиной новых войн [3]. Поэтому человечество должно в качестве важнейшей меры предосторожности обеспечить надежный контроль как над технологиями искусственного интеллекта, так и над технологиями, позволяющими существенно повысить возможности человеческого. При обеспечении надлежащего внимания к вопросам безопасности и морали такие технологии способны значительно повысить качество и продолжительность жизни [12, р. 8-19].

Как подтверждает и приведенный фрагмент, ценность человека, его идентичность и достоинство никоим образом не подвергаются сомнению ответственными учеными начала XXI века даже при допущении самых радикальных технологических нововведений в обозримом будущем. Для обеспечения защищенности этой фундаментальной ценности со стороны искусственного интеллекта, который превзойдет человеческое существо в физической силе, памяти, скорости мыслительных процессов и т.п., итоговый контроль над этими потенциально опасными для существования человечества технологиями должен оставаться за человеческим обществом. Проблема итогового контроля – важнейшая не только для дальнейшей свободной эволюции человеческого бытия, но и для его сохранения как такового. Поиск оптимального решения данной проблемы в тех или иных конкретных условиях не должен уходить из фокуса внимания специалистов, в том числе в области нанотехнологий, и философов. Но решение этой проблемы усложняется рядом существенных обстоятельств, порождаемых самим человеческим бытием.

Множество ценностей не является вполне однородным, а сами они – взаимно совместимыми. Более того, в пределах человеческого общества ценности не способны даже в принципе достичь какой-то окончательной гармонии. В реальном человеческом бытии они могут вступать – и вступают – в соперничество или даже в конфликты. Анализ этого обстоятельства посвящены работы известного российско-британского философа минувшего века Исаяи Берлина [см.: 2; 6; 5]. Если коротко резюмировать его

позицию, то ценностный монизм теоретически несостоятелен и практически обманчив. Не все хорошие вещи совместимы, а еще менее совместимы все идеалы человечества, – так Берлин утверждал плюралистичность и агональность основ общественного бытия. Вселенная не является космосом, гармонией, и пока это так, противоречия между ценностями могут быть внутренним, незаменимым элементом человеческой жизни, обобщил он [2, с. 564]. Но различающиеся или даже конфликтующие ценности или подсистемы однородных ценностей могут по-разному относиться как к самой идее итогового человеческого контроля, так и к его целям, инструментам или способам осуществления.

В рамках данной статьи достаточно сослаться на возможность конфликта свободы, точнее, свободы научного поиска, и основополагающей ценности – человеческой личности. Эта возможность, например, в области биотехнологий настолько реальна, что на ее предотвращение направлена одна из статей «Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека», принятой 19 октября 2005 г. на XXXIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. В данном документе, в частности, признание важности свободы научных исследований совмещается с утверждением необходимости того, чтобы такие исследования не выходили за рамки уважения человеческого достоинства, прав человека и основных свобод [4]. Принятая несколькими месяцами ранее «Декларация ООН о клонировании человека» в одном из пунктов призывает государства-члены ООН запретить все формы клонирования людей, включая, естественно, и научные исследования, в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни. Впрочем, в другом пункте этого документа содержится призыв при финансировании медицинских исследований, включая биологические науки, учитывать неотложные глобальные проблемы, такие, как ВИЧ/СПИД, туберкулез и малярия, которые особенно затрагивают развивающиеся страны [7]. Таким образом, признание приоритета ценности человеческой личности, ее достоинства или здоровья способно ограничить ценность

свободы научных исследований либо способствовать ей. Но существует ли безусловная гарантия, что отдельный ученый или группа исследователей не выберет иной приоритет? Что таковой будет состоять даже не в свободе на пути к познанию истины, а, например, в реализации какой-то очередной утопии, обещающей полное и безусловное счастье всем и каждому? Что итоговый человеческий контроль, основанный на таких ценностных приоритетах, можно признать приемлемым?

В рекомендациях Всемирной комиссии по этике научных знаний и технологий (COMEST), действующей под эгидой ЮНЕСКО, была отмечена необходимость проведения исследований того, как в рамках различных культур воспринимаются, определяются и проблематизируются нанотехнологии и, соответственно, как ставятся релевантные этические вопросы [8, с. 14]. Эта рекомендация в качестве предпосылки имеет, очевидно, признание неодинакового отношения к нанотехнологиям в разных культурах. В то же время различие культур в значительной степени определяется не совпадающими по составу и ранжированию совокупностями ценностей, связанными с ними верованиями и традициями. Поэтому отношение к различным аспектам нанотехнологий, включая итоговый контроль над их разработкой или внедрением, может существенно варьироваться в зависимости от системы ценностей той или иной конкретной культуры.

Агональный характер совокупности человеческих ценностей, с одной стороны, а с другой – реальное наличие весьма разнородных субъектов оценивания привносит существенное многообразие в аксиологические основания мировой постнеклассической науки, включая конвергирующие технологии. В связи с этим необходимо внести одно уточнение в структуру научного исследования в рамках концепции постнеклассической науки В.С. Стёпина [10]. Это уточнение направлено на констатацию сложности системы целей и ценностей исследования в духе ценностного плюрализма И. Берлина. Ценностные основания научных исследований, во-первых, не гомогенны – вплоть до наличия внутренних конфликтов; во-вторых, они не исчерпыва-

ются «общесоциальными представлениями», но могут иметь групповых или индивидуальных репрезентантов.

Сегодня ценностные основания нанотехнологий и НБИК-инициативы учеными декларируются как соответствующие базовым ценностям, провозглашенным «Всеобщей декларацией прав человека», «Декларацией тысячелетия ООН» и т.д. Более того, прогнозируемые радикальные нововведения в массе не предполагают пересмотра статуса человека и его достоинства как приоритетной ценности, хотя, вообще говоря, совокупность общесоциальных ценностей с течением времени может изменяться. Для сохранения данного приоритета необходимо, чтобы итоговый контроль оставался за человеком, человеческим обществом. Однако на пути позитивной реализации этого требования существуют серьезные препятствия. Они связаны с агональным характером приемлемых в цивилизованном мире ценностей, с разнородностью субъектов оценок и соответствующей их активности.

Предположим идеальный случай, когда конвергирующие технологии или НБИК-инициатива имеют место в современном полностью правовом государстве с вполне моральными и законопослушными гражданами. Даже в этом случае ценностные основания исследований могут варьироваться в зависимости от признания конкретной группой или отдельным ученым приоритета той или иной из приемлемых, но агональных ценностей, например, в зависимости от политических убеждений или культурной принадлежности ученых. Еще один существенный неустрашимый фактор разнообразия – время, поскольку система ценностей способна к эволюции, а акценты на том или ином из ее элементов со временем могут изменяться. В реальности разнообразие ценностных оснований научных исследований возрастает в случае не вполне моральных или правовых девиаций разного уровня. В этом случае они и направляемые ими конвергирующие технологии, конкретные имплементации НБИК-инициативы способны вступать в противоречие с принятой в цивилизованном мире начала XXI века системой ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бейлин, М.В. Світосприйняття техносфери: сутність, модифікація, еволюція // Практична філософія. 2012. № 4 (46). С. 95-100.
2. Берлін, І. Два концепти свободі // Лібералізм: антологія. Київ: Смолоскип, 2002. С. 531-567.
3. Ведущие ученые мира призвали запретить использование искусственного интеллекта в военных целях. [Электронный ресурс] URL: <http://zn.ua/TECHNOLOGIES/veduschie-uchenye-mira-prizvali-zapretiti-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-voennyh-celyah-183814.html> (дата обращения: 02.09.2015).
4. Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/bioethics_and_hr.pdf (дата обращения: 02.09.2015).
5. Грановская, О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51-59.
6. Грей, Д. Про негативну і позитивну свободу // Лібералізм: антологія. Київ: Смолоскип, 2002. С. 531-567.
7. Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения: 02.09.2015).
8. Нанотехнологии и этика. Политика и направления деятельности. Париж : ЮНЕСКО, 2008. 16 с.
9. Оксфордский университет предупредил о возможной опасности искусственного интеллекта. [Электронный ресурс] URL: <http://zn.ua/TECHNOLOGIES/oksfordskiy-universitet-predupredil-o-vozmozhnoy-opasnosti-iskusstvennogo-intellekta-181803.html> (дата обращения: 02.09.2015).
10. Стёпин, В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Издательский дом «Мирь», 2009. С. 249-295.
11. Хокинг: искусственный интеллект – угроза человечеству. [Электронный ресурс] URL: http://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger (дата обращения: 02.09.2015).
12. Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. NSF/DOC-sponsored report. Ed. by M. Roco and W. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2003.
13. Hawking, Stephen. Transcendence looks at the implications of artificial intelligence but are we taking AI seriously enough? URL: <http://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence--but-are-we-taking-ai-seriously-enough-9313474.html> (дата обращения: 02.09.2015).
14. United Nations Millennium Declaration // United Nation A/Res/55/2. 18 September 2000. 9 p. URL: <http://www.un-ngls.org/IMG/pdf/millennium.pdf> (дата обращения: 02.09.2015).

REFERENCES:

1. Beilin, M.V. The Perception of the Technosphere: Essence, Modification, Evolution. *Praktichna filosofiya*. № 4 (46). 2012. Pp. 95-100.
2. Berlin, I. Two Concepts of Freedom. *Liberalism: An Anthology*. Kiev: Smoloskip, 2002. Pp. 531-567.
3. *Leading Scientists of the World Have Called for the Ban of the Use of Artificial Intelligence for Military Purposes*. [Online] URL: <http://zn.ua/TECHNOLOGIES/veduschie-uchenye-mira-prizvali-zapretit-ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-voennyh-celyah-183814.html> (date of access: September 9, 2015).
4. *The Universal Declaration on Bioethics and Human Rights*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/bioethics_and_hr.pdf (date of access: September 9, 2015).
5. Granovskaya, O.L. Isaiah Berlin: British Liberalism and Russian Philosophy (A Dialogue of Worldviews). *Voprosy filosofii*. № 9. 2014. Pp. 51-59.
6. Gray, J. On the Negative and Positive Freedom. *Liberalism: An Anthology*. Kiev: Smoloskip, 2002. Pp. 531-567.
7. *The United Nations Declaration on Human Cloning*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (date of access: September 9, 2015).
8. *Nanotechnology and Ethics. Policies and Activities*. Paris: UNESCO, 2008. 16 p.
9. *Oxford University Warned of the Possible Dangers of Artificial Intelligence*. [Online] URL: <http://zn.ua/TECHNOLOGIES/oksfordskiy-universitet-predupredil-ovo-zmozhnoy-opasnosti-iskusstvennogo-intellekta-181803.html> (date of access: September 9, 2015).
10. Stepin, V.S. Classics, Nonclassics, Postnonclassics: Criteria for Distinguishing. Postnonclassics: philosophy, science, culture. St. Petersburg: Publishing House «Mir», 2009. Pp. 249-295.
11. *Hawking: Artificial Intelligence – Danger to Humanity*. [Online] URL: http://www.bbc.com/russian/science/2014/12/141202_hawking_ai_danger (date of access: September 9, 2015).
12. *Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. NSF/DOC-sponsored report. Ed. by M. Roco and W. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Acad. Publ., 2003.
13. Hawking, Stephen. *Transcendence looks at the implications of artificial intelligence but are we taking AI seriously enough?* [Online] URL: <http://www.independent.co.uk/news/science/stephen-hawking-transcendence-looks-at-the-implications-of-artificial-intelligence--but-are-we-taking-ai-seriously-enough-9313474.html> (date of access: September 9, 2015).
14. *United Nations Millennium Declaration*. United Nation A/Res/55/2. 18 September 2000. 9 p. URL: http://www.un-ngls.org/IMG/pdf_millennium.pdf (date of access: September 9, 2015).

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-110-125

Пенской В. В.

**СВЯТОЙ ИЛИ “ERBFEIND
GANTZER CHRISTENHEIT”?
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА:
ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор поднимает проблему объективной оценки личности первого русского царя, Ивана Грозного, и его деятельности. Автор показывает, что в отечественной и зарубежной историографии, а вслед за нею и в общественном мнении сложились устойчивые представления об Иване IV как эталонном тиране и бездарном правителе, который, удалив от себя мудрых советников и помощников, своими действиями разрушил все благие начинания начала своего правления и привел Россию к глубочайшему кризису. По мнению автора, такая оценка деятельности Ивана Грозного, с одной стороны, однобока и не учитывает специфических условий, в которых пришлось действовать Ивану, а с другой стороны, изначально политизирована и идеологизирована, будучи созданной и последовательно развиваемой в условиях острой политической борьбы, характерной для России XIX в. Между тем, как доказывает автор, комплексный подход к внутренней и внешней политике Ивана IV и его «правительства» с учетом сложных условий, в которых им приходилось действовать, позволяет утверждать, что гиперкритический взгляд на деятельность первого русского царя серьезно искажает историческую действительность.

Ключевые слова: история России; XVI век; Иван Грозный; опричнина; социальная структура; искусство государственного управления; карамзинская схема.

UDC 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-3-110-125

*Vitaly V. Penskoy***SAINT OR «ERBFEIND GANTZER
CHRISTENHEIT»?
IVAN THE TERRIBLE AND HIS
ERA: CHARACTER AND REALITY**

Penskoy Vitaly Viktorovich, *Doctor of Historical Sciences, Professor*
Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Abstract

The author discusses the problem of objective evaluation of the personality and living of the first Russian tsar Ivan the Terrible. It is shown that domestic and foreign historiography and public opinion have fallen under the impression of Ivan IV as a sample tyrant and a mediocre governor. Having retired his wise counselors and assistants, he destroyed all the good deeds and led Russia to the deepest crisis. According to the author, this assessment of Ivan the Terrible, on the one hand, is one-sided and does not take into account the specific conditions in which he had to act. On the other hand, it is being created and subsequently developed in the conditions of acute political struggle; it is politicized and ideologized. Meanwhile, the author argues that a comprehensive approach to domestic and foreign policies of Ivan IV and his “government” suggests that hypercritical view on the living of the first Russian tsar seriously distorts the historical reality.

Key words: Russian history; XVI century; Ivan the Terrible; oprichnina; social structure; statecraft; Karamzin scheme.

В русской истории фигура первого русского царя, Ивана Грозного, личности чрезвычайно сложной, противоречивой и во многом загадочной, подлинного русского сфинкса, в котором все было величественно чрезмерно – и гений, и злодейство, – занимает особое место. Пожалуй, ни один русский монарх не удостоился такой посмертной «славы», как он, и образ грозного царя настолько мифологизирован, что за плотной завесой штампов истинный облик самого Ивана и его эпохи порой просматривается с превеликим трудом.

Почему же так получилось, что и в исторической традиции, и в общественном сознании не только России, но и ближнего и дальнего ее зарубежья далеко не однозначный образ Ивана Грозного ассоциируется в первую и чуть ли единственную очередь со своего рода «эталоном» кровавого злодея и тирана, выделяющимся своими тиранствами и злодействами даже на фоне других тиранов и злодеев отнюдь не вегетарианского XVI столетия, века Реформации и Контрреформации, войн, мятежей и заговоров?

Шанс найти ответ на этот вопрос дает, быть может, тезис, выдвинутый отечественным историком Е.С. Корчминой (произнесены эти слова были, правда, по другому поводу, но прекрасно подходят к нашему случаю): «Обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем *сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное* (курсив мой. – В.П. Именно так: не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное!). В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым еще предстоит дать ответ...» [12, с. 78].

Итак, обобщения предшествовали накоплению (и от себя добавим – осмыслению) эмпирического материала. И автора этих обобщений найти не так уж сложно. В свое время русский историк Р.Ю. Вишпер отмечал, что первому русскому царю не посчастливилось на литературных защитниках [6, с. 109]. Не нашлось у Ивана своего Каллисфена и

Птолемея Лага, тогда как суровых, более чем предвзятых критиков оказалось с излишком. И главным из них стал князь Андрей Курбский, друг, а потом злейший враг Ивана Грозного. Автор биографии князя А.И. Филюшкин, предваряя повествование о бурной и переменчивой жизни и трудах Курбского, отмечал, что именно сочинения князя Андрея стали одними из важнейших источников по эпохе Ивана Грозного, и «Курбский отомстил своему врагу, Ивану Грозному, прежде всего тем, что сумел навязать читателям свой взгляд на русскую историю XVI века, который до сих пор определяет оптику нашего видения эпохи царя Ивана Васильевича». В итоге получилось то, что «вот уже несколько столетий мы смотрим на русский XVI век через очки, надетые Андреем Курбским на историков» [18, с. 9].

Но вот что любопытно: если взять, к примеру, русскую «публицистику» (мы намеренно взяли это слово в кавычки, ибо к произведениям русской книжности конца XVI–XVII вв. этот современный термин не вполне подходит), то нетрудно заметить, что русские книжники того времени были не столь однозначны в оценках Ивана Грозного и его эпохи. С одной стороны, были те, кто осуждал Ивана и давал ему и его деяниям сугубо негативную оценку, например, дьяк Иван Тимофеев, автор знаменитого «Временника», повествующего о Смутном времени. Или некий пожелавший остаться безымянным псковский летописец, осуждавший царя Ивана за то, что тот «наполнил грады чюжие русскими людьми, а свои пусты сотвориши» [15, с. 262].

Но есть и другое мнение, например, князя Ивана Катырев-Ростовского. Вскоре после Смуты он, рассказывая о деяниях Ивана Грозного, писал, что царь «очи имея серы, нос протягновенен, поклап; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты; муж чюдного разсужения, в науке книжняго почитания доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятель». Правда, затем князь не преминул добавить и немалую ложку дегтя: «На рабы, от Бога данья ему, жестосерд велми, на пролитие крови и на убиение дерзостен велми и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия

грады свои поплени, и многия святителския чины заточи и смерти немилостивою погуби, и иная многая содеях над рабы своими, жен и дочерей блудом оскверни». Но, осудив Ивана за грехи его тяжкие (в которых, кстати, сам царь никогда не запирался, в отличие, к примеру, от князя Андрея), князь завершил свою характеристику первого русского царя, что называется, «за здравие», ибо «той же царь Иван многая и благая сотвори, воинство велми любляше и требующая им от сокровищ своих неоскудно подаваше (курсив мой. – В.П. Выходит, что Иван Грозный услышал обращенные к нему слова Ивана Пересветова, призывавшего царя любить свое воинство?). Таков же царь Иван...» [11, стб. 707-708].

Прошло еще полвека, и дьяк (опять дьяк! – В.П.) Федор Грибоедов сочиняет свою историю государства Российского, и в одной так характеризует образ первого царя: «Он же убо великий государь, имый разум благообычен и зело благоумен, еще ж и во бранех на супротивных искусен и велик в мужестве и ратник непобедим, храбросерд же и хитрь конник и варварские страны, аки молния, борзо обтече и вся окрестные устраши и прегордыя фряги (надо полагать, ливонские немцы. – В.П.) покори. Бысть же и в словесней премудрости ритор естествословен и смышлением быстроумен, доброзначен же и благ, дерз в воинстве; еще же и житие благочестиво имея и ревностию по Бозе присно препоясуяси и благонадежныя победы мужеством окрестны многонародныя царства прият Казань и Астарохань и Сибирскую землю. И тако Руския земли держава пространством разливашеся и народи ея веселием ликовашу и победныя хвалы Богу возсылаху...» [8, с. 24-25].

Но что еще более интересно, это как образ царя Ивана оказался запечатлен в народных исторических песнях – своего рода народном «учебнике» русской истории (именно Иван Грозный оказался удостоен такой чести – стать персонажем устного народного творчества – ни его дед Иван III, который первым заслужил прозвище «Грозный», ни его отец Василий III этого не сподобились!). В них Иван действительно предстает грозным царем, «добре крутым» и скорым на расправу с изменниками и «ворами», и даже статус

царского сына не гарантирует безопасности, если он, сын, будет заподозрен в «воровстве» и измене. Но в то же время горячий, вспыльчивый и крутой царь отходчив, готов выслушать другое мнение и восстановить справедливость, достойно наградив верного слугу. Но что еще более любопытно, так это то, что в песнях сказывается про то, как царь Иван взял Казань и Астрахань, про противостояние с крымским ханом, и про то, что войско царево до крайности огорчено его смертью, но вот казни и прочие тиранства проходят вторым, третьим планом, да и то они дело рук и наветов злоумышленников.

Одним словом, выбор точек зрения и мнений относительно личности царя Ивана и его деятельности в исторической памяти русского народа самый разнообразный, от откровенно негативного, даже можно сказать «чернушного», до столь же откровенно панегирического, и мнение князя Катыева-Ростовского выглядит среди этого раздолья едва ли не самым взвешенным и умеренным. Но возобладала точка зрения князя Андрея, хотя не вызывает сомнения тот факт, что послания Курбского к Ивану, и в особенности его «История о великом князе московском», относятся к жанру исторического памфлета с характерными для него преувеличениями. И нет ничего страшного в том, что эти памфлеты, написанные не чернилами, но желчью, используются историками – увы, от эпохи Ивана Грозного осталось не так много документов, как бы хотелось, а некоторые периоды ее и вовсе плохо отражены в источниках.

Но на беду «История» князя Курбского попала в руки «Колумбу российских древностей» Н.М. Карамзину. Почему на беду? Здесь стоит вспомнить слова, принадлежащие упомянутому выше Р.Ю. Випперу: «Историк зависит в своих взглядах и приемах от сменяющихся увлечений и философских настроений. Ведь и наше неотступное желание найти связь между событиями внешней истории и усложнением внутренней жизни – результат могущественного влияния современной общественной мысли. Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он

СВЯТОЙ ИЛИ «ERBFEIND GANTZER CHRISTENHEIT»?
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

как будто читает и видит то, что хочет прочитать и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлением интересов. Однако надо признать, что, в свою очередь, и памятник оказывает свое давление на ученого, вдохновляет и направляет мысль историка. В историческом документе есть скрытая энергия, обаянию которой мы все невольно поддаемся...» [6, с. 108-109].

Карамзин же, будучи сыном эпохи Просвещения и писателем-сентименталистом (а не историком-профессионалом), нуждался именно в таком взгляде на эпоху Ивана Грозного, чтобы выстроить величественную трагедию в античном духе, картину «двух Иванов», «хорошего» (времен Избранной Рады и покорения Казани) и «плохого» (времен Ливонской войны и опричнины). Одновременно Карамзин решал и другую задачу – отрицательной характеристикой Ивана, по словам Р.Ю. Виппера, «оттенить сияющий всеми добродетелями образ Александра I и его «великой бабки», монархов гуманных и справедливых, исключительно преданных народному благу ...» [6, с. 108]. От себя мы добавим, что Карамзин, описывая злодеяния тирана, метил еще и в отца Александра, Павла I, тем самым противопоставляя идеального самодержавного монарха неидеальному. И обличение тирании Ивана IV во время «дней Александровых прекрасного начала» звучало более чем злободневно, актуально и в тоже время политкорректно – неудобно говорить прямо о тиранических наклонностях Павла, убитого заговорщиками в Михайловском замке!

В итоге вышло так, что, по меткому наблюдению все того же Виппера, «Карамзин в своем изображении дал, можно сказать, классическую схему для личной и правительственной истории Грозного, от которой до сих пор мы не можем отрешиться: до 1560 года это государь прекрасный, добрый и разумный, поскольку он весь под влиянием мудрых руководителей; после 1560 г. прорывается натура порочная, злобно безумная, свирепствующая на просторе, извращающая здравые государственные начала». И, продолжая свою мысль, историк с сожалением констатировал, что «русские историки последующего времени, хотя и чуждые идеализации просвещенной

монархии, удержали, однако, неблагоприятную оценку Грозного» [6, с. 108].

Действительно, так или иначе, но изучение эпохи Ивана Грозного до сих пор в той или иной мере, но вращается вокруг схемы «двух Иванов», воспроизводимой в разных вариациях, на что и указывал, к примеру, упоминавшийся нами А.И. Филюшкин. Между тем, при внимательном и непредвзятом анализе имеющихся в нашем распоряжении исходных материалов нетрудно заметить, что в случае с Иваном Грозным и карамзинской схемой перед нами тот самый классический случай, когда обобщение явно опережало не только осмысление накопленного эмпирического материала. Во-первых, основной массив источников по эпохе Ивана Грозного в начале XIX в. еще только предстояло ввести в научный оборот, а во-вторых, эти источники еще *предстояло осмыслить и интерпретировать* (курсив мой. – В.П.). Но вот именно здесь и кроется корень зла – беспристрастного и вместе с тем нелицеприятного разбора и анализа свидетельств о жизни и деяниях Ивана Грозного не произошло. Почему? В поисках ответа на этот вопрос опять обратимся к мнению авторитетов. Известный медиевист А.Я. Гуревич писал в свое время, что «историк вопрошает прошлое от имени современности», и «проблемы, которые ставит историк, прямо или косвенно связаны с потребностями современной культурной и идеологической жизни» [10, с. 564].

«Историк вопрошает прошлое от имени современности» и вопросы, которые он ставит, связаны с большими вопросами этой самой современности – вот, пожалуй, те самые «ключи», которые, на наш взгляд, способны стать той отмычкой, что позволит открыть тайну царя Ивана. И снова меткое замечание Р.Ю. Виппера, который, отвечая на вопрос о том, почему карамзинская схема «двух Иванов» оказалась столь живуча, мягко намекнул, что «отчасти это случилось потому, что осуждение тирана служило одним из благодатных мотивов оппозиционно-либеральной риторики» [6, с. 108]. И «История...» князя Курбского, и сочинения других критиков Ивана, русских и зарубежных, давали обильную пищу для поддержания этого либерально-оппозиционного

и гиперкритического дискурса в отечественной (тем более, зарубежной) «Грозниане». При этом любопытно отметить, что всплески гиперкритического отношения к Ивану IV совпадают со временами «потепления» и «оттепели» в общественном настрое русского общества, и наоборот, – на примере грозненского дискурса можно изучать динамику колебаний исторического мэйнстрима в соответствии с колебаниями «генеральной линии».

А что, если попытаться отойти от карамзинской схемы, восходящей своими корнями к писаниям князя Андрея Курбского и дьяка Ивана Тимофеева, если не брать в расчет историческую беллетристику, каковой, по большому счету, являются как «История» Курбского, так и «Повесть» князя Катырева-Ростовского и «История» дьяка Грибоедова? Что, если, отойдя от устоявшихся схем и мнений авторитетов (ведь авторитеты тоже люди, а людям свойственно заблуждаться и ошибаться), взглянуть на историю эпохи Грозного, как говорится, с чистого листа? Итак, прежде всего условия задачи: какой была обстановка, в которой предстояло действовать юному Ивану?

Для начала последуем совету Р.Ю. Виппера, который укорял русских историков за «почти всеобщее увлечение «внутренней» историей в ущерб «внешней»...» [6, 108], и коснемся именно «внешней» истории – охарактеризуем внешнеполитическое положение Русского государства в 30–40-х гг. XVI в. А оно, это положение, было существенно хуже, нежели при Иване III и Василии III (впрочем, оно и при деде и отце Ивана было непростым, но теперь характер задач, которые предстояло решать, стал еще сложнее). При Иване III и Василии III завязались три «узелка», которые теперь предстояло развязать или разрубить – по примеру Александра Македонского – Ивану IV.

Первый «узелок», «литовский», обозначился задолго до Ивана III, еще в XIV в., когда великий князь литовский Ольгерд шаг за шагом округлял свои владения, присоединяя одно русское княжество за другим. Он настолько преуспел в этом, что Великое княжество Литовское (ВКЛ) по праву можно назвать «другой Русью», и именно Гедиминовичи могли бы,

пойди история другим путем, стать объединителями всей Русской земли. Но не пошла, и после смерти преемника Ольгерда, великого князя Витовта (потомком которого, кстати сказать, был Иван Грозный, поскольку прадед Ивана, Василий II, был сыном великого московского князя Василия Дмитриевича, наследника Дмитрия Ивановича Донского, и дочери Витовта Софьи), экспансия Литвы на востоке постепенно сошла на нет. Москва, раньше с большим и или меньшим успехом оборонявшаяся, но при этом отступавшая шаг за шагом, почувствовав слабость, приободрилась и перешла в контрнаступление. При Иване III успешная и менее, но все же успешная, при Василии III русская экспансия на западном направлении привела к тому, что ВКЛ утратило целый ряд пограничных земель и городов, главным из которых был Смоленск с округой. И это не считая того, что ВКЛ полностью была утрачена сфера влияния на Северо-Западе – и Псков, и Новгород, и Тверь, не говоря уже о Рязани (а это уже юго-восток). Естественно, что в Вильно этим были жестоко обижены и оскорблены. Проблема утраченных в конце XV – начале XVI вв. Литвой земель, в особенности Смоленска, отныне отравляла отношения Москвы и Вильно и стала главным препятствием на пути установления действительно «вечного мира» между двумя этими государствами. Мирного разрешения спора не предвиделось (как оказалось потом, ни в какой перспективе), а значит, новая большая война между Москвой и Вильно была неизбежна.

Второй узелок, который, опять же в перспективе, после допущенных в начале 40-х гг. московской Боярской думой ошибок стал первым, – «татарский». Иван III, играя на противоречиях между татарскими «юртами» (Крым, Казань, Астрахань и ногаи опасались собственно Орды, не желая снова ходить под ней), сумел разобщить единый фронт татарских государств, завязать дружеские отношения с Крымом и с ногаями, подчинив своей воле Казань. При нем татарская угроза если и не сошла на нет полностью, то, во всяком случае, существенно уменьшилась (потому-то Иван и мог сосредоточиться на Литве). Однако после окончательного распада Орды в самом начале XVI в. крымские Гирейи, примерив-

СВЯТОЙ ИЛИ «ERBFEIND GANTZER CHRISTENHEIT»?
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

шие на себя царский венец, сочли, что он им к лицу, и возжелали играть главную скрипку в хоре татарских юртов. Более того, Гирей захотели быть дирижером в этом оркестре, став первыми на постордынском пространстве. А это никак не входило в планы Москвы.

Естественно, что начался процесс постепенного охлаждения русско-крымских отношений, и, в конце концов, дело дошло до откровенного разрыва и набега Мухаммед-Гирея I на Москву летом 1521 г. С этого момента крымская угроза (вместе с казанской, поскольку в Казани окончательно оформилась и подняла голову прокрымская партия) стала реальностью. Знаменитые слова имперского дипломата С. Герберштейна о том, что даже если московский государь «не ведет никакой войны, то все же ежегодно по обычаю ставит караулы [в местностях около Танаиса и Оки] числом в двадцать тысяч для обуздания набегов и грабежей со стороны перекопских татар» [7, с 241], относятся именно к этому времени. Правда, Василию III в полной мере почувствовать вес татарский гири на ногах не удалось, хотя не подлежит сомнению тот факт, что остановка московской экспансии на западном направлении после взятия в 1514 г. Смоленска во многом была продиктована именно недружелюбной, более того, враждебной позицией Крыма. Уже в 1523 г. Мухаммед-Гирей, овладевший было Астраханью, был убит там ногами, в Крыму началась долгая «замятня», и Кыркору стало не до реализации грандиозных внешнеполитических затей. Однако не учитывать теперь этот внешнеполитический фактор в Москве уже не могли. Перспективы выглядели крайне неблагоприятными, ибо теперь интересы Москвы и Кырора коренным образом расходились: Россия ни в коем случае не нуждалась в сильном Крыме, а Кыркору растущая и усиливающаяся за счет Литвы и других татарских юртов Москва опять же была совсем не впрок. К тому же и «замятня» в Крыму закончилась как раз в начале 30-х гг., когда к власти пришел энергичный и властный Сахиб-Гирей I, не менее своего предшественника Мухаммед-Гирея I увлеченный имперскими планами.

Третий узелок, назовем его «европейским», тоже завязался при Иване III. Имен-

но при нем, говоря словами не модного ныне классика, «изумленная Европа (и не только она, – В.П.), в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвиты» [14]. Именно тогда, в конце XV в. Россия предприняла первую попытку «встроиться» в качестве равноправного участника формирующегося «европейского концерта», завязав отношения со Священной Римской империей, римской курией и рядом других европейских государств. Империя и Рим, столкнувшись с этими претензиями, прозвучавшими от силы, которая никак не встраивалась в уже привычный для них образ мира, испытали определенный культурный шок. Увидев открывающуюся перед ними перспективу обратить прирученного русского медведя, к примеру, против Великого Турка (перед которым трепетала тогда вся Европа) и пополнить паству римского епископа миллионами подлинных христиан, и в Риме, и в Вене «были так потрясены, что, охваченные восторгом, казались лишенными ума» [17, с. 29]. Однако очень скоро оказалось, что москвиты, щедрые на туманные авансы и обещания, отнюдь не торопились идти на поводу императора и папы. Скорее наоборот, они сами желали использовать и императора, и папу в своих, московитских интересах, не имевших ничего общего с мечтаниями что римских, что венских прожектеров.

Одним словом, во время 1-й Смоленской войны 1512–1522 гг. взаимные иллюзии относительно «встраивания» и «приручения» развеялись в дым, «безумие» закончилось, впрочем, как и трезвый политический расчет, на смену которому пришла пресловутая «Rusche Gefahr», «русская угроза», усердно раздуваемая из Кракова и Ливонии. Изменение отношения Империи (а вместе с ней и Европы в целом) к России хорошо заметно, если проанализировать тексты европейской *Rossica* конца XV–середины XVI вв., в которых восторг сменяется разочарованием, а от последнего недалеко было уже и до «черной

легенды» и соответствующего негативного «пиара» по отношению к Московии, москвитам и их правителю. В общем и целом, к 40-м гг. заинтересованное и в известной степени благожелательное отношение Европы (мы имеем в виду прежде всего Империю, ибо ту же Францию или Испанию, да и Англию – если судить по дипломатической переписке британского двора – проблемы Восточной Европы интересовали в чрезвычайно малой степени, если вообще интересовали) сменяется на настороженное, стремящееся к неблагоприятному. Малейшего толчка было достаточно, чтобы неблагоприятное отношение сменилось на откровенно враждебное. События 2-й половины 40-х гг. XVI в. стали наглядным тому подтверждением, когда магистр Ливонского ордена И. фон дер Рекке сумел сорвать наметившееся было сближение (на антитурецкой почве) Империи и Москвы и добиться запрета на поставки оружия, двойных технологий и проезда военных и технических специалистов на службу к Московиту в разгар русско-казанской войны 1545–1552 гг. И случайно ли, что именно в это время появляются на свет ментально ставшие бестселлером «Записки о Московии» имперского дипломата С. Герберштейна, неоднократно бывавшего в России при Василии III и заложившего основы «черной легенды» о Московии как «стране рабов, стране господ» под властью тирана?

Таким образом, подводя общий итог «внешнеполитической» части наших тезисов, отметим, что та внешнеполитическая обстановка, в которой предстояло действовать молодому Ивану IV (XVI в. для Европы – это век экспансии, в ней участвовали все, никто не мог отсидеться), была сложнее, а пространство для политического маневра существенно уже, чем у его предшественников.

Но, помимо «внешних», перед Иваном неизбежно должны были встать и «внутренние» вызовы. А какими были они, «внутренние» «узелки», которые предстояло развязывать (или опять же рубить) оному государю?

Начнем по порядку. Как известно «короля делает свита». А что представлял собой правящий слой Московского государства, его элита, тесною толпою окружавшая трон и

делившая власть с государем? Тут все было очень непросто к моменту вокняжения малолетнего Ивана. Со времен деда, Ивана Грозного Большого, правящая элита Московского государства утратила свою прежнюю относительную монолитность, установившуюся после смуты времен Василия II. Старомосковское боярство, стеной стоявшее за Калитичей, было постепенно оттеснено на второй план более знатными княжатами – как бывшими удельными, так и выезжими из Литвы. Среди княжат было немало «дауншифтеров», перешедших в разряд служилых князей, но осталось и немало таких, кто сохранил большие вотчины (естественно, не пустые, со множеством своих клиентов и служилых людей). Мало того, не стоит забывать и о том, что многие из выезжих князей принадлежали к Рюриковичам и к Гедиминовичам – фамилиям, в жилах которых текла кровь настоящих наследственных правителей. Отношения между «старожилами» и «понаехавшими» неизменно усложнились – понятия «родовая честь» и «место» никто не отменял, как и политические соображения: обижать выезжих было нельзя – а то ведь они как выехали, так и обратно уехать могут, и хорошо, если сами по себе, а если вместе с землями? Иван III, при котором эта ситуация начала складываться, с ней справлялся, Василий III – тоже. Теперь эту задачу предстояло решать Ивану IV. И от того, насколько успешно он сумеет «разруливать» возникающие противоречия и напряженность внутри этого узкого слоя правящей элиты, зависела и устойчивость Русского государства, и успех проводимой им внешней и внутренней политики. Проблема, стоявшая перед Иваном, была чрезвычайно сложной, ибо сдерживаемая твердой рукой Василия III («всех одинаково гнетет он [жестоким] рабством» [7, с. 89]) напряженность буквально в первые же дни после его смерти, еще не успело остыть тело покойного, выплеснулась наружу: «бояре велики у великой незгоде з собою мешкают и мало ся вжо колко крот ножи не порезали...» [1, с. 331].

Уместно будет привести суждение отечественного исследователя Д. Уварова, который писал, что «власть средневекового короля была следствием “добровольного согла-

шения” феодалов и держалась лишь до тех пор, пока большинство ее признавало хотя бы пассивно, а меньшинство готово было поддержать активно, по приказу короля расправляясь с каждым из ослушников. Когда король принадлежал к утвердившейся династии и его авторитет носил “сакральный”, безусловно признанный характер, столь же безусловно признавалось и его право на исполнение его приказов подданными, от простолюдина до герцога. Это теоретическое право превращалось в практическое, когда король обладал и *личным авторитетом, твердым характером, опытом, знанием феодального права, взаимоотношений между вассалами и умением находить нужный тон с ними* (курсив мой. – В.П.)...» [16, с. 32]. Зададимся вопросом, какими качествами из вышеперечисленных обладал юный Иван? Практически ни одним из них. Потому-то он никак не мог выступать в роли верховного арбитра, способного справиться с распрями и рассудить тяжущихся и конфликтующих бояр, что не обладал ни должными навыками, ни авторитетом, ни опытом.

И вот тут необходимо еще раз подчеркнуть коренное отличие Грозного-младшего от Грозного-старшего и от Василия III. Ивану III довелось еще юношей поучаствовать в событиях завершающей стадии войны Юрьевичей с его отцом, де-факто став соправителем слепого великого московского князя. Опыт, который он получил к моменту восшествия на стол, был просто бесценным. Сын его и наследник Василий III тоже изрядно поднатерел в искусстве управления и интриг, так что, став в свою очередь великим князем, он уже был достаточно опытен и искусен. Этот опыт, эти умения, знания и навыки нельзя было получить книжным путем – только на практике, поварившись в котле придворных интриг и большой политики. Более того, «книжный» путь был опасен тем, что, увлекшись идеальными схемами, можно было заварить изрядную кашу, попытавшись применить эти схемы на практике, и похоже что, по меньшей мере, один раз Иван IV на этом сильно обжегся, когда увлекся идеей крестового похода против басурман. Практического опыта у юного Ивана IV не было и в

помине – плавного перехода власти от отца к сыну или хотя бы от регентского совета к наследнику престола не получилось. Боле того, Иван надолго стал игрушкой в руках противоборствующих боярских кланов, отнюдь не торопившихся отдавать свалившуюся к ним в руки власть юному государю. В самом деле – чем Шуйские, к примеру, или Бельские хуже этого Калитича? «Породой» вышли, кровь самая что ни на есть «царская» – сам Иван позднее это признавал; править и сами умеем, ну а то, что государь молод, так то нам, боярам-княжатам, и на руку – умом слаб и нам во всем поваден будет. И еще одно важное обстоятельство: не стоит полагать, что бояре всенепременно спешили изменить и перебежать на «ту» сторону. Напротив, они горой стояли за сохранение status quo, который позволял им в одиночку, без конкурентов, конвертировать власть в движимость и недвижимость, и наоборот. Все «заигрывания» боярства московского с внешней силой (будь то поляки или шведы, к примеру), сводились к тому, чтобы посадить на московский стол слабого, зависимого от бояр государя, который не мешал бы им пользоваться своим привилегированным статусом. При этом иностранцы от богатой кормушки однозначно отстранялись бы.

На сложную ситуацию вокруг трона и при дворе накладывалась не менее сложная ситуация с пресловутой «вертикалью власти». Ю.Г. Алексеев высказал любопытную гипотезу о «земско-служилом государстве», которое сложилось при Иване III: «... реальной основой этого государства явились служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России. Вопреки мнению, долгое время господствовавшему в нашей историографии, Русское государство не знало “закрепощения сословий”. Обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстаивать независимость и целостность России, с другой же стороны – патернализмом как основной формой отношений между

главой государства и его подданными...» [2, с. 431-432].

Принимая основные положения данной гипотезы в целом, мы бы заметили, что это «земско-служилое» государство сложилось все-таки не при старшем Грозном (Иване III), а при младшем (Иване IV), в результате его «политики» 50 – нач. 60-х гг. (до начала очередной русско-литовской войны). Точнее, пресловутые «реформы Избранной рады» (используем этот устоявшийся историографический термин, хотя он, на наш взгляд, и не слишком удачный) завершили в основных чертах его формирование, начатое в конце XV в. или даже раньше. Суть же этого процесса состояла во взаимной «притирке» интересов центра и «земли», точнее «земель», ибо Московское государство, подобно Испании или Франции, складывалось постепенно. И эта постепенность неизбежно вела к тому, что территориально-государственная структура при кажущейся внешней монолитности носила рыхлый, «лоскутный» характер. При этом стоит подчеркнуть, что мы вкладываем в понятие «лоскутность» несколько иной смысл, чем может показаться вначале. Сама по себе мысль о том, что Московское государство вовсе не было столь уж централизованным, отнюдь не нова. Но, по нашему глубокому убеждению, дело не только и даже не столько в уделах, сколько в том, что Московское государство включало в себя (в каждом конкретном случае – на определенных условиях) территории со сложившейся в разное время довольно устойчивой «старинной», со свойственным каждой такой «старине» характерным и неповторимым внутренним распорядком вещей, традиций и обычаев. В условиях, когда центральная власть не обладала надежными инструментами проведения своей воли и политики на местах, при отсутствии более или менее развитой бюрократии, регулярной армии, полиции (тайной в особенности) и прочих атрибутов современной государственности и политического режима, она волей-неволей должна была согласовывать свои действия с местными элитами, «земскими» «лутчими людьми», у которых, в свою очередь, были прочные связи на самом верху, среди придворного боярства – взять тех же Шуйских! Между прочим, этот процесс

был двусторонним – влияние Шуйских и им подобных родовитых фамилий базировалось не только на их собственном «административном» ресурсе, но еще и на связях с «землей». А «лутчие люди», в свою очередь, опирались не просто на мнение «земли», а главным образом на мнение «земских» служилых корпораций, объединявших местных детей боярских, а также верхушки посадков. При этом не стоит забывать о том, что в те времена вооружены были, и весьма неплохо, не только холодным, но и огнестрельным оружием, не только дети боярские, но и посадские люди, и даже сельские мужики. Вот и попробуй тут провести в жизнь политику, которая не соответствовала бы интересам «земли»! Кстати сказать, не замеченным и историками, и интересующейся русской историей публикой остается тот факт, что в эпоху «тирании» Ивана Грозного нет крупномасштабных народных волнений и бунтов, если не считать московского бунта 1547 г., относительно которого есть все основания полагать его инспирированным враждующими боярскими кланами, чего не скажешь о более поздних временах.

Добавим к этому, что и само общество, «земля» то есть, в это время не было структурировано, границы между его составными частями-«чинами» («освященный, и служивый, и торговый, и земледельческой») еще не устоялись и были весьма размытыми, равно как и характер «службы» каждого из «чинов». Достаточно сказать, к примеру, что, как показывают переписные книги, в конце 30-х гг. XVI в. далеко не все тверские служилые люди, владевшие землями, были обязаны службой кому бы то ни было. Такое положение давало определенные преимущества для всех. Социальная структура, еще не заостренвшая полностью (кроме самых верхних этажей), достаточно гибкая, могла быстро реагировать на изменяющиеся условия; социальные лифты работали достаточно эффективно. Да и наличие, пусть незначительно, но различающихся социальных моделей создавало определенный эффект конкуренции и выбора, что до определенного времени было на руку как власти, так и самому обществу. Власть могла выбирать ту модель, которая больше отвечала ее интересам, особенно если учесть, что и сама

власть на первых порах существования Русского государства, как уже было показано выше, представляла собой конгломерат группировок – «партий», связанных изнутри территориальными, родственными и патрон-клиентскими связями, а великокняжеская власть выступала по отношению к этим «партиям», представлявшим интересы как светской, так и духовной элит, своего рода верховным арбитром. Обществу при этом гарантировался определенный уровень прав и свобод, унаследованных «от старины», поскольку, подчеркнем это еще раз, власть, инкорпорируя отдельные «земли» в состав «своего» государства, так или иначе должна была, не обладая необходимым административным ресурсом, находить некий компромисс с местными региональными элитами, отражавшими в известной степени интересы наиболее влиятельной части населения.

Итак, перед нами предстает очень сложная структура, элементы которой плохо «притерты» друг к другу и управление которой требует немалых усилий, знаний и навыков «разруливания» возникающих ежечасно и ежесекундно противоречий между центральной властью («делом государевым»), «землей» («делом земским») и отдельными «землями», между боярскими кланами, группировками внутри церкви (не стоит забывать, что речь идет об обществе на пороге Нового времени, глубоко религиозном, в котором церковь и религия играют роль идеологического стержня), а еще больше – опыта умелого сочетания интересов «дела государева» и «дела земского», не забывая при этом еще и о «деле церковном» при достижении намеченной цели. И кто, зададимся вопросом, учил Ивана этому тонкому искусству государственного управления? В книжках об этом не пишут, а полагаться на свиту в таких вопросах опасно – люди есть люди, преследуя свои партикулярные интересы, они могли (и, скорее всего, давали) совсем не те советы, которые нужны были неопытному юному государю (впрочем, позднее Иван именно в этом и обвинял «силных во Израиле» в своей переписке с Андреем Курбским).

Таким образом, из условий задачи вытекает, что ситуация в России к началу правления

Ивана IV существенно усложнилась в сравнении с прежними временами, равно как и те задачи, которые предстояло решать власти. Но ни «вертикаль власти», ни общество с его институтами к решению этих усложнившихся новых задач были не готовы в силу своей «заточенности» на сохранение милой сердцу и привычной «старины», в которой каждый сверчок знал свой шесток, в том числе и верховная власть, прерогативы и сфера влияния которой были зафиксированы обычаем и традицией, а легитимность государя и его власти определялась в глазах как свиты, так и «земли» во многом именно его, государя, следованием «преданиям старины глубокой».

Отсюда и вытекают главные вопросы внутренней и внешней «политики» Ивана IV – «как нам обустроить Россию» «внутри» и «снаружи»? Как выстроить такую «вертикаль власти», в которой были бы заложены возможности более или менее успешного разрешения неизбежных противоречий между различными кланами и группировками «наверху» и трений между властью в центре и интересами «земель» «внизу», не говоря о том, что свой интерес и свое «дело» было и у церкви, претендовавшей на свою долю пирога властного? И подступать к решению этих сложнейших задач должен был юный государь, не обладающий должными опытом, знаниями, навыками и умениями, окруженный свитой, в которой царили своекорыстные интересы и лютая партикулярщина, как и в «землях». И все это должно было быть осуществлено в условиях начатой в 1545 г. (и растянувшейся на долгие тридцать с лишним лет) не Иваном, но Боярской думой и митрополитом Макарием войны за Ордынское наследство, главным противником Москвы в которой был Крым, за спиной которого стояла, пожалуй, сильнейшая на тот момент военная держава западной Евразии – Османская империя. И теперь, поставив себя на место Ивана, оцените свои способности и возможности по решению этих сложнейших задач, прежде чем осуждать его...

Кстати, об осуждении. Безусловно, Иван Грозный ни в коем случае не ангел, и руки его, как, впрочем, любого правителя той эпо-

СВЯТОЙ ИЛИ «ERBFEIND GANTZER CHRISTENHEIT»?
ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА: ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ

хи, обагрены кровью, увы, и невинной тоже. Но можно ли подходить к оценке его деяний с точки зрения нашего, гораздо более гуманного и цивилизованного, времени? Прусскому канцлеру О. фон Бисмарку приписывают фразу о том, что «великие дела вершатся не голосованием в рейхстаге, но железом и кровью». И если попытаться подвести общий итог правления Ивана Грозного, то может ли оно быть записано целиком и полностью в «минус», или же «плюсы» будут преобладать? Упомянутую выше тридцатилетнюю войну за Ордынское наследство Иван Грозный сумел, ценой колоссальных усилий и жертв, выиграть. Крымский хан Девлет-Гирей, которого турецкий султан Сулейман I сделал «смотрящим» за делами в Восточной Европе, не справился со своей ролью и уж тем более не смог сделать то, что ему завещали Менгли-Гирей I, Мухаммед-Гирей I и Сахиб-Гирей I. Да, из-за ошибок московских воевод ему удалось в мае 1571 г. сжечь Москву, но поражение летом 1572 г. в многодневном сражении под подмосковным селом Молоди окончательно поставило крест на попытках Крыма стать империей и возродить Золотую Орду под своим верховенством. Москва же не только сохранила в своих руках Казань и Астрахань, а вместе с ними и богатейший волжский торговый путь, но и начала покорение Сибири и Ногайской Орды (которые были завершены после Ивана), освоение Дикого поля и проникновение на Северный Кавказ.

Выиграна Иваном была и Ливонская война 1558–1561 гг., в ходе которой был разгромлен Ливонский орден и рухнула Ливонская конфедерация, а в руки Москвы на без малого четверть века перешли Нарва и Дерпт-Юрьев с прилегающими территориями. Стоит обратить внимание на то, что Иван до последнего момента категорически отказывался от полного подчинения Ливонии и установления там прямого управления из Москвы. Он ограничился только Нарвой и Дерптом, а на остальных взятых саблех ливонских землях пытался создать вассальное государство то во главе с бывшим ливонским магистром В. фон Фюрстенбергом, то с датским принцем Магнусом). Победу одержал Иван и в очередной русско-литовской, которую по праву можно назвать Полоцкой, войне 1561–1572 гг. И в

вялотекущей войне со шведами, начавшейся де-факто в 1570 г. с попытки царского «годовника»-вассала Магнуса овладеть Ревелем, вплоть до конца 70-х гг. перевес также был на его, Ивана, стороне. Лишь Баториеву, Московскую войну 1578–1582 гг., Иван проиграл, отдав по ее итогам свой главный приз в войне за Ливонское наследство (частью которой были и упомянутые выше войны Ливонская, Полоцкая и со шведами) – Полоцк и Дерпт – и смирившись на время с утратой Нарвы, которую под шумок отхватили шведы.

В «минус» Ивану можно было бы записать и образование Речи Посполитой в 1569 г., государства более сильного и обладавшего большими ресурсами, чем одряхлевшее к середине XVI в. Великое княжество Литовское. Но, прежде чем упрекать Ивана в такой промашке, стоит задать вопрос – а как могла Москва помешать заключению Люблинской унии? Эта уния стала прямым следствием проигранной Вильно Полоцкой войны, а сама эта война стала, в свою очередь, следствием отказа Сигизмунда II и панов Рады от предложения Москвы заключить на условиях сохранения status quo и образования антикрымской коалиции (при отказе от новых территориальных претензий) «вечный мир». И если «русская партия» в Великом княжестве Литовском не сумела «продать» подписание «вечного мира» на предложенных Москвой чрезвычайно выгодных условиях, то стоит ли удивляться ее поражению в ходе переговоров вокруг условий унии Польши и Литвы? И как могла Москва повлиять на эти процессы? Но даже в этом случае еще не все было потеряно, если бы в историю не вмешался Его Величество Случай и субъективный фактор в лице трансильванского воеводы Штефана Батори – Стефана Батория, энергичного политика, толкового администратора и талантливое военачальника, сумевшего буквально из-под носа у Ивана и его союзника, римского императора, увести корону Речи Посполитой. С Генрихом Валуа у Речи Посполитой шанса выиграть войну с Русским государством практически не было, а вот с Баторием он появился и был реализован (хотя и не в той мере, на которую рассчитывали в Польше).

Внутри государства Иваном также были проведены серьезные преобразования. Не-

обходимо обратить внимание на то, что созданные Иваном механизмы управления оказались достаточно эффективными для того, чтобы на протяжении большей части его правления поддерживать уровень напряжения, необходимый для успешного ведения войны, по меньшей мере, на два фронта в условиях неблагоприятной внешне- и внутриэкономической конъюнктуры. Это подтверждает косвенно наш тезис о том, что то самое «земско-служилое государство» было в целом оформлено именно при Иване IV. Была переформатирована «вертикаль» власти, в которой центральной место заняли приказы, де-факто возглавляемые дьяками, высокопрофессиональными управленцами, хундорными или вообще, что называется, «из народа». Это вызывало лютую ненависть у знати и ее клиентов – недаром Курбский обвинял Ивана в том, что мол, государь окружил себя «писарями», «им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простого всенародства» [13, стб. 61]. Курбскому вторит и его confident Тимофей Тетерин, беглый стрелецкий голова, сам, кстати сказать, происходивший из «писарского» рода: «Есть у великого князя новые верники: дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим отцам в холопъстве не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют» [9, с. 537]. Изменилось и войско, в котором существенную часть составили стрельцы – по существу, прообраз регулярного войска – и артиллерия. Да и самая конная милиция, составленная из детей боярских и их послужильцев (порядок службы которой был при Иване более или менее упорядочен), вплоть до конца 70-х гг. демонстрировала достаточно высокий уровень боеспособности, упавший лишь потому, что экономическая основа службы детей боярских – поместья – пришли в упадок. Достаточно устойчивыми, судя по всему, оказались и финансы Ивана Грозного; во всяком случае, он обошелся без серьезных внешних займов и о своем банкротстве, подобно испанскому королю Филиппу II, владельцу серебряных и золотых рудников Америки, не объявлял.

Что можно поставить в вину Ивану – так это опричнину, загадочное явление, о характере и задачах которой споры идут по сей день. Однако осмелимся поддержать мнение некоторых историков, что опричнина представляла собой комплекс чрезвычайных мер, нацеленных прежде всего на то, чтобы мобилизовать усилия страны на ведение войны на двух, крымском и литовском (не говоря уже о шведском) фронтах. Была ли она распущена потому, что выполнила свою задачу, или же Ивану стала очевидна пагубность действий опричников – вопрос, на который пока нет ответа, и вряд ли он появится в обозримом будущем, ибо тема опричнины чрезвычайно политизирована и идеологизирована, и ждать непредвзятого подхода к ее изучению сложно.

Разорение страны также можно поставить в вину Ивану, но не стоит все-таки забывать о том, что время правления Грозного – период острого экономического кризиса в стране, обусловленного объективными причинами, в том числе и природными: неурожаи, голод и эпидемии – постоянные «гости» в Русской земле в это время, начиная с 50-х гг. XVI в. Между прочим, французский историк Ф. Бродель писал, что «между 1540 и 1560 гг. (даты приблизительные) Европа была потрясена более или менее ясно выраженным кризисом, которые делит XVI век надвое: Франция Генриха II – это уже не залитая солнцем Франция Франциска I; елизаветинская Англия – это уже не Англия Генриха VIII...» [5, с. 153]. Вот и вопрос – был ли русский экономический кризис, во многом обусловивший и усугубивший кризисы социальный и политический, явлением сугубо русским, вызван ли он злой волей ненасытного царя-тирана, или же он был частью общеевропейского кризиса?

И даже с пресловутой «тиранией» есть вопросы. Отрицать массовый характер казней при Иване было бы, по меньшей мере, странно – действительно, в сравнении с дедом и отцом внук по части кровопролития превзошел их в разы. Один новгородский погром, размеры которого были, впрочем, сильно преувеличены, чего стоит. В то же время, к примеру, царь-тиран тщательно разбирает местнические тяжбы и вместо того, чтобы укоротить непокорствующих бояр на голову, «разводит»

их с тем, чтобы не было поруки боярской чести. Как это совместить с «тиранством», непонятно. А вот что пишет историк В.В. Бовыкин, занимающийся изучением земства в эпоху Ивана Грозного. Он отмечает, что «основные сферы деятельности органов местного самоуправления – губное дело, сбор тягла, отправление местного правосудия не менялись в течение всей второй половины XVI в. (курсив мой. – В.П.). К этому добавлялись другие правительственные поручения, связанные, например, с отводами земли и поддержанием правопорядка. Что свидетельствует как о доверии центральной власти к местному самоуправлению, так и о незаменимости этого института в решении широкого круга вопросов внутренней политики. Соучастие населения, как и прежде, играло ключевую роль в местном самоуправлении...» [4, с. 376].

Коллега В.В. Бовыкина, В.А. Аракчеев, изучающий проблемы земского самоуправления во 2-й половине XVI в., также отмечает, что, несмотря на репрессии, обрушившиеся на Новгород, «земские органы самоуправления в Новгороде и, особенно, в Пскове продолжали функционировать в 1570-х гг.», подчеркнув, что «в источниках нет прямых указаний на искоренение опричниками в ходе реформ земских учреждений. Взаимоотношения опричных властей с земскими мирами на своей территории строились прежде всего на принципах фискального террора (а как иначе-то, когда страна воюет порой даже не на два, а на три фронта, – В.П.), когда волостям и посадам во главе с земскими старостами адресовались нарастающие требования выплаты налогов. Однако, во-первых, <...> репрессивные формы фиска активно применялись и в земской части государства, и, во-вторых, <...> опричнина не была абсолютной антитезой “земле” <...>. В условиях социально-политической конъюнктуры 1560–1570-х гг. власть могла опираться на “землю”...» [3, с. 368].

Общий вывод В.А. Аракчеева: «Земская реформа в свете новых источников никак не выглядит антитезой монархическому государ-

ству и его институтам. Сохранившиеся до нашего времени комплексы актов земского документооборота свидетельствуют прежде всего о проникновении государственного аппарата в толщу земских миров, чьи усилия были бюрократизированы и поставлены под контроль и учет (но не отменены, – В.П.)...» [3, с. 412]. То есть, можно говорить о том, что при Иване IV земское самоуправление не только не было уничтожено, но, напротив, было легитимизировано, получило вполне официальный, законный статус и, что самое главное, получило реальный опыт участия в управлении государством; на местах оно вовсе не было пятым колесом в телеге, а исполняло весьма важные функции. И не вызывает сомнения тот факт, что все это очень пригодилось в годы Смуты, когда именно «земля» взяла на себя роль спасителя Отечества в условиях, когда центральная власть полностью обанкротилась.

Все приведенные выше факты по меньшей мере заставляют задуматься над тем, что все не так однозначно в эпохе Ивана Грозного. Вместе с тем приходится с сожалением констатировать: лишь в последнее время наметилась тенденция к пересмотру отдельных положений карамзинской схемы, но лишь отдельных, а не всей ее как единого целого. И это при том, что и вышеперечисленные факты давно известны, и основная масса документов и материалов, относящихся к эпохе Ивана Грозного, опубликована и доступна. Увы, слишком велика и прочна стена, возведенная прежде на пути более или менее объективной оценки деяний Ивана IV, а значит, новая и при этом целостная историческая интерпретация, позволяющая взглянуть на эпоху Ивана Грозного под другим углом зрения, похоже, появится еще не скоро – достаточно взглянуть на самые последние биографии Ивана Грозного, отечественные [см., напр., 19] и зарубежные [см., напр., 20], чтобы понять, что новые веяния с чрезвычайным трудом пробивают себе дорогу через напластования мифов и штампов, хотя такие попытки и имеются [см., напр., 21].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акты, относящиеся до истории Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. 442 с.
2. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 447 с.
3. Аракчеев, А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М.: Древлехранилище, 2014. 512 с.
4. Бовыкин, В.В. Местное самоуправление в Русском государстве XVI в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 421 с.
5. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII в. Т. 3. Время мира. М.: Весь мир, 2007. 752 с.
6. Виппер, Р.Ю. Иван Грозный. Рига: Дельфин, 1922. 115 с.
7. Герберштейн, С. Записки о Московии. Т. I. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
8. Грибоедов, Ф.А. История о царях и великих князьях земли Русской // Памятники древней письменности. Вып. СХХI. СПб., 1896.
9. Послания Ивана Грозного. СПб.: Наука, 2005. 715 с.
10. Гуревич, А.Я. «Территория историка» // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. Мидиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М.: РГГУ, 2005. С. 562–600.
11. Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1892. Стб. 625–712.
12. Корчмина, Е.С. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах // Российская история. 2013. № 5. С. 77–91.
13. Курбский, А. История о великом князе московском. СПб., 1913. 194 стб.
14. Маркс, К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века [Электронный ресурс] URL: http://scepsis.net/library/id_883.html (дата обращения 04.09.2015).
15. Псковская 3-я летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 251–290.
16. Уваров, Д. Битва при Креси (1346 г.) и военное дело первой фазы Столетней войны (1337–1347 гг.) // Воин. 2003. № 14. С. 13–26.
17. Трактат Иоганна Фабри «Религия москвитов» // Россия и Германия: культурные связи. Вып. 1 М.: Изд-во ИВИ РАН. 1998. С. 15–34.
18. Филюшкин, А.И. Андрей Курбский. М.: Молодая гвардия, 2008. 299 с.
19. Шапошник, В.В. Иван Грозный. СПб.: Академия исследования культуры, 2015. 312 с.
20. Madariaga, Isabel de. Ivan the Terrible: First Tsar of Russia. New Haven and London: Yale University Press, 2005. XXII; 484 p.
21. Pavlov, Andrei and Perrie, Maureen. Ivan the Terrible. London: Routledge, 2003. 248 p.

REFERENCES:

1. *Acts Relating to the History of Western Russia, Collected and Published by the Archaeological Commission*. Vol. II. 1506–1544. St. Petersburg, 1848. 442 p.
2. Alekseev, Yu. G. *Sudebnik by Ivan III. Tradition and Reform*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2001. 447 p.
3. Arakcheev, A. *Power and "Land". Government Policies on the Taxpaying Estates in Russia in the Second Half of XVI - Early XVII Century*. Moscow: Drevlekhranilische, 2014. 512 p.
4. Bovykin, V. V. *Local Government in the Russian State in XVI Century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2012. 421 p.
5. Braudel, F. *Material Civilization, Economics and Capitalism, XV-XVIII Century*. Vol. 3. A Time of Peace. Moscow: Ves' mir, 2007. 752 p.
6. Vipper, R. Yu. *Ivan the Terrible*. Riga: Del'fin, 1922. 115 p.
7. Herberstein, Sigmund. *Notes on Muscovy*. Vol. I. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2008. 776 p.
8. Griboedov, F. A. The Story of the Great Kings and Princes of the Russian Earth. *Monuments of Ancient Literature*. Iss. CXXI. St. Petersburg, 1896.
9. *Epistles of Ivan the Terrible*. St. Petersburg: Наука, 2005. 715 p.
10. Gurevich, A. Ya. "The Territory of the Historian". *History – a Never-Ending Debate. Medieval and Scandinavian Studies: Articles from Different Years*. Moscow: Publishing house of RSUH, 2005. Pp. 562-600.
11. Tale of Prince Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky. *Russian Historical Library*. Vol. XIII. St. Petersburg, 1892. Col. 625-712.
12. Korchmina, E. S. "Many Millions of the Public Purse in the Dark Are": a Shortage of Poll Tax in the 1720-1760-ies. *Rossiiskaia Istoriia*. № 5. 2013. Pp. 77-91.
13. Kurbsky, A. *The Story of the Grand Prince of Moscow*. St. Petersburg, 1913. 194 cols.
14. Marx, K. *The Revelations of Diplomatic History of the XVIII Century*. URL: http://scepis.net/library/id_883.html (data of access: September 4, 2015).
15. Pskov 3rd chronicle. *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. V. Iss. 2. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. Pp. 251-290.
16. Uvarov, D. Battle of Crecy (1346) and Military Affairs of the First Phase of the Hundred Years War (1337–1347). *Voin*. № 14. 2003. Pp. 13-26.
17. Johannes Fabry Treatise "Religion Muscovites". *Russia and Germany: Cultural Links*. Iss. 1 Moscow: Publishing house IWH RAS. 1998. Pp. 15-34.
18. Filyushkin, A. I. *Andrei Kurbsky*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2008. 299 p.
19. Shaposhnik, V. V. *Ivan the Terrible*. St. Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury, 2015. 312 p.
20. Madariaga, Isabel de. *Ivan the Terrible: First Tsar of Russia*. New Haven and London: Yale University Press, 2005. XXII; 484 p.
21. Pavlov, Andrei and Perrie, Maureen. *Ivan the Terrible*. London: Routledge, 2003. 248 p.